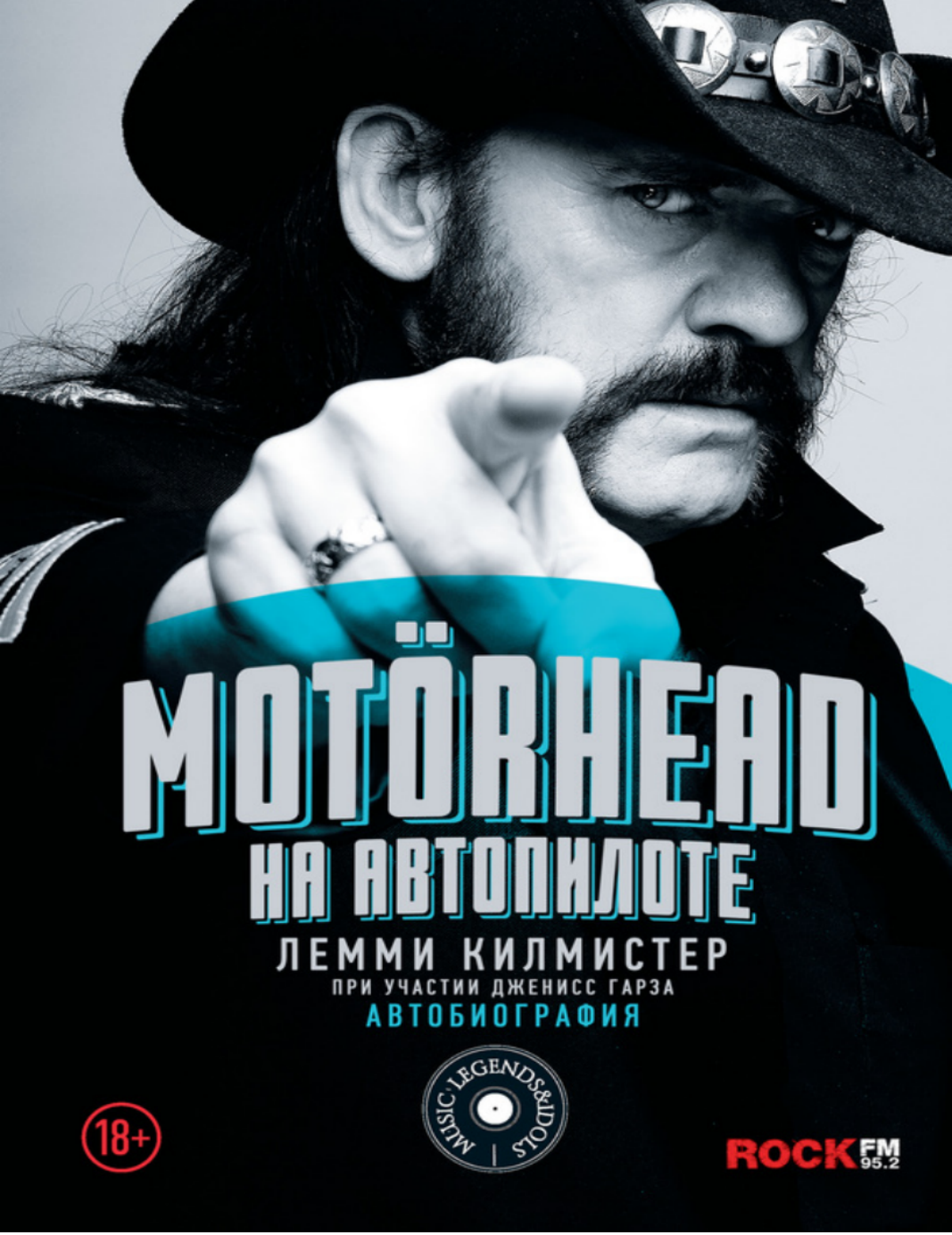

MOTÖRHEAD

НА АВТОПИЛОТЕ

ЛЕММИ КИЛМИСТЕР

ПРИ УЧАСТИИ ДЖЕНИСС ГАРЗА

АВТОБИОГРАФИЯ

MUSIC LEGENDS & IDOLS

18+

ROCK FM 95.2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей книге Лемми Килмистер рассказывает о невероятном, бросающем вызов путешествии по миру музыки. Он хотел обмануть смерть, и не один раз. Пожалуй, самый известный случай произошел в 1980 году, когда его врач сказал: «Я не могу сделать тебе переливание крови, потому что обычная кровь тебя просто убьет… И твоя кровь убьет другого человека, потому что это уже другое вещество, настолько токсичное». Но после этого Лемми прожил еще три десятилетия, чтобы рассказать без прикрас о прожитой жизни, которая била через край. Часто возмутительные, и всегда необузданные истории лидера самой громкой рок-группы в мире.

- Лемми Килмистер, Дженисс Гарза
  -
  -
  - Предисловие
  - Пролог
  - Глава 1. Козерог
  - Глава 2. Ветер в голове
  - Глава 3. Сыр в мышеловке
  - Глава 4. Метрополис
  - Глава 5. Фанат скорости
  - Глава 6. Рожденный для скорости
  - Глава 7. Пиво и дебош
  - Глава 8. Упрямо движемся вперед
  - Глава 9. Возвращение в дурдом
  - Глава 10. (Не позволяй им) сломить тебя
  - Глава 11. Город ангелов
  - Глава 12. Мы – Motörhead
  - Глава 13. Дивный новый мир
  - Эпилог
  - Финал: Годы успеха
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

Лемми Килмистер, Дженисс Гарза Motörhead. На автопилоте

Lemmy Kilmister
Janiss Garza
White Line Fever: The Autobiography

© Ian Kilmister and Janiss Garza, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Эта книга посвящается Сьюзан Беннетт, которая, возможно, и была той единственной.

Предисловие

Лемми умер четыре месяца назад, и вот уже неделю я пытаюсь придумать, что написать в этом предисловии. После смерти Лемми мне выпала честь много рассказывать о нем, о моем знакомстве с ним и о том, как сильно он повлиял на мою жизнь. Мне предстояло произнести речь на вечере его памяти, и я, повинуясь чувствам, набросал ее в очень свободной, естественной манере… а теперь мне надо написать что-то более связное, и это нелегкая задача.

Перечитав то, что я говорил в тот день, я почувствовал, что уже не смогу лучше выразить свое уважение, восхищение и любовь к Лемми. Поэтому я попросил редактора этой замечательной книги позволить мне просто повторить в предисловии те самые слова, вместо того чтобы переписывать и портить их. Так вот…

Тридцать четыре года назад, в июне 1982, в Западном Голливуде, я заблевал сам себя с головы до ног. Важно тут не то, что я блеванул. Увы, тинейджером я блевал частенько. Я находился в номере Лемми в отеле Sunset Marquis, было четыре часа дня, а вечером ему предстояло играть самый большой концерт американского тура Iron Fist, в котором Motörhead были хедлайнерами. Через пять часов он должен был выйти на сцену, а пока я с ним выпивал и общался. Неловкий восемнадцатилетний сопляк в номере Лемми. Вот что было *действительно* важно.

В конце 70-х я часами болтался перед отелем «Плаза» в Копенгагене, чтобы встретиться с моими любимыми рокерами. Ричи Блэкмор, Ронни Дио, Фил Лайнотт, Робин Трауэр, Пол Стэнли и многие другие – все они любезно давали автографы, разрешали с собой сфотографироваться, могли пятнадцать секунд поболтать ни о чем… вот, собственно, и все.

Потом я переехал в Америку, жил в Южной Калифорнии, и главной музыкой в моей жизни стали Motörhead. Я буквально дышал каждой их нотой, каждым словом, которое пел Лемми, каждой байкой, которую он рассказывал в интервью. Когда они впервые приехали в Америку – в 1981 году, на разогреве у Оззи – я, конечно, был вне себя от радости и решил всю ту неделю следовать за ними по Калифорнии.

Так я за ними и ездил из города в город, туда-сюда по пятой автомагистрали – мальчик-фанат, финальная стадия. Но с ними все было по-другому. В отличие от рок-звезд, которых я подстерегал когда-то в Копенгагене, Motörhead приняли меня с распростертыми объятьями – и в первую очередь сам Лемми.

Никакой заносчивости, никакой пустой болтовни, только чтобы от меня отделаться. От меня не требовалось по-быстрому сфоткаться и отвалить. Это было совсем другое отношение, другие правила игры. На первом же концерте меня пригласили в их святая святых – в гримерку, в гастрольный автобус, и где я только не побывал с ними в ту неделю: в отелях, в барах, в придорожных забегаловках. Меня пускали везде. И всегда меня привечали, и чувствовалось, что этим ребятам на меня не наплевать. Лемми был потрясающе радушным – лучший в мире хозяин на вечеринках, – он взял меня под крыло и дал мне почувствовать, что я принадлежу к чему-то несоизмеримо большему, чем я сам.

Месяц спустя мне пришлось путешествовать дикарем по Англии – я ехал на стадион Port Vale, где намечался сборный концерт под названием Heavy Metal Holocaust, и Motörhead были там хедлайнерами. Тем летом у них вышел альбом No Sleep 'Til Hammersmith – он сразу занял первое место, и они были самой крутой группой в Европе. Все билеты на этот концерт были распроданы, а тут я – без билета, ни гроша за душой. Но не прошло и пятнадцати минут, как я уже оказался за сценой в «штабе» Motörhead, где Лемми снова принял меня с распростертыми объятьями и вспомнил наши подвиги в Калифорнии месячной давности. Это был самый большой концерт того лета в Англии – но у Лемми нашлось время для меня.

Перенесемся еще на месяц позже – Лондон, репетиционная база Nomis. Я как-то прознал, что ребята работают там, и направился прямиком к ним – и снова, не веря своему счастью, я в считанные минуты оказался в маленькой комнате, смотрел во все глаза и слушал, а прямо у меня перед носом Лемми, Быстрый Эдди и Фил «Грязное Животное» Тейлор сочиняли песни для альбома Iron Fist. Мы четверо в одной комнате. Ебануться можно.

Эти события круто изменили мою жизнь – словами этого не описать. Именно поэтому летом 1981 года я захотел играть в группе, создать группу, быть музыкантом, быть частью группы, коллектива, быть частью рок-н-рольного бродячего цирка и, быть может, однажды в свою очередь гостеприимно открыть двери другим неловким, неприкаянным ребятам, которые, надо надеяться, встретятся нам в пути. За свою карьеру я дал несколько тысяч интервью и всегда называл Лемми и Motörhead своим главным источником вдохновения – нашей музыкой и нашей жизненной позицией мы обязаны им, именно с них мы лепили свое восприятие мира, свое мировоззрение.

Так что спасибо тебе, Лемми, за то, что помог мне стать собой. Спасибо за открытую дверь, за музыку, за бухло, за смех, за

байки, за то, что ты никогда не судил меня и дал мне почувствовать себя частью чего-то большего, чем я сам. И еще спасибо тебе за то, что ты никогда не перегибал палку: ты был рок-звездой ровно в той степени, чтобы быть крутым, и ни каплей больше.

И да, спасибо тебе за то, что сфотографировал меня тогда в своем гостиничном номере – в июне 1982 года, заблеванного с головы до ног, – и поместил эту фотографию на внутренний разворот своей следующей пластинки[1]. Это величайшая честь, которую ты мог бы мне оказать. Я всегда буду испытывать благодарность за то, что знал тебя, и с гордостью говорить о том, как много ты значил для меня и как вся твоя жизнь и твоя крутизна вдохновляют меня уже 37 лет.

Ларс Ульрих, 25 апреля 2016

Пролог

Я родился под Рождество 1945 года, и звали меня тогда Иэн Фрейзер Килмистер – недель на пять раньше срока и с прекрасными золотистыми волосами, которые, к вящему веселью моей странноватой матери, выпали через пять дней. Ни ногтей, ни бровей, и еще я был ярко-пунцового цвета. Мое первое воспоминание – как я кричу. Отчего и почему – не знаю. Скорее всего, обыкновенная детская истерика. А может быть, репетиция. Я всегда был молодой да ранний.

Отец был не рад. Наверное, можно сказать, что мы с ним друг другу не понравились: он ушел из семьи через три месяца. Может, все дело в выпавших волосах. Может быть, он решил, что я слишком рано начал ему подражать.

В войну отец был капелланом в Королевских ВВС, а мать – хорошенькой юной библиотекаршей, которая понятия не имела, что священники страшные лицемеры. В смысле – вы учите, что Спаситель был сыном жены какого-то бродяги (к тому же девственницы!) и *духа*? И это – основа мировой религии? Вот уж не знаю. По-моему, если Иосиф поверил в эту байку, то в яслях ему самое место!

В общем, я по отцу не особенно скучал, ведь я его даже не помнил. К тому же мама с бабушкой страшно меня баловали.

Я встретился с ним через двадцать пять лет в пиццерии на Эрлс-Корт-роуд: похоже, угрызения совести довели его до горячки и он решил «помочь мне». Мы с мамой решили: авось вытрясем что-нибудь из этого сукина сына! Так что я пошел знакомиться с этой жалкой личностью. Я предвидел, что дело гнилое, и оказался прав.

Я сразу его узнал – правда, он как будто стал меньше, но ведь и я подрос. Меня встретил сутулый сморчок в очках и с большой плешью.

Наверное, для него это была неловкая ситуация – уйти из семьи, которую он вообще-то должен был поддерживать, и затем двадцать пять лет от него ни слуху ни духу… конечно, ему было неловко. Но кому по-настоящему было неловко, так это моей маме: ей-то пришлось растить меня в одиночку, да еще и бабушку кормить!

Он говорит:

– Я хотел бы помочь тебе с карьерой – наверстать упущенное, ведь я не был тебе хорошим отцом.

Ха! Я ответил:

– Облегчу тебе задачу. Я играю в рок-группе, и мне нужно

кое-какое оборудование (а у меня как раз опять усилитель барахлил) – купи мне усилитель и пару кабинетов, и мы квиты, идет?

Помолчав, он произнес:

– Так-так…

Очевидно, он не был в восторге от такого плана.

– Музыкальный бизнес дело ненадежное.

Кажется, в свое время он был отличным пианистом. Но его время прошло.

– Ага, – ответил я, – знаю, но я этим зарабатываю.

Это была неправда – во всяком случае, на тот момент.

– Я думал оплатить тебе какое-нибудь обучение – вождение, техника продаж. Ты мог бы стать торговым агентом или… – он умолк.

Теперь уже я был не в восторге.

– Иди в жопу, – сказал я и встал из-за стола. Ему повезло, что нам не успели принести большую пиццу в честь нашей исторической встречи, а то она стала бы его новой шляпой. Я вышел обратно, в безотцовщину. После разговора с ним улица показалась мне чистой – и это Эрлс-Корт-роуд!

Кстати, о двуличных ублюдках: мою группу, Motörhead, в 1991 году номинировали на «Грэмми». Щедрый подарок от музыкальной индустрии. Так что я сел на самолет – из Лос-Анджелеса до Нью-Йорка пешком идти далековато. В кармане у меня была пинта Jack Daniel's – помогает протрезветь. Мы элегантно вырулили на залитую солнцем взлетную полосу, я сделал глоток виски и предался приятным мыслям о том о сем.

Тут раздался голос:

– Дайте мне эту бутылку!

Я поднял глаза. Стюардесса – волосы как из бетона и рот жопкой – повторила как попугай:

– Дайте мне эту бутылку!

Уж не знаю, как поступил бы ты, достопочтенный читатель, но я купил эту чертову бутылку и заплатил за нее деньги. Хрен я ее отдам. Это я ей и сообщил. Ее ответ:

– Если вы не отдадите мне эту бутылку, я высажу вас из самолета!

Становилось интересно – мы были, наверное, пятыми в очереди на взлет, рейс уже задерживался, неужели эта тупая сука задержит самолет из-за пинты Jack Daniel's?

– Ну и пожалуйста, – сказал я. – Убирайте меня на хер с самолета, – ну или что-то в этом роде. И представьте себе, эта кретинка так и сделала! АХАХАХАХАХАХАХА!! Из-за нее куча народа вылетела еще позже, они опоздали на пересадку в Нью-

Йорке, и все из-за какой-то пинты освежающего янтарного напитка… Ну и что? Пошла она на хуй! Ишь, раскомандовалась. А я полетел следующим рейсом, через полтора часа.

Торжественный день начинался не очень-то удачно – так он и продолжился. Когда мы добрались до прославленного зала Radio City («дом звезд»!), все щеголяли во взятых напрокат смокингах – вылитые пингвины, – пытаясь ничем не отличаться от тех самых козлов, которые крадут у них деньги! Я сам смокинги не ношу, это не в моем духе. А швейцарам, по-моему, не понравился мой железный крест.

Ну да ладно. Наш первый альбом на лейбле Sony номинировали на «Грэмми», и я неразумно полагал, что ребята с лейбла будут этому рады. Но они этого, похоже, вообще не заметили! Мне так ни разу в жизни и не выпало счастье лицезреть солнцеликого Томми Моттолу: в тот вечер он был очень занят – вероятно, бегал за Мэрайей Кэри по ее гримерке. Я скромный человек: мне вполне было бы достаточно услышать «Привет» или «Хорошо, что вы работаете с нами» или даже «Здорово, чувак». Ничего. *Nada*. В пизду все. Я пошел на вечеринку лейбла Sire. Другое дело. И потрахался.

Так что пошли они все в жопу. Много они о себе понимают!

Глава 1. Козерог

Моя жизнь началась в городе Сток-он-Трент в Западном Мидленде, в Англии. В Сток-он-Тренте объединились шесть городков. Самый неприглядный из них – Берслем, неудивительно, что именно там я и родился. Эти места называют Гончарнями, и земли вокруг города были черными от угольного шлака из печей, в которых делали самую разную посуду – в том числе знаменитый веджвудский фаянс. Повсюду, куда ни посмотришь, уродливые кучи шлака, а воздух грязный от печного дыма.

Примерно когда мой блудный отец ушел из семьи, мы с мамой и бабушкой переехали в Ньюкасл – Ньюкасл-андер-Лайм, неподалеку от Сток-он-Трента. Мы жили там, пока мне не исполнилось шесть месяцев, а затем поселились в Мейдли – очень милой деревне поблизости. Напротив нашего дома был большой пруд, практически озеро, в нем жили лебеди. Красиво, но общество там, конечно, не изысканное.

Мама тащила на себе всю семью, и ей пришлось трудно. Сперва она устроилась медсестрой к туберкулезникам, кошмарная работа: в те дни это было не лучше терминальной стадии рака, и она, по сути, просто провожала пациентов в последний путь. И она повидала детей, которые там рождались: бывали по-настоящему ужасные случаи. Туберкулез что-то делает с хромосомами: мама видела новорожденных с перьями, а у одного была чешуя. В конце концов она оставила это место и работала в библиотеке, а потом некоторое время не работала совсем. Я не очень понимал, как тяжело ей приходится, и решил, что мы как-нибудь да проживем. Потом она работала барменшей, но это уже потом, когда она снова вышла замуж.

В школе у меня сразу начались проблемы. Мы с учителями не сошлись во взглядах: они хотели, чтобы я учился, а я не хотел. В математике я был полный ноль – просто черная дыра. Учить меня алгебре было все равно что разговаривать со мной на суахили, и я быстро оставил всякие попытки ее понять. Я решил, что все равно не стану математиком, так что какая разница. Я постоянно прогуливал – прямо с первого дня и начал.

Мое первое воспоминание о трудной школьной жизни относится к младшим классам. Эта дура хотела учить мальчиков вязанию – должно быть, феминистка. Мне было лет семь, так что смысла в этом было ноль. К тому же она была просто зверь – ей нравилось бить детей. Я совершенно не хотел вязать, потому что это для девчонок и слюнтяев. В те дни слюнтяев еще называли слюнтяями. Это теперь они заправляют всей страной. Я сказал ей,

что не смогу этим заниматься, и она ударила меня. Тогда я снова сказал, что не смогу этим заниматься, и через некоторое время она прекратила меня бить.

Впрочем, если начистоту, я думаю, что если ударить ребенка за плохой поступок, ему это только пойдет на пользу: конечно, без причины бить не надо, а только если он что-нибудь натворит. Если ребенок до усрачки боится учителя, он скоро научится вести себя как следует. Мне регулярно доставалось такой специальной математической линейкой в форме молотка, которая висела у классной доски. Учитель заходил тебе за спину – и шмяк по затылку. Позже учитель физики бил нас ножкой табурета. Добротная штука, но я ее так и не отведал, потому что преуспевал в физике. Пока не оставил школу по взаимному согласию.

Если ты здорово получаешь по уху, так, чтобы у тебя еще полчаса в голове звенело, ты больше не будешь заниматься на уроке всяким дерьмом. Ты будешь слушать, что тебе говорят. Так было раньше, но теперь все изменилось. Мне и моим ровесникам это пошло на пользу: насколько я могу заметить, мы сообразительнее нынешнего молодого поколения.

Так вот, когда мне было десять лет, мама снова вышла замуж. Этого мужика звали Джордж Уиллис, и она познакомилась с ним через своего единственного брата – моего дядю Колина. Кажется, они подружились в армии (я имею в виду, Колин и Джордж…). Когда-то он был профессиональным футболистом, играл за «Болтон Уондерерс», а потом, по собственным словам, своими силами добился успеха в бизнесе и стал хозяином фабрики, изготавливавшей пластиковые подставки под обувь для витрин магазинов. Эта фабрика прогорела через три месяца после свадьбы. Своеобразный был человек. Смешной – обосраться. Его постоянно заметала полиция за то, что он продавал краденые стиральные машины и холодильники прямо из грузовика, но нам он об этом не рассказывал. Он говорил, что едет в командировку: «Дорогая, я уезжаю на месяц», – и садился в тюрьму на тридцать суток. Некоторое время мы ничего об этом не знали, но в конце концов он оказался не таким уж плохим парнем.

Он, конечно, привел в семью двух своих детей от предыдущего брака, Патрицию и Тони. Я был самым младшим, и мне все время доставалось от этих бугаев – новых брата с сестрой. Мои отношения с отчимом были непростыми, потому что для матери я был единственным ребенком в семье. Она дралась за меня, как маленький бойцовый петушок, и отчиму приходилось круто. Целью жизни Патриции было работать в Казначействе (подумать только), и со временем ее мечты сбылись. Тони живет в Австралии, в Мельбурне, у него своя фирма, он занимается

пластиком (*я представить себе не мог, что пластик это наследственное!*). Он десять лет служил в торговом флоте и почти двадцать лет не писал нам. Отчим думал, что он умер.

После свадьбы мамы с отчимом мы переехали в его дом в Бенллехе, курортном городке на острове Англси в Уэльсе. Тогда меня и прозвали Лемми – видимо, это что-то валлийское. Я попал в очень плохую школу – единственный английский мальчик среди семи сотен валлийцев: и приятно, и полезно, да? Так что меня зовут Лемми с десяти лет. Конечно, усы у меня были не всегда. Усы у меня выросли только в одиннадцать.

Но я умел развлекаться. Можно было стащить гелигнита и подрихтовать береговую линию Англси. Одна строительная компания ремонтировала все канализационные трубы в городе. Они могли работать только летом – потом становилось слишком холодно. Так что в сентябре-октябре они сворачивались, а вещи оставляли в бытовках. И где-то в конце октября – начале ноября мы с друзьями в них пробирались. Черт возьми, для мальчика лет десяти-одиннадцати это как клад найти! Там были кепки и комбинезоны, гелигнит, детонаторы и фитили – в общем, куча замечательных вещей. Мы цепляли детонатор к фитилю и совали его в гелигнит. Потом вырывали ямку в песке на берегу, совали туда наше изделие, оставляли фитиль снаружи и присыпали песком. Когда все было готово, мы клали сверху камень побольше, поджигали фитиль и уебывали со всех ног. БАБАХ! – и камень взлетал в воздух метров на пятнадцать. Это было круто! Потом я видел, как там, под дождем, стоит толпа людей, они глядели на произведенный ущерб и перешептывались: «Как думаешь, что случилось?» – «Не знаю, может, марсиане?» Что думал местный полицейский – загадка: он слышал весь этот страшный грохот, выходил на берег, а там пол-утеса съехало в море. Когда мы закончили, береговая линия на три километра была не та, что прежде. Но это же все невинные забавы, да? Какой только херней не занимаются школьники, и, в конце концов, почему бы и нет. Им же так и полагается – злить старших, не давать им расслабиться. А иначе какой в них толк?

Конечно, это все были пустяки по сравнению с моим растущим интересом к противоположному полу. Надо понимать, что тогда, в пятидесятые, никакого «Плейбоя» и «Пентхауса» не было. Все самое интересное было в журналах, где печатали фотографии, скажем, нудистов, играющих в теннис, – «Здоровье и эффективность» и тому подобная херня. Вот каким ужасным был мир в то время. А пятидесятые еще называют веком невинности. К черту невинность, сами попробуйте так жить!

Мое сексуальное воспитание началось рано. К матери

приходили, наверное, три дяди, пока не решилось, что один из них будет папа. Я ничего не имел против – я понимал, что ей одиноко и что она работает целый день, чтобы прокормить нас с бабушкой, в общем, я не возражал, если меня отправляли спать пораньше. К тому же я рос в деревне, и всегда можно было увидеть, как люди занимаются этим в полях. И конечно, мне частенько встречались машины с запотевшими окнами: пока парочка перебиралась спереди на заднее сиденье, можно было разглядеть голую ногу или грудь. Тогда было модно надевать две нижние юбки, они кружились вихрем, когда девчонки танцевали джайв, – и я часто ходил танцевать. Я бросил танцы, когда в моду вошел твист, потому что он оскорбил меня до глубины души: до девушек больше нельзя было дотронуться! Зачем это тебе, если ты только что открыл подростковую похоть? Близость и интимность, чтобы можно было потрогать, контакт, узнавание, обмен прикосновениями и чтобы меня тоже щупали в ответ – вот что мне было нужно!

Но только в четырнадцать лет, работая в школе верховой езды, я по-настоящему осознал, что хочу и вожделею женщин всех форм и размеров, любого возраста, цвета кожи и религиозных убеждений. И политических предпочтений. Каждое лето в наш курортный городок съезжался весь Ливерпуль и весь Манчестер. Студенты приезжали на каникулы и брали лошадей в нашей школе. И девочки-гайды[2] тоже приезжали скопом каждый год – вся шайка, с палатками и прочим снаряжением. За ними приглядывали аж две вожатых – ха! Кого они хотели обмануть? Мы собирались во что бы то ни стало добраться до этих девочек, даже если бы для этого потребовалось влезть в водолазные костюмы! И девочки явно были настроены так же. Они очень хотели учиться, и мы очень хотели учиться, и вместе мы научились. Уж поверьте, мы выучили все до последней ноты.

Я устроился на работу в школу верховой езды, потому что любил лошадей. Я и сейчас их люблю. Мы хорошо проводили там время, потому что лошади возбуждают женщин. В лошади есть сексуальная сила. Женщины особенно любят ездить верхом без седла, и дело не в том, о чем вы подумали. Мне кажется, это чтобы непосредственно ощущать тело животного. Седло делает это невозможным, особенно английское седло. А еще дело в том, что лошади очень сильные. Лошадь на самом деле может сделать с тобой все, что захочет, но она этого не сделает, потому что это, за редкими исключениями, спокойные животные. Они тебе поддаются. Я думаю, женщинам именно это и нравится в лошадях – это очень сильные существа, которые подчиняются тебе и не дают сдачи, даже не пытаются отстоять свои права. Правда,

посуду они не помоют, но это небольшая плата.

Я был влюблен в Энн. Она была на пять лет старше – в таком возрасте это огромная, непреодолимая разница. Но я до сих пор помню, как она выглядела: очень высокая – одни ноги, нос как будто сломанный, но она была очень привлекательна. Правда, она встречалась с очень некрасивым парнем. Я не мог этого понять. Однажды я случайно увидел, как они трахаются на конюшне, и вышел на цыпочках, бормоча под нос: «Господи». Но самая смешная история про этих девочек-гайдов произошла с моим приятелем по имени Томми Ли.

У Томми была одна рука – он был электриком и однажды дотронулся до какого-то провода, до которого дотрагиваться не следовало, и электричество буквально спалило ему руку до бицепса. Пришлось отрезать ему и то, что оставалось, и зашить плечо. С тех пор он стал не такой, как раньше: часто прислушивался к чему-то, чего никто кроме него не слышал. В общем, у него была фальшивая рука, на которую была натянута черная перчатка, – он цеплял ее за пояс или совал в карман. И вот однажды ночью мы с ним вдвоем пробрались к девочкам-гайдам. Проползли под изгородью, продрались сквозь заросли дрока… но в четырнадцать лет тебе наплевать, да? Чего только не сделаешь ради девчонки. Мы забрались туда, и я со своей цыпочкой пошел в одну палатку, а Томми со своей в другую. Стало тихо – только пружины скрипели. Потом я немножко задремал – обычное дело, мне было так хорошо и приятно (почему я до сих пор так и делаю!). А потом меня разбудил шум:

– (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой!

Я осторожно выглянул из палатки и увидел Томми – он бегал как сумасшедший, совершенно голый, с одеждой под мышкой. А за ним по пятам гналась разъяренная вожатая и била его по голове его же собственной рукой! Я так смеялся, что и меня поймали! Я не мог шевельнуться, не мог убежать, я был совершенно беспомощен. Ничего смешнее я в жизни не видел.

Я открыл для себя секс раньше, чем рок-н-ролл: надо понимать, что первые десять лет моей жизни рок-н-ролл еще не существовал. Был Фрэнк Синатра, Розмари Клуни и How Much Is that Doggie in the Window?[3] – эта песня была на вершине чартов чуть ли не несколько месяцев! Рождение рок-н-ролла я наблюдал собственными глазами. Первым я услышал Билла Хейли – думаю, это была песня Razzle Dazzle. Затем были Rock Around the Clock и See You Later Alligator. Его группа The Comets была вообще-то так себе, но никого другого не было. К тому же в Уэльсе с музыкой было сложно – можно было поймать «Радио Люксембург», но ловилось плохо. Звук то появлялся, то пропадал, и приходилось

все время крутить ручку, чтобы принимать сигнал. И было невозможно узнать, что именно играет: они объявляли песню в самом начале и больше уже не повторяли, и если пропустишь первые пять-восемь тактов, то все. Я несколько месяцев не мог идентифицировать песню What Do You Want to Make Those Eyes at Me For? Emile Ford and the Checkmates. (Этот парень, Эмиль Форд, потом куда-то подевался. У них было пять хитов в Англии. Он был на гребне успеха, а потом случился скандал: его поймали на том, что он брал деньги за автограф, и это его потопило. The Checkmates некоторое время пытались играть без него, но у них ничего не вышло.)

Если же ты хотел купить пластинку, надо было ее заказать и ждать целый месяц. Моей первой пластинкой, на 78 оборотов, была запись Томми Стила – «британского Элвиса», а потом я купил Peggy Sue Бадди Холли. Моя первая долгоиграющая пластинка – The Buddy Holly Story, я купил ее вскоре после того, как он погиб. Я даже был на его концерте – в танцевальном зале New Brighton Tower. Вот какой я старый – я видел живого Бадди Холли! Зато никто не усомнится в том, что я настоящий рок-н-роллльщик!

Я далеко не сразу обзавелся пластинкой Элвиса Пресли – первой я купил Don't Be Cruel. У него был классный стиль, и выглядел он классно, он был уникальным артистом, но с моей точки зрения он уступал Бадди Холли и Литл Ричарду. Его проблема была в дурацких би-сайдах[4]. А альбомы в то время были не то, что сейчас: просто собирали на одну пластинку последние, скажем, шесть хитов с би-сайдами. В результате те альбомы Элвиса наполовину состоят из дерьма. Он начал делать хорошие би-сайды, только когда записал I Beg of You. А Бадди Холли, насколько я знаю, не записал ни одного плохого трека. Еще моим кумиром был Эдди Кокрэн. Он работал на одной студии в Голливуде, и если кто-нибудь из клиентов заканчивал свою запись на час раньше, он мигом занимал освободившуюся студию и за этот час записывал свою песню. И он сам сочинял и продюсировал свою музыку. Он был первым, кто стал так делать: очень изобретательный парень. Я собирался сходить на его концерт, когда он был в британском туре, но как раз тогда он попал в автокатастрофу неподалеку от Бристоля и погиб. Я помню, что сильно горевал. Это была большая трагедия для рок-н-ролла. Кокрэн и Холли – из-за них я и начал играть на гитаре.

Я решил взяться за гитару отчасти из-за музыки, но процентов на шестьдесят или даже больше – ради девушек. К концу учебного года я обнаружил, что гитара притягивает девиц как магнит. Неделю после экзаменов ты сидишь в классе, делать

совершенно нечего, и один парень принес гитару. Он не умел играть, но его немедленно окружили девушки. Я подумал: о, кажется, тут можно поразвлечься! Дома на стене висела старая мамина гавайская гитара – она играла на ней в детстве, а ее брат играл на банджо. Незадолго до того гавайские гитары были очень популярны – это были лэп-стилы с плоским грифом и высокими ладами[5]. Мамина гитара была очень красивой, с перламутровой инкрустацией. Мне повезло – в 1957 году мало у кого была гитара.

Я притащил ее в школу. Я тоже не умел играть, но, конечно, меня тут же окружили девицы. Это правда сработало, причем мгновенно! Я больше никогда в жизни не видел, чтобы что-нибудь сработало так же быстро. С тех пор моя жизнь бесповоротно изменилась. Как я сообразил со временем, девушки ждали от меня, чтобы я играл на этой штуковине, и я научился, хотя на маминой гавайской гитаре струны стояли так высоко, что это было довольно мучительно.

Когда мне было пятнадцать лет, мы с классом поехали в Париж, а я как раз разучил Rock Around the Clock. И однажды ночью я играл ее три часа подряд, причем чуть не отхватил себе указательный палец выкидным ножом, который не желал меня слушаться. Я залил гитару своей кровью, и девчонки решили, что это невероятно круто. Как воин из племени сиу, который идет в заросли и убивает медведя голыми руками: тут примерно то же самое. Круто пролить кровь ради женщины!

Тем временем мать с отчимом прекрасно знали, как я провожу время. Тут и думать было нечего – девицы шли непрерывным потоком. Я превратил гараж в свое логово и водил девушек. Отчим врывался туда, чтобы застукать нас: он делал это так часто, что это было уже смешно. Наверное, он был вуайеристом.

– Ты в курсе, что лежишь на этой девушке? – орал он.

– Да, я знаю, что лежу на этой девушке, мать твою! – отвечал я. – И как ты только догадался?

Вскоре после той поездки в Париж меня исключили из школы. Мы с двумя друзьями прогуливали уроки. Мы сели в поезд и на целый день уехали на другой конец острова, а вернулись так, чтобы успеть на школьный автобус, развозивший нас по домам. Но судьбе было угодно, чтобы два ублюдка из другого класса засекли нас на платформе и все разболтали. Ябеда всегда найдется, да? Меня вызвали к директору. Это был полный придурок и бездельник. Думаю, его сделали директором школы просто потому, что для магистранта он был слишком стар. Две недели подряд он вызывал меня к себе на переменах и во время

ланча, пытаясь меня расколоть.

– Тебя видели два мальчика из Холихеда[6], когда поезд повернул назад, – говорил он мне.

– Это был не я, сэр, – упорствовал я. – Я там никогда не был.

Вот когда я научился врать. Дисциплина учит тебя врать, потому что скажешь правду – и ты в дерьме. В общем, не буду утомлять вас долгим рассказом: в конце концов он решил отхлестать меня тростью по рукам, два удара по каждой. Напоминаю, это было вскоре после поездки в Париж и того несчастного случая с выкидным ножом. Рана ужасно долго не заживала. Вы, наверное, знаете, сколько крови при таких порезах, чуть ли не при каждом ударе сердца: бу-бум – и кровь хлещет через всю комнату! Из меня тогда, наверное, целая пинта вытекла. Поэтому я попросил:

– Можно ударить меня четыре раза по одной руке, из-за пальца?

Но нет, его это не устраивало. Он невозмутимо встал, велел мне поднять руку и херак! Фонтан крови. И он такой, как ни в чем не бывало:

– Подними другую руку.

Ну ты и ублюдок, подумал я. И когда трость опустилась мне на руку, я ее вырвал и дал ему этой тростью по башке. Он в ярости воззрился на меня:

– Думаю, излишне объяснять, что твое присутствие здесь больше не требуется.

– Я и не собирался возвращаться, – ответил я и с этими словами вышел.

Но он был прав, в школу я не вернулся, и они так и не смогли доказать, что я прогуливал. Мне все равно только полгода оставалось. Родителям я не стал говорить: каждое утро я уходил из дома, как будто шел в школу, а вечером возвращался. Это время я проводил на конюшне, возился на берегу моря с лошадьми, а потом сменил пару работ. Сначала устроился маляром к одному мужику, он был гей, его звали мистер Браунсворд («коричневый меч» – лучшее имя для гея, просто идеальное!). Но ко мне он не лез. Его интересовал мой миловидный приятель Колин Пэрвис, что меня совершенно устраивало. Я им не мешал:

– Мистер Браунсворд, Колин будет работать здесь, а я пойду на второй этаж, хорошо?

А Колин бормотал под нос: «Вот сволочь!»

Потом мы стали работать на материке, в Конуи – в горах. Там я научился быть в одиночестве и получать от этого удовольствие. Я бродил по полям в компании овчарок. Я и теперь не против

побыть один. Многие находят это странным, но я думаю, что это круто.

Вскоре отчим устроил меня на фабрику стиральных машин Hotpoint. Каждый рабочий делал только одну деталь. Я стоял в начале конвейера: берешь четыре латунных гайки, прикручиваешь их к этой штуке, а затем станок херачит сверху и делает в них сбоку бороздку. Затем ты снимаешь эти гайки и бросаешь их в большой ящик. Надо было сделать 15 000 штук, а когда ты заканчивал эту партию и у тебя появлялось чувство, что ты чего-то достиг, у тебя все отбирали и давали снова пустой ящик. Умный человек не может делать эту работу. Это невозможно: сойдешь с ума на хер. Не знаю, как все эти люди умудрялись так работать. Думаю, они просто подавляли свой ум, чтобы кормить семью.

Все мои знакомые, которые уехали из дома в поисках чего-то получше, вернулись потом обратно. У меня были другие планы на жизнь. Так что я отращивал волосы, пока меня не уволили с фабрики. Я не вернулся. Лучше подохнуть с голоду, чем вернуться туда. Это большая, исключительная удача – что я смог сбежать от такой жизни.

Глава 2. Ветер в голове

Мне был нужен товарищ, и он нашелся тут же – его звали Минг, как императора из комиксов про Флэша Гордона. У Минга были длинные волосы и длинные висячие усы, прямо как у императора. Мы с ним стали зависать в кофейнях и танцевальных залах, приставать к чужим девушкам и вообще наводить шороху!

Поразвлекавшись так некоторое время, мы решили, что нам нужно принимать наркотики (а мы и не знали толком, что это за хрень), и связались с моим знакомым еще с Англси – Робби Уотсоном из Бомариса (этот городок также знаменит отлично сохранившимся замком). Раньше Робби жил в Манчестере, и он носил очень длинные волосы, что для нас было Очень Круто и Важно. Мы начали понемногу курить траву, а потом однажды – дело было в кофейне «Венеция» в Лландидно – Роб вручил мне ампулу спида (гидрохлорид амфетамина) с изображением черепа и костей. Это полагалось вколоть в руку.

Я никогда не испытывал желания что-то себе колоть и по сей день ни разу в жизни этого не делал. Сам этот ритуал с иглой засасывает. Люди начинают делать странные вещи, я своими глазами видел: например, колются обычной водой, просто как предлог воткнуть себе иглу в руку. Роб кололся, и он настоятельно советовал мне делать так же. Но я вылил содержимое ампулы себе в чашку – кажется, там был шоколад – и выпил.

За стойкой в этой кофейне работала девушка – я часов пять болтал с бедняжкой без умолку. Я постоянно оборачивался к Робби и сообщал ему, что эта штука на меня никак не действует, а потом возвращался к несчастной девушке, с которой от моего трепа случилось что-то вроде солнечного удара, – но чувствовал я себя превосходно, как властелин земного шара. К сожалению, это чувство потом проходит. (А Робби Уотсон, мой лучший друг в течение многих лет, человек с блестящим, тонким, ироничным чувством юмора, двадцать лет назад умер – перестарался с иглой. Вопросы есть?) Но вернемся к моей дружбе с Мингом.

Мне было шестнадцать, когда мы с Мингом уехали из Уэльса и отправились на восток, в Манчестер. Мы поехали туда за двумя девушками, которых встретили в Колуин-Бей, они проводили там каникулы. Мы думали на них жениться и все такое. Но, конечно же, дело, как обычно, ограничилось сексом. Уверяю вас, для них это только к лучшему.

Не помню, как звали девушку Минга, а мою звали Кэти. Классная, пятнадцать лет, к тому же она была из тех

пятнадцатилетних, которые полны любопытства и жажды жизни. И вот они вернулись в Стокпорт, а мы с Мингом поехали за ними. Мы сняли квартиру на Хитон-Мур-роуд и постоянно знакомились с кем-нибудь, кому было негде переночевать, так что мы пускали их спать на полу, на диване или еще где-нибудь, и через месяц нас в одной комнате было уже тридцать шесть человек! Я из них сейчас помню только одного, по имени Мозес – он и правда был похож на Моисея, если верить кино с Чарлтоном Хестоном.

Потом Кэти забеременела… Она, конечно, была чудесная девушка, но ей же было всего пятнадцать – я уже видел себя за решеткой! Ее отец писал моему отчиму письма, в которых называл меня валлийским битником в изгнании. Они вдвоем нашли, как говорится, *целесообразное* решение, и нашего ребенка Шона сразу же усыновили. Я помню, что Кэти прямо в роддоме писала экзаменационные работы, а я ее навещал. Ее сильно разнесло, и я вываливался из автобуса, хохоча: «Привет, свинка!», и она тоже хохотала. Да, моя первая любовь оказалась замечательной девушкой. Потом мы больше не виделись, не знаю почему. Но два-три года назад, как нарочно для этой книжки, Кэти нашла меня. Она сказала, что разыскала Шона, но я не буду вдаваться в подробности: пусть он спокойно живет своей жизнью.

Из квартиры на Хитон-Мур-роуд нашу компанию из тридцати шести человек, конечно, скоро вышвырнули – хозяину, наверное, не понравился счет за газ на двести тысяч фунтов. Бесстрашный Минг, Искатель Приключений, вернулся в Уэльс (и стал потом клерком в конторе социального страхования – а меня еще убеждают, будто в жизни есть какой-то план и смысл…), и я остался один.

Во время моей истории с Кэти и еще пару лет после я был, как это тогда называли, «доссером» – популярное в то время занятие для молодых парней. Мы все носили поношенные американские армейские куртки из водонепроницаемой ткани, с двойной подкладкой. Такую куртку можно было купить очень дешево, и всем твоим знакомым полагалось расписаться на ней фломастером, и ты носил на себе эти странные автографы. Мы ездили по стране автостопом и ночевали у девушек, либо спали в железнодорожных вагонах на запасных путях, в пещерах и так далее – и навещали местных женщин. В те дни было круто быть «в дороге»[7]. Это было время Боба Дилана – с гитарой и спальником за спиной. Многим девушкам нравится непостоянство. Если подумать, это целая традиция: бродячие цирки, армии, пираты, рок-группы на гастролях – девушки их всегда как-то находят. Мне кажется, они видят что-то романтичное в таких парнях, которые сегодня здесь, а завтра там. Мне тоже это нравится – но ведь я и

сам мужик, так что как иначе? Прекрасное время – начало шестидесятых. Мы отращивали волосы до задницы и, где бы ни оказались, били баклуши и жили за счет женщин. Девицы приносили нам еду, стыренную из родительского холодильника: как будто им надо накормить человека, сбежавшего из тюрьмы. Им нравился драматизм ситуации, а нам нравилась еда.

Впрочем, такая жизнь не всегда была легкой и веселой. Иногда, когда я голосовал на дороге, водители останавливались нарочно, чтобы меня отметелить. Или тебя подбирает огромный дальнобойщик-гомосексуал:

– Здорово, сынок. Куда едешь?

– В Манчестер.

– В Манчестер, ага. Я хочу у тебя отсосать.

– Я, пожалуй, выйду прямо здесь.

Квартира в Хитон-Мур была похожа на будущие коммуны хиппи. Если к кому-то приходила девица, было тяжко. В темноте тебя окружали широко раскрытые глаза, и ты знал, что ночное зрение у них от раза к разу становится лучше! Секс в те дни был веселее – не то что теперь, когда с ним связано столько стремных вещей. Секс должен быть в радость, чтобы тебя не припечатывали: «Ах, тебе только одного и нужно!» Ну да, а тебе?! Когда секс больше не в радость, просто не надо им больше заниматься, ей-богу.

Все мы ходили попрошайничать на площадь Мерси-сквер и потом делились друг с другом добычей. Питались мы главным образом сливочным рисовым пудингом «Амброзия». Мы пробивали банку, как будто там было пиво, и высасывали пудинг. Это был тогда настоящий деликатес, причем холодным он был гораздо вкуснее. Кажется, с тех пор я и полюбил холодную еду: могу есть холодные стейки, холодные спагетти – даже холодную картошку-фри, а на это не всякий способен! Но если хорошенько ее посолить, получается съедобно.

Манчестер находится недалеко от Ливерпуля, и в начале шестидесятых в этих двух городах играли потрясающую музыку. И там, и там течет река Мерси, поэтому всю эту сцену назвали мерси-бит. Была даже известная группа, которая так и называлась – The Merseybeats, и была группа The Mersey Squares, названная по той самой площади, где мы побирались. В Манчестере и Ливерпуле было несколько сотен групп, и все они играли одни и те же двадцать песен: Some Other Guy, Fortune Teller, Ain't Nothing Shaking but the Leaves on the Trees, Shake Sherry Shake, Do You Love Me[8]… В 1961–1963 годах все группы были кавер-группами, включая The Beatles.

Делом чести было знать исполнителя оригинальной версии

песни: знавшие ужасно гордились своим превосходством и смотрели на остальных сверху вниз. Скажем, разогревающая группа объявляет: «Сейчас мы сыграем Fortune Teller, песню The Merseybeats», но потом на сцену выходят The Merseybeats и говорят: «Мы хотели бы сыграть Fortune Teller Бенни Спеллмена». Конечно, долго это продолжаться не могло, они ведь только что взяли и сообщили всей публике, чья это песня, да? Еще группы часто брали какую-нибудь старую песню и делали из нее рок-н-ролл. Rory Storm and the Hurricanes, как я помню, здорово оторвались с песней Beautiful Dreamer[9], а The Big Three сделали Zip-A-Dee-Doo-Dah![10]

Это было уникальное время, и у нас было несколько по-настоящему фантастических групп. Например, Johnny Kidd and the Pirates. Джонни Кидд носил повязку на глазу и полосатую рубашку с пиратскими сапогами. Иногда он появлялся в белой рубашке с пышными рукавами – шикарный наряд. У Пиратов я впервые в жизни увидел на концерте стробоскоп – правда, настоящего стробоскопа у них не было, поэтому они проворачивали нехитрый трюк: их техник пробирался к рубильникам и очень быстро выключал и включал свет. Гитаристом у них был Мик Грин, замечательный музыкант: я таскал его гитары, чтобы попасть на концерт бесплатно. Много лет спустя я записал с Миком сингл. Такие одиночки, как он, в то время не могли сделать себе имя. Эрику Клэптону повезло – то, что он был сам по себе, в его случае сработало: все хотели его заполучить. А до других таких одиночек людям и дела не было!

Еще одна прекрасная группа – The Birds (не путать с американцами The Byrds, которые начинали примерно тогда же). У них играл Ронни Вуд, который потом стал гитаристом The Rolling Stones. The Birds были просто волшебны, охерительно прекрасны, и они опередили свое время. Они выпустили только три сингла и пропали. Я ездил за ними чуть ли не по всей стране и даже спал у них в фургоне. Группа, в которой я в то время играл (The Motown Sect, о ней я скоро расскажу), однажды имела честь выступать с ними. Я до сих пор помню состав The Birds: пел там Эли Маккензи, на гитарах – Рон и Тони Манро, Пит Макдэниелс на барабанах и Ким Гарднер на басу. У Кима теперь паб/ресторан The Cat & Fiddle в Голливуде. Он был прекрасным басистом, но уже почти не играет. В The Birds все были красавчики, и Ронни был очень харизматичным, особенно в те дни. Он щеголял в коричневом твидовом костюме в елочку и двухцветных ботинках, и у него был белый «Телекастер» – это было очень круто. Они были как моды, только с длинными волосами, и мне это нравилось, потому что сам я никогда не стригся.

В Англии всегда было очень важно, как ты выглядишь. Новые увлечения быстро сменяли друг друга. Моды были странными типами, по крайней мере, с моей точки зрения. У них были очень короткие волосы, зачесанные на бок – как у Джона Кеннеди, но с прядью сзади, похожей на петушиный хвост. Они носили штаны из очень тонкой материи в рубчик, пиджаки тропических расцветок с яркими принтами и двухцветные ботинки. Ближайшим аналогом в Америке были, наверное, The Beach Boys, но в Англии не было серф-культуры – это было очень городское явление. И еще моды красили глаза – особенно парни. В моей тусовке их не любили, но теперь очевидно, что они были ничем не хуже нас. Мы считали их неженками, а они нас неотесанной шпаной, и знаете – все были правы.

Мне повезло познакомиться с кучей прекрасных музыкантов в самом начале их и моей карьеры. Одним из них был Джон Лорд. Джон Лорд был и остается великолепным музыкантом. Он потом играл в Deep Purple, Whitesnake и Rainbow[11], а когда мы с ним встретились, он играл в группе The Artwoods, а пел в ней, можете себе представить, чувак по имени Арт Вуд! Что еще интереснее, Арт Вуд был братом Рона Вуда, но обо всем в свое время.

На набережной в Лландидно был огромный паб, настоящий дворец, под названием «Вашингтон», и у них на втором этаже был танцевальный зал, где проводили рок-н-ролльные концерты. Потом они стали делать вечера джаза и блюза. У них выступал Грэм Бонд с Джинджером Бейкером и Диком Хекстолл-Смитом, The Downliners Sect, джазмен Алан Скидмор и вот однажды – The Artwoods.

Я болтался там, разглядывая их небывало крутую аппаратуру и слушая концерт: я решил, что играют они очень неплохо; снисходительный вердикт взыскательного критика из северного Уэльса! В общем, после концерта я разговорился с Джоном Лордом, и они предложили подбросить меня до Колуин-Бея. Уверен, Джон жалел об этом всю оставшуюся жизнь! Он по глупости дал мне свой адрес в Уэст-Дрейтоне, под Лондоном, и недели через три я пустился в дорогу. Он же Невозможно Крутая Супер-Звезда, значит, у него имеется гигантский особняк – может быть, он разрешит мне поселиться в комнате для прислуги и познакомит с другими Невозможно Крутыми Супер-Звездами, с которыми я и сам смогу попытать счастья, и т. д., и т. п.

Увы, эти мечты пошли прахом. По полученному мною адресу оказался обычный муниципальный дом. Я завалился туда в три часа ночи, потрезвонил дверным молоточком и поколотил в звонок. Дверь открыла милая старушка:

– Кто там?

– Это я, – говорю я, – э-э, Лемми из северного Уэльса.

– Кто-кто?

– Джон Лорд узнает меня. Он дал мне этот адрес.

– Ох, голубчик, он на гастролях в Дании!

Почему я не предвидел такую возможность? Молодой был и безмозглый – вот почему.

– Ах вот что, – сказал я.

Она смотрит на меня. Я смотрю на нее.

– Э-э… – сказал я. Молчание становилось все более неловким.

И тогда она – вот кто был настоящей звездой в ту ночь – произнесла слова, за которые я ей вечно буду благодарен:

– Ну ладно, неважно, ты можешь поспать на диване, а утром видно будет.

В нашем дивном новом мире такое редко услышишь!

Проснувшись, я первым делом увидел Рона Вуда с тремя приятелями – он склонился надо мной и говорит:

– Эй, ты что делаешь на мамином диване, а?

Значит, эта старушка была миссис Вуд, мать Рона и Арта, а Джон жил у них. Вот так совпадение! Вечером я попал на концерт The Birds, а потом отправился в Санбери-на-Темзе, но об этом позже.

В то время главной группой были The Beatles – тут и спорить не о чем. Они были лучшей группой в мире. Ничего подобного больше никогда не будет, и чтобы понять мои слова, надо было видеть это своими глазами. Теперешняя молодежь думает, что The Beatles были просто группой, но это не так. Они были всемирным феноменом. Из-за The Beatles все изменились – даже политики. Лондонская газета Daily Mirror каждый день посвящала целую полосу их делам. Только представьте себе: газета, которую читают по всей стране, каждый день посвящает целую полосу какой-то рок-группе! У них была настоящая слава, и это еще мало сказано.

The Beatles совершили революцию в рок-н-ролле и еще в том, как можно выглядеть и одеваться. Теперь это смешно, но для своего времени у них были очень длинные волосы. Я помню, как поразился: «Ого! Как у парня могут быть такие длинные волосы?» На самом деле они просто зачесывали волосы вперед, а сзади они свисали чуть-чуть ниже воротника. А у всех тогда были коки. Пока не пришли The Beatles, были только «утиные хвосты» и Элвис.

Мне повезло: я слышал их живьем в начале их карьеры в клубе Cavern в Ливерпуле. Они были очень веселые, они пели, одновременно поедая сырные роллы, и много хохмили. У них было умопомрачительное чувство юмора. Они вполне могли бы

стать комической труппой. И у них были диковинные гитары, мы таких никогда не видели. У Джона был Rickenbacker, а у Пола бас-гитара в форме скрипки. У нас у всех были «стратокастеры», это был предел мечтаний, «гибсонов» ни у кого не было. А Джордж, Бог его прости, играл, кажется, на гитаре Höfner Futurama. Потом у него были «гретчи». У всех просто челюсти поотвисали. Такие необычные парни – с длинными волосами и необычными гитарами, и они щеголяли без пиджаков – просто рубашки и галстуки! Все остальные носили жуткие строгие костюмы и задыхались в этих ужасных итальянских пиджаках с десятью пуговицами. Эти парни стали откровением.

А еще The Beatles были жесткими ребятами. Брайан Эпстайн отмыл и причесал их для широкой публики, но они уж точно не были неженками. Они же из Ливерпуля, а это как Гамбург в Германии или Норфолк в штате Виргиния – суровый город портовых рабочих и матросов: не так посмотришь, и тебя измотают в хлам. Ринго вообще из Дингла, а это район не лучше Бронкса. The Rolling Stones – маменькины сынки, студенты из пригородов Лондона. Конечно, они потом помыкались в Лондоне, но это нарочно, для репутации. Роллинги мне тоже нравились, но им было далеко до The Beatles – до их юмора, оригинальности, до их песен и манеры подавать себя. У роллингов только и было, что Мик Джаггер, пляшущий по сцене. И, конечно же, Stones записывали прекрасные пластинки, но живьем они были дерьмо, а The Beatles были крутые.

Помню один их концерт в Cavern. Как раз тогда Брайан Эпстайн стал их менеджером. Все в Ливерпуле знали, что Эпстайн гей, и кто-то из публики выкрикнул: «Джон Леннон пидор!» А Джон – он всегда выступал без очков – положил гитару и спустился в толпу: «Кто это сказал?» Парень отвечает: «Это я, мать твою». Джон подходит к нему и ХЕРАК! – делает ему «ливерпульский поцелуй»: головой в рожу, причем еще и дважды! Тот так и осел на пол, в каше из крови, соплей и собственных зубов. Джон поднялся на сцену.

– Еще кто-нибудь? – спросил он. Тишина. – Отлично. Следующая песня – Some Other Guy.

The Beatles проложили путь всем группам из своих мест. Это было как в Сиэтле в начале девяностых – пришли рекорд-лейблы и подписали все, что шевелится. Фирма Oriole Records устроила прослушивание в одном танцевальном зале, оно длилось целых три дня. Они поставили какой-то аппарат, семьдесят групп сыграли по одной песне, и чуть ли не половина этих групп получила контракты.

Эпстайн работал и с другими составами, не только с The

Beatles. Почти все его подопечные чего-то добились, но некоторым не повезло – например, группе The Big Three. На басу у них был Джонни Густафсон, который потом играл в группах Quatermass, Andromeda и The Merseybeats[12]. Гитаристом в The Big Three был великолепный Брайан Гриффитс по прозвищу Грифф, он играл на старой потрепанной гитаре Höfner Colorama – ужасный инструмент, гриф толщиной с бревно, но играл он просто невероятно. Пел у них барабанщик, Джонни Хатчинсон, а это тогда было неслыханное дело – поющий барабанщик? Ничего себе! Это была отличная ритм-энд-блюзовая группа, но музыкальный бизнес их кастрировал. Они выпустили сингл и гордились им, но успеха он не имел, и тогда им пришлось записать два номера Митча Мюррея – автора целой кучи сиропных поп-песенок (например, он сочинил How Do You Do It? для Gerry and the Pacemakers). Но эти синглы тоже провалились, и Эпстайн отказался с ними работать. Жаль, это была отличная группа.

Пожалуй, можно сказать, что все эти группы были моим «кругом», мы принадлежали к одному поколению (хотя они были на пару лет старше меня). И конечно, все это время я тоже играл в группах. Вы, наверное, уже ждете, когда я об этом расскажу. Я начал играть в любительских группах еще в Уэльсе – все как обычно, но собрать группу в то время было непросто. Например, было практически невозможно обзавестись нормальным аппаратом. Басистом в твоей группе становился тот, у кого была своя бас-гитара, а хороший ли он музыкант – дело десятое. А уж если у чувака был усилитель, в который могли воткнуться все, место в группе было ему обеспечено. Уровень был самый примитивный. Мне повезло, что у меня была моя гитара Höfner Club 50. Я нашел ее в музыкальном магазине Уэгстеффа в Лландидно. Старику Уэгстеффу было, наверное, сто семь лет. Хороший мужик. Он заправлял магазином по старинке и разрешал начинающим музыкантам покупать инструменты в рассрочку, как бы в надежде на будущий успех: дашь ему пару фунтов, и потом он тебя не дергал. Неудивительно, что он в конце концов прогорел. Потом магазин достался его сыну, и тот его немедленно продал! Кажется, на его месте открылся магазин женского белья.

Я решил стать гитарным героем, насмотревшись телешоу Oh Boy (возможно, лучшей рок-программы всех времен) и 6–5 Special (эта была похуже). В Уэльсе было мало музыкантов. Если ты слышал, что у кого-то в дальней деревне есть гитара, ты ехал туда послушать его. Я познакомился с Молдуином Хьюзом в Конуи, когда жил там, – он был барабанщиком (во всяком случае,

владельцем ударной установки!). Он играл в стиле танцевальных групп – щетками, и еще у него была тарелка с заклепками, но тогда он мне подходил. Третьим участником нашей группы стал его приятель Дейв (фамилию я не помню, но в прошлом году он приходил на концерт Motörhead!), хороший гитарист, но ужасный в общении. У него были зеленые зубы, и рядом все время отирался его папаша, неудачливый комик, работавший в забегаловках, который постоянно сыпал дебильными шутками. А Дейву эти шутки казались очень смешными, и, если его старика не было поблизости, он сам их пересказывал. Сперва мы назвали свою группу The Sundowners, потом сменили название на The DeeJays.

Впервые я выступил перед публикой в Лландидно, это была кафешка в каком-то подвале. Моим звездным моментом было спеть Travelin' Man, песню Рики Нельсона, который, кстати говоря, был прекрасным певцом и красавцем, каких мало. В остальном наша программа состояла из инструменталок из репертуара The Shadows, The Ventures, Дуэйна Эдди и так далее. В то же время я играл с парнем по имени Темпи. Это был выдающийся человек, он давал мне мастер-классы по сарказму, и с ним было нелегко иметь дело. Он играл на бас-гитаре, то есть он действительно на ней играл, и с ним вместе мы часа на полтора объединились с гитаристом Тюдором, угрюмым парнем, жившим по соседству. Но из-за саркастических насмешек Темпи, моих дружеских наездов и хрупкого эго Тюдора наше сотрудничество предсказуемо ограничилось одной репетицией, хотя играли мы прекрасно. Только представьте себе, что из этого могло получиться, раз я до сих пор, спустя сорок лет, помню эту единственную репетицию. Это предприятие как-то само собой сошло на нет, так что вернемся к The DeeJays!

У нас появился певец по имени Брайан Гроувс, темноволосый сердцеед, немного похожий на Джонни Джентла, если вы такого помните[13]. И, наконец, к нам присоединился басист Джон, рослый парень, которого выгодно отличало от всех прочих то, что у него была бас-гитара Fender и усилитель, – его можно было бы назвать Биллом Уайменом Северного Уэльса. Господи, подумали мы, вот он – долгожданный успех! Но, как ни странно, успех к нам так и не пришел. Мы много играли на танцевальных вечерах на фабриках, на свадьбах и так далее, а потом я начал беспокоиться: было очевидно, что это еще не успех. Потом из группы стали уходить музыканты, и в конце концов мы с Дейвом остались в группе вдвоем, и некоторое время мы играли инструменталы в две гитары. На этом закончилась история The DeeJays. Я присоединился к другой местной группе, The Sapphires,

но у них был ужасный гитарист, которого я терпеть не мог, – надутый, как индюк. В общем, в Уэльсе у меня было всего два варианта, эта группа или фабрика Hotpoint; неудивительно, что я уехал.

В Манчестер я прибыл, вооруженный гитарой Eko. Гитара была дрянь! Ее как будто сделали из концертного пиджака Либераче – сплошь серебряные блестки с черным. У нее на корпусе было десять переключателей, и только два из них работали. Остальные были для вида: я снял панель и обнаружил, что к ним вообще не было проводов. Впрочем, я скоро обменял эту гитару на Harmony Meteor (жаль, что она у меня не сохранилась), а ее – на Gibson 330, бюджетную версию 335-го. И группы я менял с той же скоростью, что и гитары. Сперва я играл с The Rainmakers; не помню, как я их нашел, но к тому времени их золотые деньки уже прошли, и я не задержался там надолго. Потом я недели три играл с другой группой. Я даже не помню их названия – вот как они были хороши. После этого я присоединился к The Motown Sect и провел с ними следующие три года.

С их гитаристом Стюартом Стилом и басистом Лесом я познакомился, просто тусуясь в Манчестере. У них был барабанщик по имени Кевин Смит (который жил по соседству с Иэном Брэди и Майрой Хиндли[14]), а я стал вторым гитаристом и к тому же пел почти все песни. Я не особенно любил петь – я и сейчас не очень это люблю, то теперь-то я, конечно, привык. Через два года Лес ушел из группы, и мы позвали моего знакомого басиста по имени Глин – но мы почему-то звали его Глан. Глан был странным персонажем. У него за всю жизнь была только одна девушка, и как только они познакомились, то сразу стали пробовать всякие странные штуки в постели. Его девушку мы уже видели раньше: она гуляла по песчаным дюнам в Уэльсе и все время носила белое бикини из замши – такой тонкий, обтягивающий материал. И она ни с кем не разговаривала. Никто не был с ней знаком, но все этого хотели! А потом в один прекрасный день она появляется с Гланом, а он в свои двадцать лет уже начал лысеть. Впрочем, он был хорош собой. Он немного напоминал Денниса Куэйда, актера, сыгравшего Джерри Ли Льюиса в фильме «Большие огненные шары», только у того была целая копна волнистых светлых волос.

Так вот, The Motown Sect были отличной ритм-энд-блюзовой группой. Стюарт был очень хорошим гитаристом, особенно по тогдашним меркам. У него была гитара Gibson Stereo 345, такой тогда никто еще не видел. И еще усилитель Vox с возможностью разгонять высокие частоты, тоже повод для гордости. «Секта»

играла как раз такую музыку, какую хотел играть я, так что я замечательно вписался в эту группу. Мы назывались The Motown Sect только потому, что артисты лейбла Motown были тогда в моде, и это помогало нам находить работу. Но мы не играли песни в стиле соул, ни разу ни одной не сыграли. Мы все носили длинные волосы и полосатые футболки, у нас была губная гармоника, и мы играли блюз. Еще мы делали отличные каверы на песни The Pretty Things и The Yardbirds. Мы объявляли со сцены: «А теперь песня для всех фэнов Джеймса Брауна!» В зале кричали: «Даааааа!» А мы продолжали: «Эту песню написал Чак Берри, она называется…» Некоторые слушатели на это велись, потому что не знали песню. Другие были недовольны, но что, черт возьми, они могли сделать? Понимаете, мы-то были на сцене: ничего не попишешь.

У нас толком не было аппарата, его ни у кого в то время не было. Однажды мы играли на разогреве у The Pretty Things в таун-холле Галифакса, и всего аппарата у нас был один 30-ваттный усилитель. Можете себе представить? Теперь я один включаюсь в два стека мощностью 100 ватт каждый, а в то время все – бас, две гитары и вокал – включалось в один 30-ваттник размером с нынешний комбик для домашних занятий. Мне-то самому кажется, что я всю жизнь играю на одной и той же (оглушительной) громкости, но это, очевидно, не так. Пожалуй, в те времена мы играли аккуратнее, потому что каждую ноту было хорошо слышно. И мы всегда использовали те колонки, которые были на площадке. Так все делали, даже Хендрикс через несколько лет так делал. Хендрикс играл на местных порталах на протяжении всей своей карьеры в Англии. В некоторых залах, где нам приходилось играть, стояли две 10-дюймовые напольные колонки, по одной с каждой стороны сцены, и маленький усилитель в металлическом корпусе с ручками сзади, чтобы его таскать. О чем тут говорить. Я никогда не пойму, как мы вообще могли работать на таком аппарате. С другой стороны, какую бы херню ты ни делал в двадцать лет, потом ты не можешь взять в толк, как тебе это удавалось. Вспомнишь что-нибудь и думаешь: твою ж мать! Что я творил! Нет, я точно не мог такое делать!

Затем из группы начали уходить музыканты. Стюарт, при всем своем таланте, так ничего и не добился – отдал себя на растерзание своей вечно нудящей мамаше и жене. В любом случае я хотел выбраться из Манчестера, потому что у нашей группы явно не было перспектив. Когда я впервые увидел The Rocking Vicars, я немедленно понял, что это мой шанс.

Глава 3. Сыр в мышеловке

Впервые я увидел Преподобного Блэка и The Rocking Vicars в манчестерском клубе Oasis. Там выступали все успешные рок-группы. «Викарии» мне сразу понравились. У барабанщика в установке было две бочки – я такого прежде не видел, – и он сидел спереди сцены. Они все были в финской национальной одежде: сапоги из оленьей кожи, белые штаны с шнуровкой на ширинке, лапландские блузы и воротнички, как у викариев. Я решил, что это круто. Они играли ужасно громко и закончили концерт тем, что разгромили свое оборудование, просто разнесли все в щепки. Это тоже было очень круто. И у них были длинные волосы.

Барабанщик в The Motown Sect все время доставал нас идеей, что мы должны постричься покороче. Однажды мы ходили в Oasis на концерт The Who, и с тех пор он только и делал, что нудел: «О-о, они так классно выглядят с короткими стрижками, правда?» Да ну на хер! Я не собирался стричься. Собственно, я остался последним человеком в группе, который не постригся. Остальные это сделали. Они вообще меня злили – чем дальше, тем больше. В конце концов я снова пошел в Oasis на The Rocking Vicars, и они были чертовски хороши, так что я навел справки. Оказалось, что они считали своего гитариста не особенно ценным кадром, и я стал постоянно ходить к ним на концерты.

На прослушивании в The Rocking Vicars я впервые разбил гитару. Я, в общем, никогда не умел играть на гитаре соло – и до сих пор не умею. Но я их одурачил: выкрутил звук на полную громкость и быстро-быстро елозил пальцами по грифу. В завершение я вскочил на пианино. Оно подо мной рухнуло, и я хорошенько потоптался на нем и расколошматил свое оборудование. Все-таки это беспроигрышный трюк. В моей жизни было много случаев, когда мне стоило расхерачить гитару, но я этого не делал, потому что у меня была только одна гитара. Штука в том, что если бы я тогда разбивал свои гитары, у меня как-нибудь появлялись бы новые. Я бы от этого только выиграл.

«Викарии» немедленно меня взяли, и я играл с ними больше двух лет, с 1965 по 1967. У них была гитара Fender Jazzmaster, которая досталась мне как новому гитаристу. У меня был «телекастер» (я его как раз недавно выменял на свой 330-й Gibson), и я приделал гриф от «телека» к корпусу «джазмастера». Получилась чудесная гитара, я играл на ней все то время, что работал с Vicars. Когда я уходил, мне пришлось вернуть им корпус от «джазмастера» – но мне ли их судить?

Певец «Викариев», Гарри Фини, носил прозвище Преподобный Блэк. Он был очень похож на Питера Нуна из Herman's Hermits. Когда он пел, то делал руками «дворники» – поднимал вверх указательные пальцы и двигал ими из стороны в сторону. Но он был хорошим фронтменом, и девчонки были от него без ума. Басист по имени Пит вскоре ушел, и его заменил Стив Моррис, или попросту Моггзи. Он был скупердяем – унаследовал это от отца. Однажды я был у них дома. Я пошел в туалет, и его папаша крикнул мне снизу: «Четыре листочка, не больше!» Настоящий Скрудж.

Одно время с нами играл гитарист по имени Кен, он водил гоночный «мини-купер» и буквально пылинки с него сдувал. Но он никак не мог раздобыть такие специальные колеса со спицами, это была редкая вещь. И вот однажды на дороге его обгоняет другой «мини-купер» – проносится мимо как ошпаренный. На ближайшем круговом перекрестке Кен видит этот второй «мини-купер» – он лежит на крыше, весь всмятку, колеса еще крутятся, тело хозяина наполовину торчит из окна – он без сознания, весь в крови. Кен и думает: ага, чувак, так ты в отрубе! Снимает эти гребаные колеса, отвозит их на какую-то ферму и сует в стог сена. Потом звонит в полицию и возвращается на тот перекресток, а там коп, и он ему показывает: «Ты смотри, какой-то ублюдок стырил у него колеса!» А Кен согласно кивает и говорит: «Ага, бывают же ушлепки». Вот какие люди играли в The Rocking Vicars.

Еще у нас был барабанщик Сигги (полное имя Сирил). Он был главным в группе, и он был из тех людей, которые во всем всегда лучше всех. Например, в плавании: пока ты успевал проплыть четыре раза от края до края, он проплывал шесть. Если ты лез на дерево, он успевал забраться и слезть обратно на землю, пока ты еще даже до второй ветки не добрался. Если вы играли на бильярде, он живо забивал все свои все шары и оставался с восьмым номером, а ты только диву давался, как он это сделал. Псих одержимый, но превосходный барабанщик. Он был как Кит Мун. Не забывайте, на сцене он ставил свои барабаны прямо спереди – это много о нем говорит.

Сигги был самым настоящим тираном. У нас был техник по имени Нод, который жил у Сигги. Нод был (и остается по сей день) неуравновешенным, но при этом чудесным во всех отношениях человеком. Теперь у него очень успешный бизнес на острове Мэн, откуда он родом. Когда из группы ушел Моггзи, мы взяли Нода басистом, но он продержался только один концерт: громя оборудование в конце выступления, он так разошелся, что чуть нахрен не убился. До того как стать техником у «Викариев», Нод был первым ди-джеем на Radio Caroline, первой пиратской

радиостанции в мире. Теперь так не делают, но в середине 60-х корабль вставал на якорь в трех милях от английского побережья, где не действовали британские законы о радио, и с него вели передачи, где звучали записи, которых не было на обычных станциях. Таких радиостанций было несколько, а Нод работал на самой первой. Но он ушел с радио, чтобы прислуживать Сигги, потому что услышал The Rocking Vicars и сразу потерял голову.

Сигги спал на огромной кровати, а Нод помещался на раскладушке в паре метров от него.

– Ты знаешь, что я сейчас делаю, Ноддер? – спрашивал Сигги.

– Нет, Сиг.

– Я потягиваюсь, но все равно не могу достать руками до края кровати – вот какая она большая. А ты, Ноддер, лежишь на раскладушке.

– Да, я знаю.

– Говори «сэр», когда обращаешься ко мне!

– Да, сэр, я знаю!

А утром Сигги щелкал пальцами, и Нод бежал со сковородкой готовить ему завтрак. В их отношениях явно было что-то гомоэротическое. Друг с другом они не трахались: Сигги спал с девушкой по имени, кажется, Джейн, у Ноддера тоже были девушки. Не думаю, что они отдавали себе отчет в том, что это значит. Это было что-то подсознательное.

Однажды мы ехали в своем фургоне по набережной в Дугласе на острове Мэн – у нас был большой фургон с золотым крестом на крыше, весь исписанный губной помадой: «Я люблю длинноволосых мужчин» и тому подобное. В те дни это была обычная вещь – надписи губной помадой, и чем больше у тебя на фургоне было надписей, тем ты был круче. Тоже такое соперничество. Так вот, Сигги окинул нас взглядом.

– Нет, парни, вы не знаете, как Ноддер предан мне, – говорит он.

– Да знаем, знаем, – отвечаем мы.

– Нет, не знаете. Ноддер, останови машину.

Ноддер останавливается.

– Все наружу, – командует Сиг.

Мы вылезаем из фургона. Сигги захлопывает за нами дверь, идет вперед и открывает окно:

– Ноддер, протарань эту витрину, – говорит он, указывая на огромную витрину магазина свадебных платьев.

– Слушаюсь, сэр.

Вжжжжжж! Хрррррдыщь!!! Фургон въезжает в витрину, на него летит ворох свадебных платьев.

«Викарии» были странной компанией, но мне было в кайф с

ними играть. Мы объездили весь север Англии, и где бы мы ни появлялись, мы разносили это место в клочья. И я всегда раздалбывал рояли. Во многих залах был рояль, обычно выкрашенный в белый цвет, и я запрыгивал на тот конец рояля, где одна ножка, и валил его со сцены прямо в толпу. Мы были крутой группой, громкой, веселой и буйной, как The Who, только с длинными волосами. Правда, у нас не было оригинального материала. Это все были каверы, например, Skinny Minnie Билла Хейли или песни The Beach Boys. Мы играли Here Today с альбома Pet Sounds, очень новаторская музыка по тем временам.

Мы делали такой клоунский номер: Пит, который был нашим басистом до Моггзи, спускал штаны, а под ними у него были такие большущие трусы. Это верный способ рассмешить английскую публику. И вот Пит стоял в этих клоунских трусах, а я должен был залепить ему в рожу кремовым тортом. Я выходил к публике, держа в одной руке этот торт, и спрашивал: «Ну что? Залепить ему?» А мне в ответ кричали: «Даааааа! Давай!» – другого ответа ждать не приходилось. Что может быть смешнее, чем когда парню в рожу летит торт с кремом? И так каждый вечер: шлеп! – Пит получал тортом по роже, все хохотали, мы доигрывали песню и сворачивались. Наши роуди[15] изготавливали этот торт из муки и воды – просто делали такую размазню на бумажной тарелке, они каждый вечер ставили ее за усилитель, и я никогда к ней внимательно не присматривался. Но однажды я пошел за тортом и обнаружил, что он лежит в оловянном блюде – и блюдо не тоненькое, увесистое, как будто в армии служило. Я подхожу к Сигги – а все это время мы играем – и говорю:

– Там тарелка оловянная!

– Влепи ему! – шипит он.

– Но я же ему… это оловянное блюдо! Видишь?

– Люди смотрят, делай как обычно – влепи ему!

– Ну ладно.

Я подхожу к Питу и – хрясь! Из-под торта доносится сдавленный вопль: «Твою мать!» Я сломал ему нос в двух местах, повсюду кровь и сопли. А публика решила, что это классно, что так и было задумано. Да, мы с «Викариями» умели повеселиться.

У нас был ужасный менеджер – Джек Венет, еврей, торговавший посудой. Он держал оптовый магазин в Солфорде (это на север от Манчестера), там рядом есть еврейский район Читэм-Хилл. В этом районе он снял для нас квартиру, а все эти евреи нас терпеть не могли, потому что мы расстилали на лужайке полотенца и валялись там целыми днями с девчонками, которые делали нам маникюр и расчесывали наши длинные волосы. А эти правоверные ходили мимо и таращились на девок.

Мы им совсем не нравились. Мы были отбросы общества. Но нам все сходило с рук, потому что почти все они были милые люди. Только самые воинствующие из них хотели нам как-нибудь досадить – но ведь в каждой нации, религии и политическом движении найдутся свои активисты, которые спят и видят, как бы испортить жизнь окружающим. Подозреваю, что мы и сами были довольно воинствующими типами – в общем, к черту их.

Итак, мы в то время жили в отличной большой квартире в Читэм-Хилле, а я влюбился во француженку. Это было просто прекрасно, я был сражен наповал. Ее звали Анна-Мари. Она выглядела как Брижит Бардо. Ее отец был дантистом где-то под Лиможем, она приехала на каникулы в мой дом в Уэльсе. А через два дня я оставил ее там в полном одиночестве, а сам пошел тусоваться с парнями. Не знаю, почему я так сделал. Вероятно, она не была «той единственной». «Ту единственную» девушку я так и не нашел. Через несколько лет я, как мне казалось, встретил такую, но она умерла. А впрочем, умирают всегда «те самые» девушки – они просто не успевают стать «не теми».

На время моей карьеры в The Rocking Vicars приходится мой второй нечаянный опыт отцовства. По американским военным базам в Европе ездила с концертами группа, в которой пели две девицы. Не помню, как называлась их группа – The Rock Girls, или The Rock Birds, или еще какие-то птички (в Ливерпуле и его окрестностях девушек обычно называли птичками). В общем, Трейси и ее подружка с нами тусовались. Сначала я положил глаз на подружку, но ее заполучил Гарри. Трейси тоже была симпатичная, да и сиськи у нее были больше, в общем, я был весьма заинтересован. Они вдвоем приехали к нам в Манчестер и провели выходные в нашей квартире. С тех пор они время от времени нас навещали. А однажды Трейси разбудила меня часов в шесть утра.

– Я беременна, – говорит она, стоя у моей кровати.

– А, что? Беременна? – бормочу я, с трудом продирая глаза. Чего еще ждать от человека в шесть утра?

Она восприняла это как личное оскорбление: видимо, ожидала, что я немедленно проснусь и вытянусь по стойке смирно.

– Все ясно! – отрезала она и удалилась.

Разговор был окончен. Она родила сына, Пола, и вырастила его одна. Я впервые увидел его шестилетним, на встрече с кокаиновым дилером. Я пошел затариться кокаином у каких-то бразильцев на Уорвик-роуд в Эрлс-Корт, в Лондоне. Мы, ну вы понимаете, ждали человека[16], я был на кухне и жарил тосты. И тут входит светловолосый мальчуган.

– Ты мой папа, – говорит он мне, – а мама в комнате.

Я иду в комнату, а там и правда сидит Трейси. Что я делал в той квартире, понятно, но она-то что там забыла? Загадка. Я купил ей холодильник, а то у нее не было. Мы его тащили к ней целых четыре лестничных пролета. Кошмарная работка, мы сделали это вдвоем с каким-то чуваком.

А мальчик у нее вырос что надо. Он и сейчас такой. Помню, он однажды приходит ко мне, ему тогда было, наверное, года двадцать три:

– Папа.

– Да?

– У меня проблема.

– Сколько тебе нужно, Пол?

– Это все хозяин квартиры, папа…

– Сколько тебе нужно, Пол?

– Говорит, что выкинет нас на улицу со всеми вещами, заберет мою гитару…

– *Сколько-тебе-нужно-Пол*?

– Ну, довольно много.

– Забей. Сколько тебе нужно?

– Двести фунтов.

Я дал ему двести фунтов, и он ушел. На следующий день этот щенок заявляется в подержанном «Линкольн-Континентале». Подъезжает к дому и говорит:

– Иди посмотри на мою новую машину!

– Здорово ты меня провел, Пол, – говорю я, – только больше не проси меня заплатить за твою квартиру, потому что я этого не сделаю.

И все-таки это была отличная махинация. А потом он увел у меня девчонку. Но я ему отомстил тем же. Однажды мы обменялись девчонками в стрип-клубе Stringfellows в Лондоне. Вы удивитесь, как много на свете девок, которые хотят потрахаться и с отцом, и с сыном.

Пару лет назад Пол приезжал в Штаты. Переночевал у меня. А наутро за ним заехали две телочки на машине, и они свалили. Он уехал с ними куда-то в горы, и больше я его не видел. Он уехал домой не попрощавшись. Помню, он иногда советовался со мной. Я говорил ему делать то-то и то-то, а он всегда поступал прямо противоположным образом, что кажется мне в высшей степени благоразумным. Как говорится, яблочко от яблони недалеко падает. Впрочем, как обычно, я отвлекся.

С The Rocking Vicars я записал три сингла, два для лейбла CBS и один для «Декки» – его издали в Финляндии. Одна из этих песен называлась It's All Right, и Сигги утверждал, что написал ее

сам, хотя, по сути, он просто взял песню The Who The Kids Are All Right и подпортил ее немножко. Еще мы записали кавер на Dandy The Kinks, и этот наш сингл поднялся аж до 46-го места в чартах. Нам даже удалось поработать с Шелом Тэлми, продюсером The Who и The Kinks. Он был американец и жил в Лондоне. Его офис помещался над магазином китайской еды на Греческой улице в Сохо – такая вот интернациональная тусовка. В этом китайском магазине стояла страшная вонь – все эти баночки с имбирем и прочие деликатесы. Когда мы шли к Шелу, то зажимали носы еще на другой стороне улицы, а затем перебегали проезжую часть, буквально взлетали по лестнице и останавливались, только закрыв за собой дверь.

Шел был слепой как нетопырь. Ну то есть что-то он все-таки видел, но совсем немного. Заходит в студию: «Привет, ребята!» – и тут же сметает ударную установку. Он постоянно бился о стены, о двери и так далее. С ним всегда были люди, которые присматривали за ним и вытаскивали его из-под обломков, но он никогда не признавался в том, что плохо видит: просто всякий раз рядом с ним будто бы случайно оказывались друзья, которые ему помогали. Лоб у него вечно был покрыт шрамами. Но он был отличный парень. Хорошо делал свое дело.

У нас не было ни одного хита, но мы были очень популярны на севере. Южнее Бирмингема никто о нас слыхом не слыхивал, но в Болтоне и других похожих городках на наши концерты приходило по несколько тысяч человек. В Болтоне мы играли в зале с круглой вращающейся сценой, и поклонницы стаскивали нас всех с нее еще до того, как мы успевали сделать один полный круг. Девчонки тянули нас вниз и срывали с нас одежду – настоящая битломания. Скажете, звучит весело? Как бы не так! С вас когда-нибудь срывали – буквально – джинсы? Швы рвутся о внутреннюю поверхность ноги. Поверьте, это дико больно. А еще ножницы. Тогда считалось самым шиком срезать «локоны» у музыкантов своей любимой группы! Только представьте себе, что прямо на вас несутся сорок девушек – лица серьезные, губы сжаты, в руках ножницы…

В другой раз Гарри выбежал к микрофону, как он всегда делал в начале концерта, а девушки в зале уже вцепились в микрофонный шнур, и они за него хорошенько дернули. Так что он выбежал к краю – и так и не вернулся, а полетел с высоты семи футов прямо в толпу. Потом он рассказывал, что во время падения у него в голове пронеслась мысль: «А, класс! Мы знамениты, я популярен, сейчас я упаду в эту толпу девок, и они будут любить меня – это будет океан сисек, ножек и щелок». Но девчонки расступились, словно Красное море перед Моисеем, и

он полетел к гвоздям в полу. Тоже сломал нос в двух местах. А однажды девчонки сломали ему палец, пытаясь стащить с него золотое кольцо. В другой раз они сорвали с Сигги ботинки – прямо посреди песни! Он пустился босиком через весь зал, крича: «Остановите эту девку, вашу мать! У меня нет другой обуви!»

Все это обожание фанаток иногда ударяло Сигги в голову. Однажды мы играли в Манчестерском университете вместе с The Hollies, и Сигги настаивал, что мы должны играть последними. The Hollies в то время были суперзвездами – они выпустили подряд чуть ли не шесть синглов, которые заняли первое место. И тут Сигги такой: «Мы, The Rocking Vicars, будем выступать последними», и так далее. Мужик, который устраивал этот концерт, говорит:

– Я не могу им это сказать! Они хедлайнеры! Будьте благоразумны.

– Скажи им, нахер, что The Rocking Vicars играют последними, и все тут, – упорствует Сигги.

Этот мужик идет к The Hollies – а те даже рады: «Отлично, раньше домой вернемся!» Так что они сыграли первыми, а когда настала наша очередь, вся публика просто ушла: люди ведь пришли посмотреть на The Hollies, так? И вот мы выходим на сцену, а она состояла из двух половин, прикрепленных друг к другу. Накануне Сигги жаловался Ноду, что у него бочки скользят по полу и уезжают вперед: «Если они завтра опять поедут, Ноддер, – ты знаешь, что тогда будет, чувак». Ноддер застремался и для верности вогнал «когти» бочек прямо в зазор между двумя половинами сцены. И все бы хорошо, но кто-то отцепил одну половину сцены от другой. И вот мы выходим, Сигги дает отсчет: «И раз, два, три, четыре!» Бум – БДЫЩЬ! Половинки сцены разъехались, и вся установка рухнула в провал. А он сидит на своем табурете, подняв палочки в воздух. На этом концерт и закончился. Даже хорошо, что некому было это увидеть!

Как будто во всех этих историях мало сюрреализма, я во время своей работы с The Rocking Vicars еще и видел НЛО. Мы возвращались в Манчестер из Нельсона, что в Ланкашире, на нашем «Зефире». Мы ехали через вересковые пустоши, и тут над горизонтом появляется эта штука. Ярко-розовая, похожая на мяч. Она быстро прилетела – жжжж! – и замерла на месте. Можете даже не гадать, что же это было на самом деле, стая чаек или гребаный воздушный шар, – мне плевать. Это не было ни то ни другое. Этот предмет прилетел из ниоткуда – вжжжж! – и остановился как вкопанный. Мы все вышли из машины и уставились на него. Он висел над нами и, казалось, пульсировал, но это мог быть обман зрения, из-за атмосферы – звезды ведь

тоже как будто пульсируют. Затем вдруг бац! – и он пролетел над нашими головами, сразу разогнавшись до ста миль в секунду. Пщщщщ! – и он скрылся за горизонтом, всего за две секунды. Люди еще не научились делать вещи, которые на такое способны, да? Так что, исключив все прочие возможности, мы получаем, что это была летающая тарелка, каким бы невероятным это ни казалось. Я уверен, что они на нас и не взглянули. Их, наверное, больше интересовала Америка; они, небось, успели туда долететь, пока мы залезали обратно в машину!

Пару раз «Викариям» удалось съездить на гастроли за границу. Один раз – в Финляндию (в следующий раз я побывал там уже с Motörhead). У «Викариев» там был хит – конечно, тогда надо было продать всего лишь 30 000 синглов, чтобы занять первое место.

«Викарии» стали первой британской группой, сыгравшей по ту сторону железного занавеса. Я не знаю точно, как это получилось, – наш менеджер был предприимчивым мужиком, несмотря на свою посудную лавку. Мы съездили в Югославию, самую «западную» страну Восточного блока. Других достоинств у нее нет. В двух словах, их земля богата камнями и зарослями кустарника, и все там живут бедно. Мы играли в Любляне, теперь это столица Словении. Затем отправились в Черногорию и Боснию. И везде там люди бранили соседей на чем свет стоит. В смысле так, как будто всерьез хотели поубивать друг друга по каким-то историческим причинам, которые уже выветрились у них из памяти. Это чувство прививается им с младенчества, и унять их сможет только чудо. Там только и было разговоров, что о ненависти сербов к хорватам, и это нисколько не изменилось. Конечно, я про себя решил, что плохие парни там все, потому что коммунисты творили такие вещи, которые я бы не стал делать с людьми. Я не знал, что мои соотечественники обращаются с ними так же. Не могу сказать, что поездка в Югославию как-то особенно открыла мне глаза. Нам показали только симпатичные места – у нас был гид, но в коммунистической стране это же обязательно будет Гид с большой буквы, да? Если он говорит, что вот туда мы не идем, то мы и правда туда не идем.

В конце концов в начале 1967 года я ушел из The Rocking Vicars. Ребята потом долго еще продолжали что-то делать в формате этакого кабаре – еще семь-восемь лет назад они этим занимались[17]. Но, изволите видеть, у меня были планы поинтереснее. Покорить север Англии – этого мне стало мало. Я хотел покорить Лондон.

Глава 4. Метрополис

Я ушел из The Rocking Vicars с мыслью, что немедленно стану сам себе звездой. Что все будет расчудесно и роскошные женщины будут ублажать меня, вооружившись сырой морковкой, – в общем, понятно. Конечно, на самом деле вышло немного иначе.

В мой первый приезд в Лондон я продержался там месяц – после того как проснулся на диванчике, принадлежавшем маме Рона Вуда. Я жил у приятеля по имени Мерфи, мы были знакомы еще с тех пор, когда он жил в Блэкпуле. Этот мелкий ирландец, фолк-певец, тоже был «доссером». Приятный человек. Мы водили знакомство с парой портных, они были геи и шили нам всю одежду – они всегда измеряли длину ноги по пять раз. Мерф им нравился, и время от времени они тусовались вместе. Но он с ними не трахался – по крайней мере, я так думаю. Они сшили ему костюм Бэтмена с капюшоном и крыльями, которые крепились к рукавам и талии. В качестве рекламного трюка он намеревался слететь с Блэкпульской башни.

Блэкпульская башня – практически копия Эйфелевой башни, только в четыре раза меньше. Правда, она все равно слишком высока, чтобы с нее прыгать, – а вдруг полет не удастся? Но Мерф облачился в свой костюм Бэтмена, и мы все пошли вместе с ним к башне и направились прямиком к кассе.

– Здравствуйте! – говорит Мерф, – я Мерф, Человек – летучая мышь! Дайте мне пройти!

– Зачем это? – флегматично спрашивает чувак на кассе.

– Я спланирую с этой башни на землю! – заявляет Мерф.

– Нет, ты этого не сделаешь.

– Еще как сделаю! – упорствует Мерф.

– Не сделаешь.

– Прочь с дороги! – приказывает этот бэтмен с высоты своих 165 сантиметров.

– Послушай, приятель, – говорит кассир, – давай так: ты заплатишь за билет и взлетишь на башню; если сможешь это сделать, я верну тебе деньги. Идет?

В общем, не дал он прославиться бедному Мерфу. Отнял у него этот мимолетный шанс заявить о себе. Как бы то ни было, когда я собрался ехать в Лондон, Мерф уже был там. Он жил в паршивой квартирке в Санбери-на-Темзе. Ну то есть сама квартира была не так уж плоха, но в ее четырех или пяти комнатах жило человек двадцать «доссеров», и не было горячей воды. Еды и денег тоже не было. Мы пытались организовать

группу: я, Мерф и барабанщик по имени Роджер – барабанов у него не было, и он колотил по диванным подушкам! Вскоре мое терпение лопнуло, и я уехал на север. Однажды утром я проснулся на пляже в Саут-Шилдс, ел холодные печеные бобы прямо из банки – вилкой мне служила расческа. От жизни наверняка можно взять больше, решил я, после чего отправился домой и немножко отъелся. В следующий раз я увидел Мерфа только лет через тридцать, и меня приятно удивило, что годы практически не повредили его рассудок (по крайней мере, то, что от него оставили шестидесятые). Он теперь писатель; при встрече подарил мне свой роман. Когда-нибудь прочитаю и скажу вам, хорош ли он!

Вскоре после моего возвращения домой The Birds играли в Нортвиче, недалеко от Манчестера, и я уехал с ними обратно в Лондон. Там я позвонил по единственному номеру, который у меня был (не считая номера Джона Лорда!), – Невиллу Честерсу. Он раньше работал техником у The Who и The Merseybeats. Я спросил, можно ли мне перекантоваться у него на полу, и он сказал: приезжай. В то время Невилл работал у The Jimi Hendrix Experience и делил квартиру с басистом Хендрикса, Ноэлем Реддингом. Им был нужен еще один техник, и недели три спустя я получил эту работу.

Джими Хендрикс в то время был суперзвездой в Англии – два его сингла заняли первое место, – но в Америке о нем еще никто не слыхал. Я работал с его группой около года – на всех телешоу и в турах по Англии. К сожалению, за границу я с ним не ездил, потому что вся моя работа была – таскать тяжелые предметы. Но все равно это был замечательный опыт. Хендрикс был самым потрясающим гитаристом в истории, тут и сомневаться нечего. Он был чертовски хорош во всем – играл просто умопомрачительно и к тому же отлично держался на сцене. У него была кошачья, змеиная грация! Когда он играл, у девчонок натурально ехала крыша. Я видел, как с ним в спальню заходили пять девчонок сразу, – и каждая, выходя обратно, улыбалась. Конечно, дорожной команде тоже перепадало. Хендрикс был настоящим жеребцом; я человек простой и, по-моему, это очень хорошо. Что плохого в том, чтобы быть жеребцом? Это уж точно веселее, чем *не* быть жеребцом! К сожалению, мне почти не довелось пообщаться с ним не по работе – я не был частью его жизни. Я просто на него работал. Но я помню, что он был очень приятным, очень милым парнем. Хотя люди вообще были тогда дружелюбнее. Это была очередная эпоха невинности, если угодно. Люди еще не начали умирать.

Остальные двое в Experience мне тоже нравились. Ноэль

Реддинг был нормальным чуваком, правда, он спал в ночной рубашке, и у него были ночные туфли с загнутыми носами, как у Аладдина, и ночной колпак с кисточкой. Живописное зрелище. Митч был псих, он, собственно говоря, и сейчас такой. Стою я однажды на разделительном островке посреди Оксфорд-стрит, и ко мне подбегает Митч: белая шуба, белые брюки, белая рубашка, белые ботинки и носки – прямо как привидение. «Привет, я не знаю, кто я!» – произнес он и помчался дальше. Меня он, наверное, тоже не узнал.

Конец шестидесятых был фантастическим временем для британского рок-н-ролла. С тех пор никогда больше не бывало столько талантов одновременно. The Beatles, The Rolling Stones, The Hollies, The Who, Small Faces, Downliners Sect, Yardbirds – все они появились в течение трех лет. «Британское вторжение» навсегда изменило лицо рок-музыки, и мы в Лондоне были в самом центре событий. Еще было много блюза: Savoy Brown (которые в Америке были гораздо популярнее, чем у себя дома) и Foghat начинали как блюзовые группы, а еще на некоторое время в моду вошел джаз-блюз. Тогда еще работал Грэм Бонд, а в его группе играли Джек Брюс и Джинджер Бейкер, которые потом основали Cream. The Beatles только что выпустили Сержанта Пеппера – вот вам настоящий вкус сезона! Двоих из них как раз арестовали, так что они определенно были на коне: Джон Леннон словно мученик и Йоко рядом с ним – картина оскорбленной невинности[18].

Куда ни посмотришь, всюду были хорошие группы. Теперь все гораздо печальнее: по-настоящему классную группу надо еще поискать, а ужасных групп вокруг тысячи. Тогда тоже были тысячи групп, но половина из них уж точно были отличные. Вот вам пример: с 14 ноября по 5 декабря 1967 года я ездил с Хендриксом в его второй тур по Великобритании. Вторыми хедлайнерами в этом туре были The Move, у которых только что вышло два сингла подряд, которые тоже заняли первое место; еще в этом же туре были: Pink Floyd – их последний тур с Сидом Бэрретом; Amen Corner, которые тогда добрались до второго места; The Nice, с которыми играл молодой органист по имени Кит Эмерсон; и Eire Apparent, которые потом трансформировались в группу Джо Кокера The Grease Band. И увидеть все это великолепие стоило семь шиллингов шесть пенсов (или 70 американских центов). И это было в то время в порядке вещей.

Вы же не думаете, что я буду рассказывать про Лондон шестидесятых и ни словом не обмолвлюсь о наркотиках? Не на того напали! Вся наша команда на протяжении всего этого тура

была на кислоте. И работали мы при этом отлично. А еще – оргазм под кислотой это нечто, просто фантастика, и я не упускал случая это испытать. Кстати говоря, кислота тогда не была запрещена законом. Законы против нее приняли не раньше конца 67-го. Что же касается марихуаны, то можно было спокойно идти по улице и курить косяк, а полицейские, как правило, знать не знали, что это такое. Один мой знакомый сказал полицейскому, что курит безникотиновую сигарету, и тот купился. Весь Лондон, казалось, был тогда обдолбан. Мы закидывались и шли в парк, разговаривали там с деревьями – и иногда деревьям удавалось тебя переспорить. Мы слышали, что кислота не действует два дня подряд, но мы выяснили, что если удвоить дозу, то она и на второй день прекрасно подействует!

В Лондоне были отличные клубы – Electric Garden, Middle Earth. Как ни придешь туда – *все* под ЛСД. В Middle Earth прямо у входа, у кассы, стояла девушка и раздавала кислоту. Она давала ее бесплатно каждому или каждой, кто входил в клуб. Иногда мы брали кристалл кислоты, которого хватало на сто трипов, и растворяли его в ста каплях дистиллированной воды в бутылке. Затем брали пипетку и капали этим раствором на газетный лист, рядами. Когда этот лист высыхал, мы вкладывали его обратно в газету, шли на улицу и продавали кусочки этого листа по фунту каждый. Иногда попадались удачные кусочки – на два трипа; а иногда просто отсыревший кусочек бумаги.

Настоящие кислотные трипы в то время были не похожи на все это хипповское дерьмо про мир во всем мире. Мой первый трип длился восемнадцать часов, и все это время я ничего не видел. То есть я не видел, что на самом деле происходило вокруг, – одни галлюцинации. От любого звука, от любого шороха: можно было щелкнуть пальцами – и пффффф! ты видел настоящий калейдоскоп. Твои глаза превращались в цветные стробоскопы, приводимые в действие звуком. И все время такое ощущение, что твой мозг на американских горках: сперва замедляешься, пока поднимаешься к очередной вершине, а потом – ффуууууух! Зубы шкворчат, будто поджариваются на сковородке, и если засмеешься, то ужасно трудно остановиться. В общем, кислота мне скорее нравилась. Но это опасный наркотик – если будешь неосторожен, он разбудит в тебе что-то такое, чему ты можешь не обрадоваться. Если ты не очень твердо стоишь обеими ногами на земле, кислота может стать для тебя катализатором – а может сделать так, что ты уйдешь и больше не вернешься. У тебя отберут галстук, вытащат шнурки из обуви и ремень из штанов и посадят тебя в комнату без окон и с мягкими стенами. Многих моих знакомых из-за кислоты увезли на чумовозе.

Еще все жрали таблетки. Стимуляторы: «синенькие», «черные красотки», декседрин. Именно таблетки – я никогда не имел дела с порошками. А вообще, если ты работаешь в группе, и особенно если ты техник, без таблеток не обойтись, иначе не сможешь жить в таком темпе. Нельзя поехать в тур на три месяца без таблеток. Мне плевать, что там говорят – что надо поддерживать форму, есть овощи, пить соки – идите в жопу! Это все лажа. Можешь жрать артишоки сотнями, но три месяца гастролей, когда каждый день концерт, на этом не продержишься.

Транквилизаторы тоже все жрали. У нас в ходу был мандракс (в Штатах он назывался квааалюд). Однажды мы купили канистру с тысячей таблеток мандракса, но когда открыли ее, то обнаружили, что все таблетки размякли – видимо, в канистру попала вода. Там бултыхалась кашица из мандракса. Мы вылили ее на доску для теста, раскатали скалкой и сунули в печку, и у нас получился такой лаваш из мандракса – мы отъедали от него по кусочку. Иногда откусишь – и во рту один мел (наполнитель), а иногда – сразу три порции мандракса: такая русская рулетка с опиатами! На декседрин и мандракс я получал рецепты. Тогда многие доктора за деньги были готовы выписать тебе рецепт на что угодно. И это доктора с Харли-стрит[19]! И вот однажды доктор, к которому я ходил, снял меня с мандракса, потому что его только что запретили, и заменил мне его на туинал. Это был ужас. Этот гребаный туинал в семь или восемь раз опаснее мандракса. Мандракс по сравнению с туиналом – невинное дитя! Все у них через жопу. И всегда так.

Однако хватит о наркотиках (и сексе) в моей жизни – поговорим о рок-н-ролле. Пожив в Лондоне некоторое время, я начал играть в группах. Сперва я устроился гитаристом к Пи Пи Арнольд. Она раньше пела в The Ikettes – так назывались бэк-вокалистки Айка и Тины Тернер, – а потом начала сольную карьеру и записала несколько синглов, которые стали хитами в Англии. Я играл с ней пару недель, а потом она поняла, что я не умею играть соло. И я потерял работу. В 1968 году я оказался певцом в группе Сэма Гопала. Он был наполовину бирманец… или непалец, не помню. Он играл на табла, но они так гудят, что их невозможно подзвучить, по крайней мере, оборудование конца 60-х с ними не справлялось. Раньше у него была группа под названием The Sam Gopal Dream, которая в декабре 1967 года участвовала в сборном концерте Christmas On Earth, там еще был Хендрикс. Некоторые думают, что я играл на том концерте, но это не так. Когда я познакомился с Сэмом, он выбросил из названия группы слово Dream и называл ее просто Sam Gopal – скромно и по делу!

С Сэмом меня познакомил мой приятель по имени Роджер Д'Элиа. Он играл на гитаре и приходился внуком Мэри Клэр – очень знаменитой в прошлом английской актрисе. Я тогда жил у Роджера, и однажды он сообщил мне, что собирает группу с Сэмом Гопалом и басистом Филом Дюком, и им нужен парень, который умеет петь. Наша музыка была смесью психоделии, блюза и ближневосточных ритмов, и все это в духе The Damned[20]! Мы записали один альбом, съездили в тур по Германии и сыграли в лондонском клубе The Speakeasy. Там нам устроили настоящую овацию, так что мы подумали, что станем звездами, но на самом деле после этого наши дела становились только хуже!

Сэм был полон решимости стать звездой. Он этого очень хотел. Он был стопроцентным гребаным позером, но это меня не отталкивало. Я и сам позер – если ты не позер, то что ты забыл в шоу-бизнесе, да? В общем, Сэм был нормальным парнем. У него были свои музыкальные идеи, но он давал мне полную свободу сочинять песни. Наш единственный альбом почти на сто процентов состоял из моих песен. Я в то время все еще носил фамилию отчима, так что на конверте пластинки я указан как Иэн (Лемми) Уиллис. Авторство нескольких песен я приписал всей группе, но на самом деле я сам сочинил весь материал за одну бессонную ночь. Тогда-то я и познакомился с чудесным веществом под названием метедрин. Только две песни на этой пластинке написал не я: Angry Faces Лео Дэвидсона, и еще мы сделали очень неплохую версию Season of the Witch Донована.

Альбом – он назывался Escalator – вышел на лейбле Stable. Совершенно бессмысленная контора. Ей заправляли два индийца, не имевшие ни малейшего представления о том, как вести дела. Не знаю, как устроилось наше сотрудничество. Это был проект Сэма, продюсером стал его приятель, и так далее. Escalator не имел успеха – полный провал. Даже по меркам независимых лейблов Stable был слишком независимым. Спустя некоторое время мы поняли, что у группы нет никаких перспектив, и поставили на ней крест. В 1991 году, незадолго до моего переезда из Англии в Америку, я столкнулся с Сэмом Гопалом на улице. Было неожиданно и забавно – мы не виделись десять лет, а тут вдруг я встречаю его совсем недалеко от собственного дома. Мы поболтали, и он сказал, что собирает новую группу – что-то знакомое, да? Некоторые вещи не меняются!

После Sam Gopal я повесил гитару на стену и примерно год ничего не делал – кантовался по сквотам и жрал галлюциногены. В молодости это не проблема, а мне было двадцать три года. Тогда же я узнал, какая мерзкая штука – героин. Он, конечно,

всегда был где-то рядом, но поначалу особой популярностью не пользовался – он стал настоящей проблемой году в 70-м. У меня был знакомый, Престон Дейв, он даже не был настоящим джанки, только начал этим увлекаться. Однажды наша компания сидела в «Вимпи-баре» – первая попытка сделать в Англии что-то вроде «Бургер-Кинга», круглосуточная забегаловка на Эрлс-Корт-роуд. Престона уже потрясывало, и он сгонял на Пикадилли: там можно было разжиться героином. Возвращается и идет прямиком в туалет. А через пару минут вываливается оттуда спиной вперед и весь шатается. Лицо черное, язык висит наружу. Ему продали крысиный яд – чувак взял с него деньги, улыбнулся ему и всучил ему чистую отраву. Черт, подумал я, если приходится иметь дело с такими людьми, мне этот ваш героин на хер не сдался. И еще я видел, как люди колются старыми затупившимися иглами, от которых руки становятся страшными, как ядерный взрыв. У некоторых на руках были шишки размером с мяч для крикета – от закупорки сосудов. А многие продавали собственную задницу ради дозы. По-моему, вся эта история – сплошное мучение, ничего в ней веселого нет.

У меня дохрена друзей умерло от героина, а хуже всего то, что так же умерла девушка, которую я любил сильнее всех в жизни. Ее звали Сью, и это была первая девушка, с которой я стал вместе жить. Когда мы закрутили роман, ей было аж целых пятнадцать лет – если бы нас застукала полиция, вышло бы неловко, но что тут поделаешь. Мне самому-то был всего двадцать один год, это был 67-й: в общем, меня нельзя было назвать развратным старикашкой. Мы оба были юные и развратные! Важная деталь (прежде всего – для окружающих): она была черная. От нас все отвернулись. Все друзья нас бросили – и ее, и мои. А ведь это было вроде как время мира и любви! Все как раз начали слушать черную музыку, и все такое прочее. Ха! Вот какие они все были лицемеры. Никто не знал, как с нами быть. Мои друзья перестали со мной общаться, потому что я связался с «ниггершей». Это было для меня очень неприятным открытием – вот же мудаки! А ее черные друзья решили, что я угнетатель: умыкнул черную девушку и сделал ее своей игрушкой, бла-бла-бла. Какая херня! Я объяснил им, что не тащил ее за руку: она была вольна пойти со мной или остаться. Но вообще нам с Сью было наплевать. Если таким образом можно потерять друзей, значит, они и не были тебе друзьями. Кроме того, мы были влюблены, и чужое мнение нас мало интересовало.

Правда, мы с Сью вечно собачились. Она была тройной Близнец[21] – непонятно, с кем из них ты сейчас разговариваешь. Нам все время не хватало денег, и она начала работать в клубе

Speakeasy. К ней много подкатывали – она была юна и только недавно поняла, что красива, и мужики звали ее поразвлечься. Пока она работала в Speakeasy, мы расстались (вообще мы с ней расставались раз пять), и она потрахалась с Миком Джаггером. Впоследствии я спросил ее: «Ну и как он?» А она: «Ну, он был хорош, но не так хорош, как Джаггер» – шикарный ответ! Она, конечно, имела в виду, что настоящий Джаггер не мог сравниться с собственной репутацией. Ничего удивительного: он не смог бы оправдать ожидания, даже если бы влетел в комнату в прыжке, использовав вместо шеста сами понимаете что.

Через какое-то время Сью нашла работу в Ливане – танцовщицей в Бейруте. Его тогда еще не сравняли с землей, и он был такой песочницей западного мира. Она вернулась оттуда отпетой героинщицей, и все теперь было как-то по-другому. Только мы с ней воссоединились, как однажды она поехала к бабушке. Там она позвала к себе кого-то из друзей, чтобы ей принесли стаффа. Заперлась в ванной. Вмазалась, набрала себе ванну, потом отрубилась и захлебнулась в воде. Ей было всего девятнадцать.

Когда она умерла, я был в Лондоне (к этому времени я уже играл в Hawkwind), но на похороны не пошел. Кому нужны мертвецы? Я любил живых. У нее была сестра, Кэй. Такая же симпатичная. Не знаю, что с ней стало, но Кэй, если ты читаешь это, свяжись со мной – поговорим о Сью, хорошо?

Итак, я видел своими глазами, что связываться с героином себе дороже, но это не значит, что у меня не было нескольких собственных стремных опытов, пока я подыскивал себе излюбленное вещество. Однажды, году в 69-м или 70-м, я сильно облажался. Мы сидели и ждали, что нам притащат спидов. Там был один парень, который встречался с медсестрой, работавшей в пункте выдачи медикаментов, и он ее умаслил, чтобы она принесла нам амфетаминов. И вот она приходит и несет стеклянную банку, на которой вроде бы написано «амфетамина сульфат». И мы, жадные ублюдки, немедленно его употребили. Но там был не амфетамин, это был «атропина сульфат» – белладонна. Яд. Мы употребили чайную ложку этой дряни – раз в двести больше, чем следовало – и всей компанией пришли в неистовство.

Я таскал под мышкой телевизор и разговаривал с ним. Кто-то пытался кормить деревья, росшие под окном. Некоторое время на самом деле было интересно. Потом мы все отрубились, и кто-то вызвал Release, это была фирма, бесплатно присылавшая скорую помощь наркоманам[22]. Нас свалили, как дрова, в их фургончик и отвезли в больницу. Я просыпаюсь в койке и понимаю, что могу

видеть сквозь собственную руку. Я видел под своей рукой складки на простыне. Потом я замечаю больничные стены. Твою ж мать! Я точно загремел в дурку. Хотя нет, это обычная больница, а то рукава были бы длиннее. Тут на соседней койке просыпается мой приятель Джефф.

– Псст! Джефф!

– А?

– Мы в больнице.

– Вау.

– Надо сматываться. Ты как?

– Норм.

– Тише!

Мы слезаем с коек, я натягиваю плавки, и тут вдруг он как завопит:

– АААААААА! НА ПОЛУ!

Он прыгает и орет, глаза круглые и выпученные, как регистровые переключатели на органе:

– Черви, личинки, муравьи – АААААААА!

Я залез обратно в койку.

Потом явился доктор:

– Если бы мы приехали на час позже, вы бы не выжили.

Я про себя подумал: «А ты, небось, был бы только рад, козел вонючий».

Он сказал, что нам дали антидот и что нам потребуется время, чтобы прийти в себя. В результате мы приходили в себя две недели, и это было очень странное время. Например, я сидел, читал книгу, открывал 42-ю страницу – но книги не было. Или я шел по улице и вроде бы нес чемодан, и вдруг оп! – у меня в руках ничего нет. Странно… но интересно. Впрочем, не настолько интересно, чтобы повторять этот опыт!

В конце концов, после нескольких месяцев жизни «доссером», я попал в новую группу, Opal Butterfly. Я познакомился с их барабанщиком, Саймоном Кингом, в одном заведении в Челси под названием The Drug Store. Это было большое пафосное здание, этажа на три. Наверху ресторан, на первом этаже кабак, а в подвале магазин пластинок. И еще всякие магазинчики, бутики. Это было одно из первых заведений типа современных торговых центров. Дорогое, но симпатичное. Парни из Opal Butterfly ходили туда бухать, и я стал общаться с Саймоном и оказался в их группе – это как-то само собой получилось. Я даже не знаю, почему я с ним тусовался – мы не очень-то ладили. Но вы о нем еще услышите.

Так вот, Opal Butterfly были хорошей группой, но они ничего не добились. Когда я к ним присоединился, они существовали

уже несколько лет, а через несколько месяцев распались. Один из них, Рэй Мейджор, потом играл в Mott the Hoople. Но время показало, что они распались вовремя: через какие-нибудь пару месяцев я попал в Hawkwind.

Глава 5. Фанат скорости

С Hawkwind я познакомился через Дикмика. Он играл у них на «инструменте», который представлял собой маленькую коробочку с двумя кнопками и лежал на раскладном столике. Он назывался ринг-модулятор, но, по сути, был генератором звука, который мог издавать тоны за пределами диапазона слуха человека – и снизу, и сверху. Издаешь высокий звук, и люди теряют равновесие, падают и блюют; издаешь низкий звук, и можно обосраться. Этим приборчиком можно было вызывать эпилептические припадки. Дикмик умел со сцены вычислять в зале людей, на которых эта штука должна была подействовать. На сцене с Hawkwind я подходил к нему и спрашивал:

– Есть сегодня кто-нибудь?

Он говорил:

– Ага, вон тот парень. Смотри.

Он крутил ручку – хрумммммм, – и того парня начинало плющить. Удивительные вещи можно делать звуком. Но конечно, мы никогда точно не знали, что именно на них так действовало – генератор звука или кислота, которой мы перед концертом сдобрили все закуски. Но я опять забегаю вперед.

В общем, именно Дикмик привел меня в Hawkwind. Он рыскал по всему Лондону в поисках спидов и, разумеется, в конце концов нашел меня. В сквоте на Глостер-роуд, где я жил, была одна девушка, они общались, и она сказала:

– О, со мной живет чувак, который жрет таблетки.

Он зашел в гости, и оказалось, что мы оба интересуемся тем, как долго можно заставить свое тело прыгать и скакать без остановки. Мы ушли в загул на три недели, спали в общей сложности часа два. Он вообще-то собирался в Индию, чтобы выведать там какие-то суфийские тайны или еще какую-то мистическую херню в этом роде. Но добрался только до Глостер-роуд, которая все равно была ему не по пути, и бросил эту затею. Зато он нашел меня, а это его устраивало, потому что он был единственным человеком в Hawkwind, который жрал спиды, – остальные были по кислоте, – и ему был нужен единомышленник.

Я уже видел Hawkwind живьем, хотя и не в самом начале карьеры, когда они еще назывались Group X. Вся публика как будто была в эпилептическом припадке – шестьсот человек, и все двигаются абсолютно одинаково. Я помню свои мысли: мне надо самому играть в этой группе, потому что смотреть на них я не могу! Я хотел стать их гитаристом. Их главный гитарист, Хью Ллойд-Лэнгтон, как раз ушел из группы – он просто исчез. Они

играли на фестивале на острове Уайт[23]. То есть, строго говоря, они не играли на самом фестивале, они играли снаружи – как вам такая альтернативная музыка? Так вот, они сидели у костра, и Хью закинулся кислотой – доз, наверное, восемь. «Пойду пройдусь», сказал он парням, ушел за холмик, и потом лет пять его никто не видел! Вот как обстояли дела в Hawkwind – расслабленно, очень расслабленно. Через несколько лет Хью объявился в группе под названием Widowmaker (не путать с проектом Ди Шнайдера[24] в 90-е, о нем мы поговорим позже).

В общем, я надеялся стать их гитаристом, но меня взяли на бас. Собственно, я играю на басу с того дня, как попал в Hawkwind. Дело было в августе 71-го. У них был оупен-эйр на площади Повис у Ноттинг-Хилл-Гейт, и их басист Дейв Андерсон не пришел на концерт. Но он сделал глупость – оставил свой бас в их фургоне, что развязывает руки конкурентам. Это все равно что буквально пригласить кого-нибудь прийти и занять твое место в группе, и я так и поступил. Видимо, Дейву не нравилось играть на бесплатных фестивалях, как в тот вечер. Он хотел получать деньги за каждый концерт без исключения, а группа любила играть на всяких благотворительных шоу. Помню, как мы однажды играли в поддержку «Сток-Ньювингтонской восьмерки», кто бы они ни были. Их посадили в тюрьму за какую-то гребаную херню[25], а мы решили, что это несправедливо, потому что мы были неформалы, и из-за свиней[26] всюду царит несправедливость – в общем, вся эта херня, о которой тогда любили болтать. Так что мы часто играли благотворительные концерты, но нас все время обманывали. У организаторов таких концертов всюду был свой карман. Сплошное жульничество были все эти акции. И сейчас так. Но опять же, я отвлекся.

В общем, Hawkwind оказались на Повис-сквер без басиста, и они бегали и лихорадочно искали кого-нибудь, кто играл бы на басу. Дикмик, увидев шанс заполучить в группу товарища по спидам, ткнул в меня пальцем и сказал: «Вот он играет». «Сволочь!» – прошипел я: я ведь в жизни не играл на бас-гитаре! Ник Тернер, который играл у них на саксофоне и пел, подошел и сказал мне важным тоном: «Тональность ми, сыграй что-нибудь. Песня называется You Shouldn't Do That» – и отвалил. Снабдил меня, так сказать, всей нужной информацией, да? В результате они все равно начали с другой песни. Но все, видимо, неплохо прошло, потому что я задержался в группе на четыре года. За все это время они ни разу не сказали мне официально, что я принят. Дел Деттмар (он играл на синтезаторе) продал мне бас-гитару Hopf, которую купил с аукциона в аэропорту Хитроу за 27 фунтов или около того. Я до сих пор с ним не расплатился.

Как я уже говорил, в Hawkwind дела шли очень расслабленно. Состав менялся каждые несколько месяцев; люди приходили и уходили. Ты никогда точно не знал, кто сейчас играет в группе, – по крайней мере, ты никогда точно не знал, кто придет играть сегодня. Однажды нас было девять человек, а спустя несколько недель – всего пять, а потом шесть, потом семь, потом снова пять. На какую фотографию ни посмотри, в группе всегда играли разные люди. Это было очень странно. Дейв Брок, певец и гитарист, основал группу в июле 69-го, и за все эти годы он остался единственным постоянным участником. Hawkwind – его группа, так же как Motörhead – моя. Без него Hawkwind бы не было. Но даже он иногда пропадал. Он иногда превращался в, как мы это называли, дитя природы – бродил по полям с посохом, из одежды – только набедренная повязка, и с ним тогда никак нельзя было связаться. В такие дни не имело смысла говорить ему: «Дейв, у нас сегодня концерт», потому что он опять ушел, опять превратился в дитя природы, да?

Дейв не только был ядром Hawkwind, но и писал почти все песни. Но он никогда не писал вместе с другими музыкантами. В Motörhead я хотя бы указываю остальных парней соавторами, но Дейв был самодостаточен. Я многому от него научился в плане творческого видения и упорства – я о них уже имел кое-какое представление, но его пример укрепил мою уверенность. Он научил мне полагаться на свое собственное мнение. У него, конечно, были свои причуды, например, фантазии о шлепках. Завидев на улице школьниц, он высовывался из машины и орал: «Шлеп! Шлеп! Шлеп! Эй, девчонки, шлеп-шлеп!» Когда у него был трип, он каждый раз был уверен, что откусил себе язык. Разумеется, этого никогда не было, но в заднем кармане у него лежала красная бандана, которой он имел обыкновение вытирать губы. А потом он смотрит, а бандана-то красная – а-а-а-а-а! – и пошло-поехало! Однажды в Грантчестере мы смеха ради подтвердили ему его опасения, и мне пришлось сорок пять минут его успокаивать (у меня у самого в тот момент был трип, так что успокаивать у меня получалось так себе!). Еще Дейв все время хотел наебать налоговую службу. Однажды он подробно рассказывал нам: «Я тут купил себе новый дом. Списал его за счет старого дома и купил эту ферму, так что они меня и пальцем не тронут». А потом оказалось, что пока в Лондоне он нам это втирал, по его дому в Девоне ходили судебные исполнители и выносили оттуда всю мебель. Черт-те что.

Вторым человеком в Hawkwind в те дни был Ник Тернер, потому что он, по сути, был фронтменом. Он тоже был в группе с самого начала, и он был таким высокоморальным,

самодовольным мудаком – такими только Девы бывают. Ник был старше всех в Hawkwind, даже старше Дейва, и его поведение, наверное, этим и объясняется. Например, он в чем-то бывал очень старомоден, а с другой стороны, очень хотел показать, каким он может быть диким и неукротимым. Это, наверное, был такой пост-хипповский кризис среднего возраста. Он часто делал какие-то раздражающие вещи, например, играл на своем саксе (еще и с квакушкой) прямо поверх вокала. Каждому новому звукорежиссеру мы с Дейвом говорили: «Давай голос погромче – а саксофон нахер».

Помню, однажды Дейв не пришел на концерт где-то на севере Лондона, и мы позвонили ему в Девон. Его жена, от которой обычно слова нельзя было добиться, ответила:

– Ох, я не знаю, где он. Он закинулся мескалином и пошел гулять. Это было утром, с тех пор я его не видела.

Тогда Ник позвал играть на гитаре парня по имени Твинк (он потом основал Pink Fairies). У нас под рукой была гитара, на которой имелись только две целые струны, но Твинку и этого было много, потому что он вообще-то барабанщик. Вот вам пример замечательных деловых решений Ника. Он же впоследствии был одним из тех, кто уволил меня из группы, – что о нем еще сказать.

Впрочем, иногда Ник доставлял нам кучу веселья. Однажды он подходит к микрофону, а в руке у него подключенный саксофон, – и исчезает в облаке синих искр! Настоящая канонада. Мы все ржем: «Ага, Ник, классно!» В конце концов он отлетел в усилители, и они все обрушились ему на голову, чему я лично был ужасно рад. В другой раз мы играли на открытой сцене, перед которой шел такой ров. Мы играем, дождь льет как из ведра: все эти хиппи сидят, прикрываясь пластиковыми пакетами, насквозь промокшие, покупают гамбургеры по 15 фунтов – в общем, все, за что мы любим фестивали. Часть сцены была под таким круглым навесом, но впереди на метр с лишним она была ничем не защищена и вся в воде. Мы с Дейвом стояли как раз там, и тут слева на сцену выходит Ник в костюме лягушки – черные ковбойские сапоги, зеленые рейтузы, зеленое трико и голова лягушки из резины. В руках у него саксофон, и он выделывает ногами антраша – он был знатным танцором, наш Никки. И вот он прыгает по сцене, и я говорю Дейву:

– Хорошо бы уже кто-нибудь столкнул эту гребаную лягушку в пруд…

И ровно в этот момент он соскальзывает по мокрой сцене прямо в воду! Я даже играть перестал – так я хохотал. А потом Стейша, наша танцовщица, подходит к краю и пытается помочь

ему вылезти – и сама летит к нему в ров! Я аж на колени опустился, я ничего не мог делать от смеха.

В другой раз у нас был концерт в Филадельфии или где-то в этом роде, и Ник показывал свой трюк с ароматическими палочками: он поджигал ароматические палочки, набирал в рот жидкости для зажигалок, а потом гас свет, и он выплевывал эту жидкость на палочки – ПУУМ! – получался такой огненный шар. В тот вечер он переборщил с этой жидкостью. ПУУМ! – и он поджег себе руку: в полной темноте – окруженный пламенем черный силуэт руки и крики: О! О! О! Мы отвезли его в больницу, вся рука была в ожогах, похожих на сосиски. Но он все равно сыграл в тот вечер, что говорит о его силе духа – отдам ему должное. Он любил хлестать вино и нажирался в стельку, и однажды в Швейцарии он подошел к краю сцены и прислонился к порталам, и вся эта конструкция рухнула прямо на него. Из-под завала торчала только рука с саксофоном. Бедный Никки – все время с ним что-нибудь происходило.

Нашим барабанщиком в то время был Терри Оллис – мы звали его Борис или Бореалис. Он выступал голым. Выходил на сцену в трусах своей дражайшей половины (больше на нем ничего не было), но к середине первой песни снимал и их. Он был взрывным барабанщиком, настоящий динамит, только хер постоянно мешался – он болтался, ничем не стесненный, и в конце концов он обязательно попадал по нему палочкой: ой! – и в музыке тогда случалась непредвиденная пауза. Но все равно он был отличным музыкантом, да и человек замечательный. Он работал на свалке, которой заправлял его отец, на окраине Уэстлендс, и он приходил на репетиции и концерты в сумасшедших тряпках, которые там находил. Он мог прийти в немецкой военной форме, а мог завернуться в старушечью шаль. Потом он увлекся барбитуратами, и это его сгубило. Его последний концерт с нами был в университете Глазго в январе 72-го. По дороге туда он выпал из фургона. Мы остановились на светофоре, а он решил, что мы уже приехали, открыл дверь и вывалился на улицу. Все его вещи разлетелись по асфальту. Мы не заметили, что он вышел, и спокойно поехали дальше. В конце концов мы разыскали его и как-то смогли доставить на концерт. Перед нами, помнится, играли Nazareth, когда они закончили, мы расставили свой аппарат, а он вышел на сцену и все время сидел, сложив палочки на малый барабан. Ни одной ноты не сыграл. Было очевидно, что пришло ему время сваливать. Жалко, на самом деле. Его сменил Саймон Кинг, которого я знал по Opal Butterfly. Он тоже был среди тех, кто потом уволил меня из Hawkwind, а ведь это я привел его в группу!

Еще у нас был парень по имени Боб Калверт из Южной Африки, он был нашим штатным поэтом. Иногда он участвовал в концертах, а иногда нет. На сцене он читал свои стихи или тексты писателя-фантаста Майкла Муркока, таким образом усиливая нашу таинственную, космическую, эпическую атмосферу. Но у Боба бывали странные идеи. Например, он хотел повесить себе на шею пишущую машинку на гитарном ремне и во время концерта печатать что-нибудь и бросать листы в публику.

– Это не сработает, Боб, – говорил я ему, – это ни за что не будет так круто, как ты думаешь.

Но он мне не верил. К счастью, он все равно так никогда и не попробовал осуществить этот замысел. Зато как-то раз мы играли на стадионе Уэмбли, и он вышел на сцену в ведьминской шляпе и длинной черной мантии, а в руках он нес трубу и меч. И прямо посреди второй песни он набросился на меня с мечом! Я ору: «Пошел на хер!» и херачу его по башке бас-гитарой: «Отъебись!» Это был самый большой концерт, который нам приходилось играть в жизни, а он нападает на меня с мечом – что-то здесь не так, как думаете?

Боб был очень талантливый, но, пока работал с нами, натурально спятил. Он начал принимать много валиума, был все время на взводе, говорил слишком быстро и слишком много. Потом он отправился в буддийский ретрит где-то в гребаном Девоне, что ли. Мужик, который был там главным, – новообретенный гуру Боба – был, конечно, последний шарлатан. Хиппари сидели кружком у его ног и глядели с обожанием на этот источник мудрости. А по-моему, он был просто мудак. Боб воспринял это неадекватно: «Ты не веришь в него, да? Ты не понимаешь, какой он великий человек!», и так далее. В конце концов пришлось его слегка стукнуть: он игрался с куском проволоки и хлестнул меня этой проволокой по лицу, и я дал сдачи. Он поднялся с пола обновленным человеком. Но его психика трещала по швам – однажды он был так плох, что мы усадили его в такси и отправили в сумасшедший дом в сопровождении его подружки. По дороге он заломил таксисту руку, и тому пришлось нажать кнопку под приборной панелью, чтобы кто-нибудь пришел и дал ему по башке. Боб был совершенно не в себе. Мы были вынуждены постоянно посылать его в разные психбольницы, они держали его взаперти дня три-четыре, а потом отправляли обратно. Он переживал очень трудное время, но нам с ним было еще труднее! Он уже умер – сердечный приступ, он был совсем не стар. У него был талант, но он не был таким гением, как теперь выдумывают. Разумеется, после смерти все становятся гениальнее – процентов на 58. Твои

пластинки лучше продаются, и ты становишься великим человеком: «Блин, какая жалость, что мы не купили ни одной его пластинки, пока он был жив, но все же…» Уверен, мне светит то же самое: «А вот Motörhead? Шикарная ведь группа. Жаль, мы не успели услышать их живьем…»

Но Боб мне нравился. Я играл на его сольном альбоме, Captain Lockheed and the Starfighters, мы записали его в начале 74-го. Альбом назван в честь этих никудышных самолетов Lockheed F-104 Starfighter, которые американцы сбыли немцам. В Германии тогда ходила шутка: хочешь купить Starfighter? купи кусок земли и подожди – потому что эти самолеты постоянно падали, всю Европу усеяли. Captain Lockheed – хороший альбом. Его продюсировал Брайан Ино, и музыкантов на нем много: тот же Ино, а еще Дейв и Ник, Саймон Кинг, Твинк, Адриан Вагнер и другие. Надо мне раздобыть экземплярчик.

С Бобом мы отрывались по полной. На пару с Вивом Стэншеллом, вокалистом Bonzo Dog Doo-Dah Band, они устраивали такое! Однажды мы с Бобом и Ником ехали пожрать. По дороге мы подобрали Стэншелла – он стоял на тротуаре рядом с проезжей частью. У него был портфель, синий костюм в крупную черную клетку, и у него была бритая голова – так было заведено в его новой группе The Sean Head Band[27]. На нем была шляпа-хомбург, и он жевал валиум. Мы пошли в греческий ресторан, и Вив с Калвертом принялись швырять на пол тарелки – одну за другой, и при этом кричали друг на друга через весь стол, ведя какую-то запутанную интеллектуальную дискуссию. Господи, это продолжалось несколько часов. Потом мы отправились к Стэншеллу – он жил поблизости от нашего дома.

– Не заходите в дверь – там черепахи, – сказал нам Вив.

У него была куча аквариумов с черепашками, между которыми оставались узенькие проходы, и, конечно, они постоянно падали, и черепашки разбредались по дому. Поэтому, чтобы попасть в дом, мы должны были обойти крыльцо и забраться в прихожую через окно. Мы забрались в дом, как было сказано, и Боб наступил на черепаху, и они с Вивом снова принялись орать друг на друга. Потом мы поднялись наверх, а там с потолка свисали протезы, стояли какие-то роботы и высокие стопки бесценных пластинок на 78 оборотов – Джелли Ролл Мортон и так далее, – в которые Боб немедленно врезался, и пластинки полетели на пол, что-то разбилось. Часа через три я решил, что пора домой. Но как раз когда я собрался уходить, кто-то из них решил, что ему прямо сейчас совершенно необходимо принять ванну, а второй притащил в ванную стул, чтобы они и дальше могли орать друг на друга! Я думал, что с меня на

сегодня хватит, но не тут-то было! Я отрубился и спал без задних ног, но в 7:30 утра меня разбудили вопли Стэншелла, стоявшего под моим окном:

– Ты убил моих черепашек!

– Ах ты долбоеб! – заорал я в ответ, – это Боб сделал! – и захлопнул окно.

Сейчас Стэншелла тоже уже нет в живых – он умер в начале 95-го года.

Помимо музыкантов и Боба в Hawkwind были танцовщики. Дольше всех проработала Стейша – все то время, что я был в группе; вскоре после моего увольнения она ушла из Hawkwind и вышла замуж. Ростом она была под метр девяносто (это без обуви), обхват в сиськах – метр тридцать. Впечатляющее зрелище. Она работала переплетчицей в Девоне, а впервые увидев Hawkwind, тотчас скинула с себя всю одежду, измазала себя краской с ног до головы и каталась по сцене, пока они играли. Так она с ними и осталась. Среди нашей публики у нее было много поклонников-мужчин. У нас танцевали и другие девушки – у одной из них, по имени Рене, были необычайно гибкие суставы. Она была миниатюрной блондинкой и выглядела очень привлекательно, пока – оп-ля! – не принималась за свою акробатику: все конечности у нее гнулись не в ту сторону. А еще у нас был Тони – он был профессиональным танцовщиком и владел искусством пантомимы.

Иногда в наших концертах и записях принимал участие Майкл Муркок – его голос есть на альбоме Warrior on the Edge of Time. Но чаще Боб просто читал то, что он написал. Он был очень важной фигурой для Hawkwind – само название группы появилось благодаря книгам о Дориане Хокмуне. Он был крутой мужик. Мы иногда ходили к нему домой пожрать задарма, а на двери у него висели такие записки: «Если вы позвонили и я не открыл дверь, не звоните второй раз, а то я выйду и убью вас. Это значит – нет, это значит – меня нет дома, это значит – я не хочу вас видеть. Все пошли на хер. Я пишу. Оставьте меня, блядь, в покое». Просто класс.

Все наше оборудование покрыл психоделическими узорами парень по имени Барни Бабблс – теперь тоже покойник. Он писал флюоресцентной краской, а мы светили на эти узоры ультрафиолетовым светом. Он же нарисовал обложки для сингла Silver Machine и альбома *Doremi Fasol Latido*. Талантливый парень, сделал для нас много глючных картинок.

Обложки альбомов в начале 70-х были гораздо лучше, чем теперь, – тогда делали более интересный и сложный дизайн. Если вам попадется первое издание Space Ritual[28], вы поймете, что я

имею в виду. Конверт раскладывается, а внутри полно картинок, фотографий, стихов. Это стоит тех денег, которые вы платите. Отличный пример классной упаковки и осмысленного творческого высказывания. На компакт-дисках все мельче, а на лейблах теперь работают жалкие и мерзкие скупердяи, которые пять лишних центов не потратят, чтобы сделать оформление получше. А помните, когда CD только появились, они были в таких длинных коробках? Что это вообще была за херня? Сам диск занимал только полкоробки, и ее еще хрен откроешь, чтобы диск вытащить. Приходилось лезть туда ножом, коробка трескалась, всюду царапины. И на то, чтобы убедить ребят с лейблов отказаться от этих длинных коробок, ушли годы. Я помню, как они сопротивлялись, – Motörhead тогда были на Sony. Люди увольнялись из-за этих длинных коробок! Сияющая глупость, да?

В общем, в Hawkwind было на что посмотреть. Мы не были сопливой хипповской группой, мир-любовь и прочая херня – мы были кромешным ночным кошмаром! Хотя у нас на концертах было много ослепительно-ярких цветных огней, сама группа была в основном в темноте. Над нами внушительное световое шоу: восемнадцать экранов, а на них – кипящая нефть, кадры военных действий и всяких политических событий, безумные лозунги, анимация. Оглушающе ревет музыка, извиваются танцовщики, Дикмик выворачивает слушателей наизнанку своим аудио-генератором. Неслабое переживание, особенно если учесть, что большинство наших фанатов были упороты кислотой… не говоря уже обо всех музыкантах в группе. Включая, разумеется, меня и Дикмика: то, что мы с ним были единственными амфетаминщиками в Hawkwind, никоим образом не мешало нам баловаться всем, что подворачивалось под руку! Ходит легенда, будто однажды я был такой угашенный, что на сцене меня пришлось прислонить к усилителю, иначе я не держался на ногах. Что угашенный – чистая правда, но я помню этот концерт, и нет, меня не нужно было подпирать усилителем.

Это был концерт в Roundhouse в 1972 году, на котором мы записали Silver Machine и You Shouldn't Do That. Это большой зал. Раньше там было депо с гигантским поворотным кругом для поездов. Рок-н-ролльщики его арендовали и превратили в концертный зал – убрали поворотный круг, поставили в одном конце сцену. Но кое-где валялись детали от паровоза, еще что-то. Превосходное было место, но теперь там выступают театральные труппы, вы понимаете, о чем я: японские акробаты и прочая херня. Должно быть, очень интересно с культурной точки зрения, но… вернемся к моему рассказу.

Мы с Дикмиком уже три дня не спали и тоннами жрали декседрин. Потом начали параноить и приняли транков (мандракс), но это нас так успокоило, что стало неинтересно, поэтому мы закинулись кислотой и сверху еще добавили мескалина, чтобы было покрасочней. Потом нам стало как-то неуютно, и мы приняли еще по паре мандракса… а потом еще спидов, потому что опять слишком успокоились. После этого мы отправились в Roundhouse. Дикмик вел машину, и его очень интересовала обочина, так что он все время подъезжал к ней – посмотреть. Наконец мы доехали и поднялись в гримерку, а там дым коромыслом, потому что все сидят и дуют. Мы посидели, а потом кто-то притащил кокаин и мы немножко угостились, а потом принесли «черных бомбардировщиков» (в Штатах они называются «черные красотки» – стимуляторы), и каждый съел по восемь штук. Да, и еще немного кислоты. Когда пришло время идти на сцену, мы с Дикмиком были совершенно одеревеневшие!

– Твою мать, Мик, – говорю я, – я не могу пошевелиться. А ты?

– И я не могу, – отвечает он. – Классно, да?

– Да, но нам сейчас играть.

– Нам помогут, – заверил он.

Наши роуди зацепили нас каблуками за край сцены и привели нас в вертикальное положение, на меня повесили бас.

– Так, окей, – говорю я. – В какой стороне публика, чувак?

– Вон там.

– Далеко?

– Десять ярдов.

Я шагнул вперед:

– 1–2-3–4-5, ага. Поехали.

И это был один из лучших концертов, которые мы записали. Взаимодействие между мной и Броком было фантастическое. Но публику я так и не увидел! С этой записи мы взяли наш единственный хит – Silver Machine, второе место в чартах, между прочим! На сингле вокал – мой, хотя на концерте пел Боб. Боб в тот вечер был не в форме и звучал ужасно, так что потом все по очереди пытались записать вокал овердабом[29], но хорошо получилось только у меня. Это почти единственный случай, когда я пел основной вокал в Hawkwind, – еще были The Watcher на Doremi Fasol Latido, Lost Johnny на Hall of the Mountain Grill и Motörhead – би-сайд сингла Kings of Speed, который потом попал на переиздание Warrior on the Edge of Time. Но я часто пел партии бэк-вокала.

Работа с Hawkwind – это было волшебное время. Мы ездили жрать кислоту в одно огромное заброшенное поместье. Через

обширный разросшийся сад шли узкие тропинки, вокруг сгоревшего дома были разбросаны декоративные пруды и туннели. Безумное местечко. Мы приезжали туда всей группой плюс десяток девчонок и пара каких-нибудь приятелей, перелезали через стену, упарывались и бродили по парку – то и дело видишь под деревом кого-нибудь, кто свернулся узлом и что-то бормочет. Это было великолепное время – лето 71-го: я его не помню, но никогда не забуду!

Вы, возможно, интересуетесь, как я выжил с учетом всех тех наркотиков, которые я потреблял в то время. Один раз я умирал – по крайней мере, в группе решили, что это так. Но это было не так. Все началось с того, что мы в своем фургоне возвращались с концерта домой. За рулем был чувак по имени Джон-Сортир[30] – а вот он, раз уж мы об этом заговорили, отбросил коньки два года спустя. Он завозил всех по очереди, и я оставался последним. Мы были заняты тем, что делили между собой сотню синих (смесь спидов с седативами). У меня на коленях лежал мешочек, и я как раз отдал ему его пятьдесят таблеток, и у меня оставалось пятьдесят. И тут прямо перед нами тормозит полицейская машина, и в ней полно копов. Вовремя, нечего сказать.

– Так, Лемми, – говорит Джон, – сейчас нас заметут.

Не поспоришь. Но я не собирался с этим мириться. «В жопу все», говорю я и пихаю в рот все свои таблетки – и Джон делает то же самое. И вот мы сидим, жуем пятьдесят синих одним куском. Такая гадость, скажу я вам! И запить их нельзя, потому что у дверей стоят копы.

– Выходите из фургона.

– Хорошо, офицер, – говорим мы – с трудом, потому что нам мешает полупрожеванная каша во рту.

– Что вы там делали на переднем сиденье? – спрашивает меня один из копов. – Я видел ваши руки, вы что-то делали, когда мы вас остановили.

– Ничего не делал, – упорствую я, а изо рта у меня течет синяя слюна.

Но они каким-то образом не обратили на это внимания и отпустили нас. Джон довез меня до дома в Финчли, где я жил с остальными нашими. По-видимому, я заснул, и мой метаболизм рекордно замедлился. Можно было подумать, что я перестал дышать, хотя это было не так. Но я лежал с открытыми глазами, и Стейша чуть не обосралась от страха. Она кричала: «Он умер! Он умер!» Потом она привела Дейва, который встал надо мной и тоже завопил: «Он мертв!»

А я в это время лежал и думал – они что, рехнулись? Разве не видно, что я тут пытаюсь поспать? Я хотел сказать им, чтобы они

заткнулись, но у меня никак не получалось произнести ни слова. В конце концов они поняли, что я жив, а вскоре я снова пришел в норму.

Если не считать пару таких опасных случаев, я, надо признать, замечательно проводил время. И все остальные тоже. Надо понимать, что в то время все это было абсолютно в порядке вещей. Теперь все иначе – все следят за здоровьем, соблюдают политкорректность, осуждают наркотики и так далее. Но во времена Hawkwind наркотики были нашим общим знаменателем. Это был единственный способ отличить своих. Мы всегда играли упоротые в хлам. И, как я уже говорил, так мы сыграли некоторые из своих лучших концертов. Были еще легендарные концерты, когда мы добавляли кислоту в закуски и напитки для публики. На самом деле такое было, наверное, всего раза два – один раз, как помню, в Roundhouse. Все равно почти все наши фэны приходили уже под кайфом, так что какая разница. Это было невинное время, мы еще не знали, что некоторые от кислоты тронутся умом, а другие станут колоться и умрут от эмболии. Немногих психов быстро забирали. В общем, мы ничего об этом не знали. Мы всего лишь хотели хлеба и зрелищ.

Из-за нашего повального увлечения наркотиками мы постоянно рисковали нарваться на копов. Но, как показывает моя история с Джоном-Сортиром, они были туповаты. Вот вам еще пример глупости полицейских. Копы часто отирались вокруг клубов. Однажды я выходил из Speakeasy вместе с чуваком по имени Грэм, он работал у Джимми Пейджа, а позже стал тур-менеджером Motörhead. У меня с собой было полграмма спидов, и мы направлялись к его тачке, когда два копа, стоявшие в дверях дома напротив клуба, пошли за нами.

– Давай-ка быстро, – говорю я и спешно разворачиваю пакетик. Только я успел его открыть, как коп протягивает руку мне через плечо и закрывает мою ладонь – и то, что в ней лежит!

– Что это у тебя, сынок? – спрашивает он.

– Это… просто бумажка.

– Так, посмотрим.

Я разжимаю кулак, и он берет бумажку. Его черную форму засыпает белый порошок – как будто ребенка напудрили тальком! А он переворачивает бумажку и говорит:

– На ней ничего не написано.

– Вот сука! – говорю я. – Она так и не записала мне свой номер!

– Ага, – кивает он. – Покажи-ка мне, что у тебя в карманах.

А он весь обсыпан порошком – и его напарник тоже ничего не заметил! Он обыскал нас обоих, но у нас ничего не было, и они

ушли. Как дети малые, право слово.

Но нас все время пытались замести. Копы околачивались у дома, буквально ждали тебя за порогом. В результате мы прекрасно научились ныкать свою контрабанду; Ник прятал ее прямо в саксофоне. А полицейские, работавшие под прикрытием, никогда толком не могли одеться как хиппи. Стоит такой чувак в пиджаке Неру и с большим зеленым медальоном и думает, что он в теме. А потом смотришь на его ноги, а он в пластиковых сандалиях. Иногда бывало очень стремно, но нас это никогда не останавливало.

Первым альбомом, который я сделал с Hawkwind, был их третий диск – Doremi Fasol Latido. И потом еще три других полных альбома: двойной концертник Space Ritual, Hall of the Mountain Grill и Warrior on the Edge of Time. Многие из лучших работ группы были сделаны как раз в то время, когда я играл с ними. В студии было неважно, кто продюсер, – записью все равно рулил Дейв. Но никто мне не помогал, когда я записывал The Watcher, потому что эту песню сочинил я, а не Дейв. Такой у него был характер. Где-то между Space Ritual и Hall… мы сделали двойной альбом Greasy Truckers Party – запись сборного концерта. Его устроили в Лондоне, в Roundhouse, 13 февраля 1972 года. Одна из сторон называется Power Cut («Отключение электричества»), и она совершенно пустая, потому что тем вечером шахтеры на три часа отключили электричество во всей Англии – так они боролись с правительством. Все сидели в темноте, курили траву, а потом электричество включили снова, и концерт продолжился[31].

Примерно тогда же группу покинул Дикмик. Его достала борьба за лидерство, которой в группе не было конца. Он ушел и стал жить с одной моей хорошей подругой, которая теперь живет с Саймоном Кингом – в Лондоне, кажется, все всех перетрахали, это прямо инцест какой-то. Но пока Дикмик жил с ней, он стал приторговывать марихуаной и делал это довольно долго, а потом его загребли. Он отсидел полгода или год, а потом стал прилипалой и ночевал у друзей, которые пускали его поспать на диване. Два года он кантовался у меня, пока я его наконец не выгнал. Очень жаль – Мик был человеком острого ума, но из тюрьмы он вышел совершенно раздавленным и так потом и не оправился. Думаю, тюремная жизнь просто подкосила его под корень. На свободу он вышел совсем другим – в тюрьме из хищника превращаются в жертву, и смотреть на это ужасно.

Лучше всего в Hawkwind было для меня то, что мы часто играли за границей, а я давно никуда не ездил. Первый такой концерт был в парижском зале Olympia. С нами играла немецкая

группа Amon Düül II. Уже в то время у них было индустриальное звучание, и они были очень знамениты на континенте. На этом концерте произошли беспорядки – на самом деле это просто детишки бузили, но полицейский спецназ CRS повел себя как гребаное гестапо. Еще я помню, что мы играли в Италии, – клуб назывался The Lem Club, будто в мою честь, и Дейв был ужасно недоволен!

В Америку я впервые попал в 1973 году, после выхода Space Ritual. Мне там сразу понравилось – полный восторг от начала и до конца! Для англичанина это было настоящее Эльдорадо. Надо понимать, каким унылым и ужасным местом была тогда Англия для молодого человека – хуже, чем даже сейчас! А потом ты попадаешь в Техас – в него вся Англия поместится три с половиной раза! По Техасу можно ехать два дня – и ты все еще в Техасе. И какой невероятно чистый воздух где-нибудь в Аризоне или в Колорадо. Впервые приехав в Боулдер, я выглянул в окно и увидел горную гряду. Казалось, она нависает прямо над отелем, но на самом деле она была в пятидесяти милях оттуда! Мы никогда ничего подобного не видели, и так было в Америке с каждой европейской группой.

Наш первый тур начался с концерта в Tower Theater в Филадельфии, а потом мы поехали на север, в Нью-Йорк, где сыграли в Планетарии Хейдена – как раз в то время мимо Земли пролетала комета Когоутека, а у всех нас на уме был один космос. Комета пролетела мимо, как и полагается, но невооруженным глазом ее было не видно – пшик и все. Но мы устроили в планетарии вечеринку, посмотрели передачу про Когоутека и все такое. Это была гигантская вечеринка, там я познакомился с Элисом Купером, Стиви Уандер тоже пришел. Посреди вестибюля лежал огромный кусок лунной породы, и телохранитель подвел Стиви к нему, положил его руку на камень – «Это лунная порода, Стиви» – и отвел его в сторону. Во время шоу я огляделся по сторонам и снова увидел Стиви Уандера, а его телохранитель в это время говорил: «Она сейчас пролетает перед нами, Стиви, слева направо». И у кого тут не все дома, у меня или у них?

Путешествуя по Америке, мы постоянно ели кислоту. В Кливленде перед концертом три разные компании хиппарей тайком подсунули нам «ангельскую пыль», а мы и не заметили. Вот сколько кислоты мы жрали!

Потом ты приезжаешь в Лос-Анджелес, и тебе кажется, что ты умер и попал в рай. Все дело в пальмах. Помню, как наш самолет делал круги, снижаясь над лос-анджелесским аэропортом, и я посмотрел вниз: у каждого дома синий бассейн, а пальмы просто огромные. Мы ехали по засаженному пальмами Голливудскому

бульвару, и я думал: «Вау, этот город – просто отпад». И действительно, в то время для молодых англичан это было волшебное место. Конечно, когда я поселился там много лет спустя, я уже знал, что это место не настолько чудесное, – по крайней мере, умом я это знал. Но то первое чувство восхищения никогда до конца не уходит.

Между прочим, именно в Лос-Анджелесе я написал свою последнюю песню для Hawkwind – Motorhead. Мы остановились в отеле Hyatt на бульваре Сансет, который Led Zeppelin прославили своими буйствами. Одновременно с нами там жили Electric Light Orchestra, и их гитарист Рой Вуд одолжил мне гитару Ovation. И в 7:30 утра я стоял на балконе «Хаятта» и самозабвенно орал песню во все горло. Шум и гам, который я производил, кажется, немного беспокоил копов. То и дело перед отелем останавливалась полицейская машина, из нее вылезал коп и смотрел на меня. Но потом они неизменно качали головой и уезжали. Может быть, они думали, что им просто почудилось. Кстати, в первой версии Motorhead, которую записали Hawkwind, есть соло на скрипке. Если вы думаете, что скрипка – инструмент для слюнтяев и девчонок, значит, вы никогда не слышали Саймона Хауса. Он играл как сумасшедший, и его соло в этой песне – просто мясо! Саймон много чего хорошего сделал. В конце концов он ушел в группу Дэвида Боуи.

Вместе с Hawkwind я съездил в четыре тура по Америке. Саймон Хаус присоединился как раз перед вторым туром – на скрипке и синтезаторе. Позже он заменил Дела Деттмара, но поначалу они были в составе одновременно. Прямо в середине тура Дел ушел из группы и уехал жить в Канаду. Собственными руками – буквально – построил там хижину. А ведь он был совсем не крупным пареньком. Он сделал это для своей беременной жены, которая в то время оставалась в Англии. Семь месяцев спустя, когда хижина была готова, она с ребенком приплыла к нему на корабле – а ребенок оказался наполовину пакистанцем. Неприятный сюрприз, да? Он был поражен до глубины души. Вряд ли он тут же посадил ее на обратный рейс, но что-то такое я слышал. Отстойная ситуация.

Дела Hawkwind испортились, когда власть в группе захватила империя барабанщиков. Это началось в июле 74-го – к нам присоединился Алан Пауэлл. Саймон Кинг что-то повредил себе, играя в американский футбол, и Алан заменил его в нашем туре по Норвегии. Когда Саймон через несколько недель вернулся, Алану так у нас понравилось, что он не хотел уходить, к тому же они были друзья. Так что теперь в группе играли они оба. По моему мнению, это и был конец Hawkwind – эти двое вместе

прикончили группу.

За свою жизнь я повидал множество пафосных барабанщиков, но эта парочка всех переплюнула. Установки Саймона и Алана располагались в середине сцены, их окружала гигантская дуга всякой перкуссии, которую мы никогда не использовали. Там была наковальня, колокола (оркестровые и обычные висячие) и еще куча херни, по которой можно было стучать. Потрясающее зрелище – оно внушало трепет, так, чтобы ты точно знал свое место! На меня это, конечно, не действовало. Я этим пидорасам не давал спуску. Я стоял рядом и подгонял их: «Быстрее, гады! Это слишком медленно! Давай-давай!» Это, вероятно, их бесило, зато группа хоть нормально играла. Но не только мои непростые отношения с империей барабанщиков злили всех вокруг. С точки зрения остальных я просто слишком рвался вперед. Что касается выступлений на сцене, я за свое время в Hawkwind избавился от какой бы то ни было стеснительности. Я постоянно торчал у края сцены и выпендривался, а так как я не был главным в группе, это считали наглостью. Еще я начал писать песни, что, наверное, тоже всех раздражало. Ну и, конечно, вещества. Понимаете, я остался единственным потребителем скорости в группе. Дикмик уже года два как ушел, и я составлял меньшинство из одного человека. Я был плохим парнем… Им я и остаюсь. В результате, когда меня замели при пересечении канадской границы за хранение кокаина, они воспользовались этой возможностью и уволили меня.

Дебильнее всего (но также и удачнее всего) то, что никакого кокаина у меня не было. Это случилось в мае 75-го. Мы только что отыграли в Детройте и рано утром отправились в Торонто. На концерте одна девица дала мне таблеток, и еще у меня было около грамма сульфата амфетамина. Судя по всему, из Детройта в Торонто можно попасть либо по мосту, либо через туннель. Штука вот в чем: чтобы к тебе не прикопались, надо ехать по мосту, но мы об этом как-то не подумали. Мы поехали через туннель, и нас разбудил пограничный контроль. Было раннее утро, я не соображал, поэтому запихнул свой незаконный груз в штаны. Плохая идея – они обыскали нас и нашли мою нычку. Они взяли амфетамина сульфат и сунули немножко в специальную пробирку – ее встряхивают, и если получается определенный цвет, то ты попал. Но спиды и кокаин дают одинаковый цвет. Ну и вот, цвет получился какой надо – в смысле, какой надо копам.

– Это кокаин, приятель, тебя посадят.

– Сомневаюсь, – сказал я. Но эти ублюдки задержали меня, а вся группа уехала в Торонто.

А я застрял с канадскими полицейскими. Они даже не

позаботились предъявить мне обвинение в хранении таблеток, но по моему делу состоялось слушание, и меня заключили под стражу. Как вы легко можете себе представить, мое положение было не особенно приятным. Мне раньше приходилось несколько раз ночевать в участке, но я никогда не попадал в настоящую, серьезную тюрьму. Я был в дезинфекционной комнате, ждал, когда меня польют спреем от вшей, и тут у меня за спиной раздается этот восхитительный голос: «За вас внесен залог». Как я выяснил позже, мои коллеги по группе вытащили меня из тюрьмы только потому, что чувак, который должен был меня заменить, не успевал приехать в Канаду вовремя. Иначе бы они меня так и оставили там гнить. Впрочем, гнить в тюрьме мне так и так не грозило: при мне был амфетамин, а не кокаин, поэтому иск отклонили – ложное обвинение. А предъявить мне новое обвинение за то же самое вещество они не имели права. Так что я был свободен и чист.

Товарищи по группе купили мне билет, и я прилетел в Торонто. Они как раз закончили настройку звука, когда я объявился. Мы сыграли, сорвали бурю аплодисментов, а в четыре утра мне объявили, что я уволен. Как видите, я просто принимал не те наркотики. Если бы меня поймали с кислотой, они бы все прыгали вокруг меня. Думаю, даже если бы я употреблял героин, это было бы для них лучше. Вся эта хипповская субкультура, если разобраться, проникнута двуличием. Они все время твердили: «Спиды это яд – да, мэн, это плохая наркота», и так далее (и заметьте – все мои знакомые, кто так говорил, либо уже умерли, либо в полной жопе из-за героина). Что тут скажешь – спиды, по крайней мере, помогают тебе функционировать. Зря, что ли, их столько лет прописывали домохозяйкам?

Меня вышвырнули из Hawkwind очень невовремя. Когда это произошло, они были на пороге настоящего успеха в Америке – они повели себя как гребаные придурки. Но они упустили свой шанс не из-за того, что уволили меня, а из-за того чувака, который пришел на мое место, – не говоря уже о том, что и уволили-то меня совершенно несправедливо. После меня басистом в Hawkwind стал Пол Рудольф. Вообще-то он был превосходным гитаристом, играл до того в группе Pink Fairies, но басистом он был очень, очень посредственным – прямо как я, только наоборот. И с ним группа полетела в тартарары – это был кромешный пиздец. Они попытались продолжать работать, поехали этим составом в Огайо, сыграли еще концерта четыре, а потом отменили оставшуюся часть тура. Дейв, благослови его Бог, даже хотел снова взять меня в группу, но барабанная империя наложила вето. В общем, два барабанщика и басист

захватили власть, и группа двинулась совершенно не туда. Они сделали еще пару – ну, не то чтобы совсем плохих – альбомов. По музыке там все отлично, но в целом совершенно бессмысленно. Это музыка без яиц. Когда я ушел из Hawkwind, я забрал *cojones* с собой.

Глава 6. Рожденный для скорости

Я отомстил Hawkwind за свое увольнение. Когда они вернулись в Англию, я успел вынести свое оборудование с их склада. Уже не помню, как мы туда проникли. Наверное, я упросил кого-то из офиса стащить для меня ключ. По правде говоря, я даже не помню, кто мне помогал: скорее всего, Лукас Фокс, который потом стал барабанщиком Motörhead на первые несколько месяцев. Мой единственный знакомый автовладелец. Только мы погрузили мой стафф, как появляется Алан Пауэлл. Удачное совпадение – я как раз только что повидался с его женой! Он кричал:

– Эй ты, говнюк! Решил выкрасть свои вещи!

Мы уже, хохоча, отъезжали, и я крикнул ему на прощание:

– Да, твоя жена тебе расскажет!

Но, по-видимому, он ее не спрашивал, потому что через неделю я снова с ней встретился, и она ни о чем таком не упоминала.

Были у меня и другие дела, поважнее. Не прошло и двух недель с моего возвращения в Лондон, как я собрал группу, которая вскоре станет называться Motörhead. Я хотел сделать что-то вроде MC5, которые были героями практически для всей андеграундной тусовки, и взять еще что-то от Литл Ричарда и Hawkwind. Примерно это у меня и получилось. По сути дела, мы были блюзовой группой. Правда, мы разогнали блюз до тысячи миль в час, но его все равно можно было узнать – нам самим это было очевидно; со стороны, конечно, это не так заметно.

Собрать группу мне было очень легко – легче некуда. Почти сразу я нашел гитариста Ларри Уоллиса и взял на барабаны Лукаса Фокса. Ларри я знал давно – он играл в UFO до того, как они сделали альбом[32], и заменил в Pink Fairies Пола Рудольфа, который потом заменил меня в Hawkwind. Настоящий инцест, да? Наконец, Pink Fairies и Hawkwind когда-то выступали вместе на одной сцене под общим названием Pinkwind (Hawkfairies как-то не звучит). С Лукасом меня познакомила девушка по имени Ирен Теодору, с которой я в то время жил. Я называл ее Байкерша Ирен, как в песне Moby Grape[33]. Мы стали жить вместе как раз перед моим последним туром с Hawkwind. Она не была моей девушкой, она была просто подругой, хотя мы успели и пошалить как следует. Очень приятная девушка и хороший фотограф. Она снимала нас в начале нашей карьеры. Лукас увивался вокруг нее – надеялся ее трахнуть. Конечно, этого так и не случилось. Он был немножко задрот, но надежный парень, и так как он все

время был где-то рядом – и играл на барабанах – и у него была машина, то показался мне подходящей кандидатурой. Я не хотел петь сам – я хотел, чтобы этим занимался кто-нибудь другой. Но в таком случае, хочешь не хочешь, пришлось бы иметь дело с вокалистом! Один хрен – мы так и не нашли кого-нибудь другого, и вокалистом стал я.

Сперва я собирался назвать группу Bastard – я и чувствовал себя ублюдком. Но эта идея не понравилась Дугу Смиту, который был тогда нашим менеджером (раньше он работал с Hawkwind – так мы и познакомились): «Очень маловероятно, что мы попадем на Top of the Pops с таким названием как Bastard». Я подумал, что он, скорее всего, прав, и решил назвать группу Motörhead. В этом названии есть смысл: последняя песня, которую я написал для Hawkwind, называлась Motorhead, а в Америке этим словом называли амфетаминщиков, так что картинка сложилась. И еще хорошо, что мы взяли название из одного слова. Названия из одного слова самые лучшие: легче запомнить.

Я закрасил психоделические узоры на своих усилителях матовой черной краской, и корабль Motörhead снялся с якоря. Пресса резвилась – о моем увольнении из Hawkwind сообщили все британские музыкальные газеты, и все хотели знать мои дальнейшие планы. Именно тогда я произнес знаменитую фразу, которую впервые процитировали в Sounds: «Это будет самая непотребная рок-н-ролльная группа в мире. Если мы поселимся в соседнем доме, у вас на лужайке трава завянет!» Вообще-то я украл эту фразу у Dr. Hook, но она немедленно стала первой популярной цитатой про Motörhead.

Свой первый концерт мы сыграли 20 июля 1975 года в Roundhouse. Все устроилось быстро – из Hawkwind я ушел только в мае. Мы играли на разогреве у Greenslade, помпезной стадионной группы Дейва Гринслейда, чьего-то бывшего клавишника[34]. В то время все группы выходили на сцену под специально подготовленные записи, и так как меня всю жизнь влекла тема Второй мировой войны, мы использовали немецкую запись: марширующие люди и крики «Sieg Heil!» Это был очень мощный и ужасно холодный звук – тяжелый топот ног по немецкому булыжнику: *бромп! бромп!* Эту же запись мы включили, когда уходили со сцены. На усилители я положил покрытый серебряной краской человеческий череп. Но, невзирая на эти театральные элементы, должен признать, что сыграли мы не очень хорошо (давайте уж без обиняков: хреново мы сыграли!). Но мы не падали духом и отправились в тур, и колесили по Англии почти весь август. В конце концов, только так и становишься лучше – просто играешь и играешь.

Впрочем, у нас сразу стали появляться фэны: на концерты приходили панки, старые фэны Hawkwind и толпы каких-то стремных типов. И некоторые из них становились настоящими поклонниками. Один юноша пришел на наш первый концерт в белых сапогах и патронташе, прямо как у меня – я только за две недели до того купил себе такие сапоги, так что этот парень быстро въехал в тему. С самого начала мы вызывали в людях какую-то, мать ее, рабскую преданность, это такая фишка Motörhead: фанаты и технический персонал ходят за нами хвостом. Наш звукорежиссер работает с нами с 1977 года. Раньше он рулил звук у Black Sabbath и получал кругленькую сумму. Мы пригласили его отработать с нами тур, который сулил ему в три раза меньше денег, но, несмотря на это, он прямо в самолете, в котором летела техническая команда Sabbath, занимался тем, что планировал звук и свет *для нас*. Кто-то сказал ему: «Ты должен заниматься делами Black Sabbath», а он ответил: «Да, но это же мои кореша!» И он бросил их тур, чтобы работать с нами. У нас всегда были такие люди. Видимо, от нашей компании безнадежных аутсайдеров они подхватывают какой-то вирус.

Мы точно были в роли аутсайдеров на нашем следующем лондонском концерте – в Hammersmith Odeon 19 октября 1975 года. Мы играли на разогреве у Blue Öyster Cult, и нельзя сказать, чтобы они отнеслись к нам доброжелательно! Собственно говоря, они нас натурально саботировали. Нам не дали времени на саундчек, а «Одеон» известен своим плохим звуком. Я заметил, что многие американские музыканты плохо обращаются с разогревающими группами, как будто хотят уничтожить конкурентов на корню – еще до того, как тем выпадет шанс с ними посоревноваться! Британские музыканты так не делают (как правило), и мы в Motörhead тоже так не делаем.

Тот концерт принес нам новую славу, а также собственную категорию в ежегодном опросе публики в Sounds. Нас признали «Лучшей худшей группой в мире»! Тем не менее, мы заключили контракт с United Artists – это был лейбл Hawkwind, и они решили и дальше работать со мной, по крайней мере, некоторое время. Это было удачно… во всяком случае, так нам казалось. И вот в конце года мы отправились записывать альбом на студию Rockfield, которая располагалась на ферме под Монмутом, в Южном Уэльсе. Продюсером мы взяли Дейва Эдмундса. Дейв – один из моих героев. Он получил известность в группе Rockpile и как сольный артист, но я знал еще его первую группу, Love Sculpture. Они сделали инструментальную версию «Танца с саблями» – быстрее этого вы ничего в жизни не слышали! И еще это одна из лучших в мире гитарных записей, потому что все

тогда были на таблетках, а Дейв и без них шустрый.

К сожалению, Дейв записал с нами только четыре трека: Lost Johnny, Motorhead (эти две песни я написал еще в Hawkwind), Leaving Here (классная песня Эдди Холланда – в свое время в Манчестере я слышал, как ее играли The Birds) и City Kids (песня Pink Fairies, которую написал Ларри). А потом Дейва подписал цеппелиновский лейбл Swan Song, и он уехал. Жаль: мне очень нравилось работать с ним, он был свой парень. Однажды ночью, когда мы слушали только что записанный трек, Дейв встал, извинился, вышел на улицу, поблевал, потом как ни в чем не бывало вернулся, уселся на свое место и продолжил работать. Иногда войдешь в аппаратную, а он спит носом в пульт, и из колонок на максимальной громкости идет белый шум. Еще он починил мне гитару. У меня одна струна постоянно вылетала из желобка на порожке – это такая херня сверху грифа, через которую идут струны. Он говорит: «Надо просто поставить сверху скобку. Пойдем». На ферме был сарай с инструментами – мы влезли туда через окно и взяли дрель. Потом он расхерачил какую-то старую гитару, снял с нее такую скобку, высверлил в моей гитаре дырки и поставил скобку. Она у меня так и стоит до сих пор. Отличный мужик Эдмундс – очень спонтанный, быстрый чувак. И он сделал несколько прекрасных пластинок. Он продюсировал первый за одиннадцать лет альбом The Everly Brothers, с Джеффом Линном[35], альбомы The Stray Cats и так далее. Когда Дейв уехал, нашим продюсером стал Фриц Фрайер. В 60-е он играл в группе The Four Pennies – у них было несколько хитов в Англии. Очень хорошая группа, но немного слащавая. В общем, мы доделывали свой альбом с Фрицем, что, по правде говоря, досадно. Ничего против него не имею, но он был не такой, как Эдмундс, что неудивительно, ведь он был такой, как Фрайер!

Примерно тогда же, когда ушел Эдмундс, у нас сменился барабанщик. Мы решили, что Лукасу лучше уйти, потому что он начал съезжать с катушек. Он пытался угнаться за мной по части спидов, а это дело безнадежное! Я вообще никому не могу рекомендовать свой стиль жизни – обычного человека он сведет в могилу. Я говорю совершенно серьезно, и вот откуда я это знаю: году в 80-м я решил заменить себе всю кровь – поговаривают, что такую процедуру устроил себе Кит Ричардс. Теоретически это отличная идея: ты моментально оказываешься совершенно чист, в тебе течет свежая кровь, и организму не приходится проходить через муки детоксикации. Мы с моим менеджером пошли к доктору, он взял у меня анализ крови и потом сообщил плохую новость:

– Вот что я вам скажу: чистая кровь вас убьет.

– Что?

– В вас не осталось обычной человеческой крови. Быть донором вам тоже нельзя. Об этом даже не думайте, обычный человек от вашей крови отдаст Богу душу. Вы ядовиты.

Другими словами, то, что нормально для меня, смертельно для других людей, а то, что нормально для других людей, смертельно для меня – что ж, меня это вполне устраивает. Полагаю, это значит, что я вошел в историю медицины. Надо завещать мой труп на благо научной фантастики! Мой и Стивена Райта[36].

В общем, Лукас пытался угнаться за мной, и поэтому постоянно был на взводе. Вены у него на голове наливались кровью, и он подолгу мог пялиться на кого-нибудь, не произнося ни слова. А мы переглядывались, и каждый думал: «Он перегибает палку и явно не в себе». Однажды на студии мы отслушивали запись, Лукас стоял, опершись на консоль. Ее верхняя крышка крепилась на петлях, чтобы удобнее было ее чистить, и кто-то плохо закрепил эти петли. А на ней стояла куча всего – недопитые стаканы, пепельницы и прочая херня. И когда Лукас оперся на нее, эта гребаная консоль раскрылась, и все попадало внутрь. Полетели искры – вся эта махина взорвалась! Он закричал, отшатнулся, сбил телефон со стены, а потом пулей вылетел в дверь. А Ларри открыл дверь и крикнул ему вслед:

– Эй, Лукас, не ходи мимо моих стеков – ты их спалишь!

В общем, было ясно, что дни Лукаса в группе сочтены. Я случайно встретил его в Париже пару лет назад. Он был одет как настоящий француз, платочек в кармашке. Я даже подумал: не стал ли он геем? Но он сказал, что живет там с девушкой. Лукас вообще-то хороший парень, он был мне хорошим другом, но ему не хватило здравомыслия.

А тем временем в нашей тусовке появился Фил Тейлор. Я познакомился с ним за полгода до того в гостях у гитариста по имени Пол. Пол – ходячая антиреклама героина. Однажды он спал (ширнулся и отрубился), а рука у него оказалась придавлена к железной решетке на кровати, и у него отказала кисть. Он перерезал себе все сухожилия в руке. Я спас Полу жизнь: он уже почти сдох, он был весь синий, и я колошматил его по груди, пока сердце не забилось снова. Он был не первым, кого я спас, и, уж конечно, не последним. Но вернемся к Филу.

У Фила была машина, и он мог подвозить меня на студию, которая находилась в двухстах милях от Лондона. И он как-то упомянул, что имеет привычку иногда стучать по барабанам, так что мы решили дать ему попробовать. Прямо в студии мы сыграли пару песен, и Ларри был просто в восторге:

– Какой мерзкий чувачок! – фыркнул он. – Он, мать его, просто идеально нам подходит!

В результате Фил перезаписал барабаны почти во всех песнях альбома. Единственная песня, которую он не стал переделывать, – Lost Johnny, она и так нормально звучала. Записывать барабаны поверх всех остальных инструментов – настоящий подвиг, потому что обычно барабаны это фундамент песни, а тут как-то через жопу получается. Но Фил великолепно справился с этим делом и потом много лет был ценным участником Motörhead. Единственное, в чем он оказался совершенно бесполезен, это пение. На этом альбоме (который получил название On Parole) три песни спел Ларри: On Parole и Fools он написал сам, а Vibrator он сочинил вместе со своим техником Дезом Брауном. (Дез также написал слова для Iron Horse/Born To Lose.) Ларри думал, что будет классно дать Филу тоже спеть одну песню, и мы попробовали его на City Kids. Но из этой затеи ничего не вышло: звучало это так, будто двух кошек пытаются скрепить вместе при помощи степлера. Я вышел во двор и, несмотря на дождь, рухнул на колени и долго хохотал – так это было смешно! Так что эту идею пришлось похерить.

В общем, мы доделали этот альбом – кстати, в него вошла еще одна песня, которую я написал, пока играл в Hawkwind, The Watcher. А потом эти уроды с United Artists начали юлить – они не хотели выпускать пластинку. Много месяцев подряд они нам врали и изобретали разнообразные отговорки, при этом наш контракт оставался в силе. Это, разумеется, мешало нам сделать запись для какого-нибудь другого лейбла. В конце концов они выпустили On Parole через четыре года, когда наш контракт давно уже не действовал. Официально они заявили, что на лейбл пришли работать новые люди, чье мнение о нашем альбоме отличалось от мнения старых сотрудников. Как ни странно, мнение United Artists об альбоме поменялось как раз тогда, когда мы начали добиваться успеха. Совпадение? Не думаю, мать вашу! Вот так началась история наших странных взаимоотношений с рекорд-лейблами. С первого же дня.

Пока United Artists трахали нам мозги, у нас началась еще и текучка менеджеров. Дуг Смит отдал нас на откуп какому-то бельгийцу, имени его я теперь не вспомню даже под дулом пистолета. Он был забавный мужик – пытался говорить на британском сленге в безнадежной попытке сойти за человека из правильной тусовки. В Англии можно сказать «кучка пезд», имея в виду парней. Женщину в Англии пиздой не назовут (а в Америке это иначе – я быстро заметил разницу!). А он мог зайти в комнату и сказать: «Где мои кучки пизды?» Вот такой

бельгийский английский. Но этот мужик был совершенно безнадежен и испарился, как только у него кончились деньги.

Потом некоторое время нашим менеджером был вечно потный псих по имени Фрэнк Кеннингтон. Он был другом нашего гитариста, которым к тому моменту стал Эдди Кларк (об Эдди я скоро расскажу). У отца Фрэнка была фабрика. Не знаю, что они изготавливали, – кажется, какие-то мелкие штучки, такую мелкую, очень нужную херню… А, точно – линзы, линзы и призмы, и все такое прочее для нужд промышленности. Фабрика перешла Фрэнку, так что денег у него было полно. Впрочем, мы это исправили – на нас он совершенно обанкротился! До самой своей смерти этот бедняга так и не получил от нас всех денег, которые мы ему задолжали (я, правда, выплатил ему мою долю в 1996 году – двадцать лет спустя! Но лучше поздно, чем никогда). Он потом переехал в Америку, где был известен под прозвищем Англичанин Фрэнк (неудивительно).

После того как мы подорвали финансовое положение Фрэнка, нашим менеджером довольно долго был Тони Секунда. Кажется, нас познакомила Крисси Хайнд, которую я знал уже несколько лет. Крисси раньше была журналисткой и писала для New Musical Express, а меня всегда поражал тот факт, что, хотя сисек у нее толком не было, она очень неплохо играла на гитаре! Она правда была хорошей гитаристкой. Во время нашей дружбы она жила в сквоте в Челси, и я иногда заходил к ней поджемовать – мы играли до утра. До The Pretenders она играла в группе под названием The Moors Murderers, «Убийцы с болот». Со вкусом у них было очень плохо. Они выступали в черных закрытых капюшонах с острым верхом – никакого вкуса, что и говорить. К счастью, они так и не записали ни одного хита, иначе мы бы рисковали никогда не увидеть лицо Крисси – она ходила бы в черном капюшоне до пенсии.

Но вернемся к Тони Секунде. Тони раньше занимался делами The Move и Steeleye Span, и у него был в Англии лейбл Wizard Records. Он был очень интересным человеком… с научной точки зрения. Больной на всю голову псих. Он съездил в Перу и привез оттуда индейца, который всюду за ним ходил. Кокаином он практически питался – вынюхивал эту дрянь ложками. И он все время боялся, что его подслушивают: натуральный параноик. Постоянно бормотал себе под нос: «Гребаные шпионы! Всюду шпионы, подслушивают меня. Гребаные ублюдки!» А индеец стоит у него за спиной, скрестив руки на груди. Все это было очень странно.

Но Секунда придумывал совершенно безумные рекламные акции. Однажды по его наущению The Move принесли на

фотосессию атомную бомбу – прямо посреди Пикадилли-Гарденс в Манчестере. В другой раз Секунда узнал, что ему придется отдать очень много денег налоговой службе. Он разменял двадцать тысяч фунтов на однофунтовые купюры и через люк в потолке Hammersmith Odeon высыпал их прямо в публику под конец выступления Steeleye Span. Он рассудил, что раз правительство все равно собирается отнять у него эти деньги, то можно подарить их людям, получив таким образом налоговый вычет. Еще одна его идея для The Move – порнографическая открытка с изображением британского премьер-министра Гарольда Уилсона, но эта затея вышла боком. Ему пришлось принести премьер-министру извинения и заплатить кучу денег – клевета, сами понимаете. Работая с Motörhead, он придумал нарисовать наш логотип на стене дома, стоящего у главной развязки на западном въезде в Лондон. На это ушел всего час – мы поставили леса, наняли десяток студентов-художников, и каждый из них сделал свой квадратик, – а чтобы убрать логотип, жильцам дома потребовалось три месяца. Так что целых три месяца у нас была первосортная реклама. И совершенно бесплатно!

Изначально я задумывал Motörhead как квартет, и мы попробовали еще несколько гитаристов. Одним из них был Ариэль Бендер, известный в то время как Лютер Гроувенор[37], – бывший гитарист Mott the Hoople и Spooky Tooth. Мы несколько раз порепетировали с ним, но из этого ничего не вышло. Он был приятный парень, просто не вписывался в нашу компанию. У него было другое чувство юмора, и я не мог себе представить, как буду месяцами разъезжать с ним в одном гастрольном автобусе. Так что мы играли втроем, пока не нашли Эдди Кларка… и в результате все равно остались втроем.

Фил и Эдди познакомились, когда делали ремонт в плавучем доме в Челси. Но к нам его привел не Фил, а Герти-Самолетик, работавшая администратором на репетиционной базе в Челси. Мы репетировали там бесплатно – если кто-нибудь заканчивал пораньше и оставалась пара свободных часов, мы живо заносили туда свой аппарат и пользовались этим лишним временем. Герти носила шляпу, украшенную пластмассовым самолетиком, отсюда и прозвище Герти-Самолетик. Она жила с Эдди, и именно она привела его на эту репетиционную базу. Мы решили попробовать его, и получилась дурацкая ситуация. Ларри запаздывал, поэтому мы с Эдди и Филом начали джемовать. Когда спустя несколько часов Ларри наконец объявился, у нас уже очень неплохо получалось. Ларри присоединился к нам, но играл так громко, что полчаса мы слышали только его. А потом он свалил и больше

не возвращался: взял и ушел из группы. А ведь он сам постоянно убеждал нас взять в группу второго гитариста – поди пойми.

Но Motörhead всегда хорошо работает как трио, как тогда, так и сейчас. Когда в группе две гитары, приходится, скажем так, соблюдать границы: если гитаристы играют недостаточно слаженно (и к басу это, конечно, тоже относится), получается просто каша. А вот с одним гитаристом можно делать все что хочешь. В паре с Эдди я играл много странной херни, и это всегда работало.

С самого начала я стремился каждому придумать прозвище. Прозвища это хорошо, люди это любят. Так Эдди стал «Быстрым Эдди» Кларком, что абсолютно логично. Он же был быстрым гитаристом. Фил несколько месяцев назывался «Опасным», но хотя это прозвище ему подходило – он, несомненно, представлял большую опасность для самого себя! – оно не прижилось. «Грязным Животным»[38] его окрестила Байкерша Ирен. Фил и Ирен тогда уже жили вместе, так что она знала, о чем говорит.

Эдди и Фил были лучшие друзья – одно время Фил даже жил в доме у Эдди. Они были как братья, что имело свои отрицательные стороны, потому что они и дрались как братья. Один посмотрит, другой скажет что-нибудь – и начинается. Они избивали друг друга страшно. Постоянно этим занимались. Однажды мы ехали на концерт в Брайтон, и всю дорогу Фил и Эдди колотили друг друга. Когда мы приехали, у Фила стоял синяк под глазом, а у Эдди плоховато работала рука. Но когда пришло время выходить, я сказал: «Стоп. На сцену». Они отряхнулись, сказали: «Хорошо», и мы сыграли концерт. Затем, когда мы спускались со сцены, Фил дал Эдди сзади по шее, тот полетел на землю, и все началось по новой. В драке они стоили друг друга.

Наши фэны всегда считали Эдди самым спокойным членом группы, но на самом деле он был жестче, чем Фил. Когда в ход идут кулаки, он тот еще сукин сын. Помню, однажды они с Филом пришли мне на выручку. Один парень налетел на меня сзади в кабаке на Портобелло-роуд, и Эдди с Филом вцепились в него и в двух его приятелей, вышвырнули их за дверь и пинками погнали по улице! Мне самому ни разу не удалось кого-то из них ударить. Я не мог до них добраться, потому что все сделали Фил и Эдди. Кстати, через неделю тот парень из паба сломал о мою голову бильярдный кий! Вот были времена, да?

Этот новый состав Motörhead существовал несколько месяцев, когда Тони Секунда устроил нам запись сингла для лейбла Stiff Records. Летом 1976 года мы записали White Line Fever (эту песню мы сочинили все втроем) и Leaving Here для этой фирмы. Каким-

то образом на United Artists об этом прознали, и они стали ставить нам палки в колеса, потому что официально наш контракт с ними еще действовал. К тому времени мы никак не общались с United Artists уже несколько месяцев – не знаю, почему им было не насрать. Но до 1977 года они не давали нам выпустить этот сингл, что портило нам все планы.

Остаток 76-го и начало 77-го мы провели, выступая то тут, то там: мы сыграли много отдельных концертов. Однажды в дискотечном клубе в Шрусбери – который назывался, Господи помилуй, Tiffany's! – мы с Эдди оба упали на сцене, просто растянулись навзничь в полный рост. Там был такой скользкий пол из пластика, подсвеченный снизу. Но наши роуди помогли встать только мне – Эдди обращался с ними как хозяин со слугами, так что они оставили его на полу. Он лежал на спине в полной уверенности, что сейчас его поднимут, и совершенно напрасно. По дороге на другой концерт Фила что-то рассердило, и он пнул наш фургон так, что сломал палец. Настроение в группе было хуже некуда, все наши усилия уходили в пустоту. Мы голодали, жили в сквотах, а успех не приходил. Я был готов продолжать, но Фил и Эдди хотели все бросить. Это была не их группа, и у них не было такой преданности этому проекту, как у меня. В конце концов в апреле, после многочисленных споров, мы решили сыграть прощальный концерт в лондонском Marquee и на этом поставить точку.

Я тогда подружился с Тедом Кэрроллом с лейбла Chiswick Records. Я попросил Теда привезти мобильную студию, чтобы записать наше последнее выступление и оставить нашим фэнам своего рода сувенир. Привезти студию в Marquee у Теда не получилось, зато после концерта он зашел в гримерку и сделал нам предложение.

– Если хотите сделать сингл, я дам вам два дня на студии Escape в Кенте.

Мы отправились на Escape с нашим продюсером Спиди Кином – он когда-то играл в группе Thunderclap Newman, у которой был хит Something in the Air – первое место в Англии. За два дня мы записали одиннадцать песен без вокала. Мы все считали, что нет смысла делать сингл: пусть от нас останется хотя бы один целый альбом. Так что мы пошли напролом и за 48 часов, не прерываясь на сон, сыграли столько материала, чтобы хватило на альбом. Спиди Кин и звукорежиссер Джон Бернс держались на спидах, потому что не могли позволить себе пойти спать: времени не хватало, а они хотели сделать альбом так же сильно, как мы сами. Для одной только песни Motörhead они сделали двадцать четыре микса! Потом они меня спросили, какой вариант мне нравится

больше всего – как будто их все упомнишь. Послушаешь три варианта, а после этого они уже все одинаковые. Я сказал: «Пошло все к черту! Вот этот берем!»

Тед приехал к концу второго дня, чтобы послушать две законченные песни, а мы ему показали одиннадцать незаконченных. Но когда он их слушал, стоя в углу комнаты, он отплясывал какое-то буги, и мы поняли, что он наш! Он дал нам еще несколько дней, чтобы записать вокал и добавить последние штрихи, и Motörhead стал нашим первым альбомом, который вышел в свет. К тому времени мы отвоевали у United Artists свою свободу и снова были в игре.

Всего мы записали для Chiswick Records тринадцать песен, и восемь из них попали на альбом. По большей части это был материал с On Parole, который мы записали заново: Motörhead, Vibrator, Lost Johnny, Iron Horse, Born To Lose и The Watcher. Еще мы записали две новые песни, White Line Fever и Keep Us On The Road, и песню Джонни Бернетта Train Kept A-Rollin' (вы, наверно, знаете ее в версии Aerosmith – для них это был хит)[39]. Остальные песни, которые на альбом не попали, – City Kids (би-сайд сингла Motörhead); песня ZZ Top Beer Drinkers and Hell Raisers; I'm Your Witchdoctor – классная песня Джона Мэйолла и Эрика Клэптона; On Parole и инструментальный джем под логичным названием Instro. Эти последние четыре песни были изданы как мини-альбом The Beer Drinkers EP в 1980 году, когда мы уже давно ушли с Chiswick Records и, по ничуть не удивительному совпадению, приближались к зениту своей славы. Опять же, это было самое время срубить бабла – по крайней мере, для лейбла. С тех пор я никогда не записывал больше песен, чем нужно! С другой стороны, я не держу зла на Теда Кэрролла – в конце концов, он спас мою группу!

Тогда же у нас начались разногласия с Секундой. Например, он хотел, чтобы мы постриглись! Конечно, мы не собирались этого делать. Дуг Смит снова появился на горизонте, когда поставил нас в тур по Англии с Hawkwind – он все еще был их менеджером. Это был июнь 1977 года. Нам, как всегда, сопутствовала удача: за день до начала тура Фил сломал руку в драке. Мы сидели у меня дома, расписывали свое сценическое оборудование, и приходит один парень, джанки, неприятный тип. Мы попросили его уйти, но он не уходил, так что Фил вытолкал его за дверь и дал ему по морде. К несчастью, из-за этого удара у него одна костяшка буквально вмялась в кисть. Мы в результате примотали барабанную палочку к его перебинтованной руке клейкой лентой, и весь тур он играл так. В остальном тур был хороший, и с Hawkwind мы ладили.

Пару месяцев спустя Фил снова получил травму, с более разрушительными последствиями. Мы как раз начали тур в поддержку нового альбома, который должен был со дня на день появиться в продаже, и на разогреве у нас играла группа The Count Bishops – очень хорошая. Мы назвали этот тур «За болевым порогом» – нам следовало быть осмотрительнее. Мы сыграли концертов пять, когда Фил поссорился из-за Байкерши Ирен с Бобсом, одним из наших техников. На этот раз он не отделался костяшкой, а сломал запястье, так что нам пришлось отменить весь тур. В тот же вечер Тони Секунда уволил Бобса, но на самом деле Бобс был не виноват. Жаль, что так вышло, Бобс хорошо работал с нами – он ходил по телефонным будкам с мешочком двухпенсовых монет и организовывал нам концерты. Но вообще это не важно – прежде чем мы смогли снова давать концерты, нам пришлось ждать, пока у Фила заживет рука, и мы не играли до ноября, когда выступили в Marquee.

Первые несколько месяцев 1978 года ничего толком не происходило. Иногда играли где-нибудь, однажды – в Колуин-Бей, недалеко от мест, где я рос, а больше ничего. Тони Секунда поссорился с Chiswick Records и отказался от их услуг. Кажется, тогда же мы расстались с Тони. Он катапультировался с нашего корабля и потом работал на лейбле Shelter Records в Сан-Франциско. В 1995 году он умер, мир его праху. Мы переживали унылое время. Всем на нас было насрать – казалось, что мы можем совершить преступление, и никто даже не посмотрит в нашу сторону. Это топтание на месте опять раздражало Эдди и Фила, и они сыграли несколько концертов со Спиди Кином и басистом по имени Билли Рат (который раньше играл с Johnny Thunders and the Heartbreakers и Игги Попом). Они назвали свою группу The Muggers. Думаю, Спиди хотел, чтобы это была постоянная группа, и у него это могло получиться, потому что мы были на грани развала. Но наконец Дуг Смит принял нас обратно к себе и устроил нам контракт с лейблом Bronze Records, с которым работали, например, Uriah Heep и Bonzo Dog Doo-Dah Band. В контракте речь шла только об одном сингле – они хотели посмотреть на продажи, прежде чем вкладывать в нас больше денег, – но это оказалось началом нашего долгожданного восхождения к успеху.

Контракт с Bronze был для нас как инъекция живительного средства, а еще именно на Bronze впоследствии вышли наши самые большие хиты. И они очень хорошо с нами обращались. Правда, тогда мы этого не ценили. Наоборот, мы находили кучу поводов жаловаться! Мы думали, что Bronze нам только мозги выносят, но по сравнению с лейблами, с которыми мне с тех пор

пришлось иметь дело, они относились к нам просто охренительно. Я часто вспоминаю те дни с чувством ностальгии. Глава лейбла Джерри Брон и его жена Лиллиан были от нас в восторге, и Говард Томпсон (он искал артистов для лейбла, и это благодаря ему с нами подписали контракт) был лучше всех. Они верили в нас и много сделали для нас.

Тем летом мы отправились в лондонскую студию Wessex Studios и записали сингл Louie Louie[40], а для оборотной стороны – нашу собственную песню Tear Ya Down. Идея сделать кавер на Louie Louie принадлежала Филу, он предложил это за несколько месяцев до того – еще когда нашим менеджером был Тони Секунда. Мы тогда перелопатили кучу старых песен, я хотел сделать что-нибудь из Чака Берри, например, Bye Bye Johnny, но Louie Louie – это была идея получше. Думаю, она у нас очень хорошо получилась – мне говорили, что это одна из немногих версий Louie Louie, где можно понять слова! На самом деле я знал только первые два куплета, а последний пришлось импровизировать. Мы спродюсировали эту запись вместе с парнем по имени Нил Ричмонд. Больше мы с ним не работали, но он хорошо сделал свое дело… если не считать этого странного звука типа клавиолина, который он туда добавил. Вот это показалось мне подозрительным. Мы его звали Нил Рыбья Морда. Не помню почему: на самом деле у него была не рыбья морда – ну разве что в некоторых ракурсах.

Так вот, этот сингл вышел 25 августа 1978 года (а для обложки нас сфотографировала, кстати, Байкерша Ирен). К концу сентября он поднялся до 68-го места, и этого было достаточно, чтобы Bronze Records дали нам добро на запись целого альбома. Пока наш сингл поднимался в чартах, мы начали тур по Англии, но перед этим я успел поработать с The Damned.

В Америке The Damned так и остались культовой группой, хоть и достаточно известной, но в Англии они были гораздо более знамениты. Именно они были настоящей панк-группой, а вовсе не Sex Pistols. Pistols были отличной рок-н-ролльной командой, но не более того. Я, кстати, одно время учил Сида Вишеза играть на басу – он подошел ко мне и сказал: «Эй, Лемми, научи меня играть на басу», и я ответил: «Ладно, Сид». Но после трех занятий я был вынужден сказать ему:

– Сид, ты не можешь играть на басу.

– Да, я знаю, – ответил он. Он ушел очень подавленный.

А через пару месяцев я встретил его в Speakeasy, и он говорит:

– Эй, Лемми, представляешь – я теперь в Sex Pistols!

– В смысле?

– Я теперь басист Pistols! Круто, правда?

– Сид, ты же не умеешь играть на басу.

– Да, да, знаю, но я, блядь, играю в Sex Pistols!

Стив Джонс научил его простейшему бум-бум-бум-бум. Собственно, большего от него и не требовалось. Все, что посложнее, на альбоме играет либо Стив, либо Глен Мэтлок. А Сиду ужасно хотелось быть в панк-группе. Он недели три играл в группе Flowers of Romance и три дня продержался в Siouxsie and the Banshees – просто он как-то сумел их уболтать. Но он был очень полезен для имиджа. Он был просто идеален – гребаный насос, да он перещеголял всех в Sex Pistols с точки зрения имиджа!

Играть Сид совершенно не умел, но он был вполне приятный чувак. Мы с ним очень мило общались. Но он все время лез в драку. Однажды в Marquee он сцепился с Брюсом Фокстоном, басистом The Jam, и Брюс влепил ему разбитым стаканом в рожу. Я как раз шел по Уордор-стрит, направляясь в Speakeasy, а в Marquee все еще горел свет, так что я туда заглянул – вдруг девицу какую-нибудь найду, – а там Брюс сидит и причитает: «Что я, блядь, наделал!» и все в таком духе. Я спрашиваю:

– Что случилось?

– Я только что заехал Сиду стаканом в морду. Наверное, сильно поранил.

– Да уж, наверное, сильно, а то бы он был тут и пытался бы с тобой драться.

Брюс волновался, что мог серьезно его поранить, так что я пошел в Speakeasy – там одно время перед сценой стояли кресла, как в кинотеатре, и Сид сидел там в самой середине в полном одиночестве. Я подошел к нему и говорю:

– Что случилось, Сид?

– Этот козел меня порезал, – говорит Сид, а на щеке у него треугольная рана, прямо насквозь. – Вот оклемаюсь и поглядим! – пригрозил он, но больше к Брюсу не лез.

Однажды они с какой-то девицей хотели пойти в туалет, чтобы заняться чем-то интересным, а вышибала, громила с Мальты, без шуток – очень жесткий мужик, сказал: «Туда нельзя!» Сид как налетит на него! Я никогда ничего подобного не видел: чувак рухнул на пол и, работая локтями, пополз вверх по лестнице спиной вперед в полном ужасе, потому что этот дрищ в кедах выбивал из него последнее дерьмо. Мужик не знал, что и думать: Сид его до смерти напугал! Вот вам немножко об эпохе панка.

Короче, Sex Pistols мне нравятся, хотя, как я уже сказал, они были, по-моему, просто рок-н-ролльной группой. А вот The Clash

мне никогда не нравились. Джо Страммер был лучше в своей предыдущей группе, The 101'ers. В общем, если говорить о панке, самыми настоящими были The Damned. Из них не получилось крепкого проекта, но зато – масса веселья. Дейв Вэньен не умел петь, ни один из гитаристов не умел играть, а барабанщик, Рэт Скэбис, был всем этим вполне, кажется, доволен. Но они были полные психи – им на полном серьезе не помешала бы помощь специалистов. Однажды мы и The Adverts играли у них на разогреве в Roundhouse. Когда пришло время их сета, на сцене появился Капитан Сенсибл – вот уж у кого точно не все дома – в таком наряде: розовая балетная пачка, чулки в сеточку, ботинки с шипами, огромные темные очки-бабочки и оранжевые волосы. Все эти панки в зале плевали в них, и к концу выступления парни скользили по зеленой слизи – она покрывала всю сцену. Они ей пропитались насквозь. А потом Капитан разделся догола… конечно, он почти на всех концертах так делал. А однажды, когда они играли в другом клубе в Лондоне, The Rainbow, он обоссал первый ряд. Из зала в него швыряли стулья, а он швырял их обратно – продолжая при этом ссать, и, спешу добавить, моча стекала у него по ноге. Типичное панк-шоу середины 70-х – и еще маленькая тележка.

В общем, в какой-то момент мы познакомились. С Рэтом мы встретились в зале Dingwalls. Я сидел в баре, когда сзади подходит этот мелкий оборванец и говорит:

– Эй, это ты, блядь, Лемми?

Ну, я и отвечаю:

– Ага, это я, блядь.

– Да? Ты, блядь, думаешь, ты рок-звезда? – вопрошает этот паршивец.

– Нет, – говорю я, – но *ты* так думаешь. Поэтому ты со мной и разговариваешь.

– Не поспоришь. Куплю тебе выпить.

Когда Брайан Джеймс ушел из The Damned, они некоторое время бездействовали. Когда они собрались снова, Капитан хотел играть на гитаре. Наверное, он и предложил позвать меня сыграть с ними на басу на концерте в лондонском Electric Ballroom. На том концерте они называли себя The Doomed, но вскоре вернули название The Damned. Мы репетировали часов пять. Я выучил одиннадцать их песен, а они выучили одну мою, которую в результате на концерте запороли. Не стоило даже и пытаться играть с ними мою песню. Но играть с этими парнями было здорово.

Настолько здорово, что в конце концов мы с Эдди и Филом даже пошли с ними в студию. Мы записали вместе две песни:

кавер на Ballroom Blitz The Sweet и моторхедовскую Over the Top. Запись шла самым дурацким образом. Начать с того, что Капитан смотрел крикет и совершенно не стремился выходить из комнаты с телевизором. Эдди и Фил, как обычно, дрались друг с другом. Дейв Вэньен сильно опоздал, и к его приходу мы уже нажрались в дупель. Он посмотрел на нас, развернулся на каблуке и вышел. В живых, так сказать, оставались только двое – я и басист The Damned Элджи Уорд, и мы пошли в студию и принялись валять дурака. Я сыграл соло на басу в Ballroom Blitz, а он записал вокал. Эта запись стала би-сайдом сингла The Damned I Just Can't Be Happy Today, но предварительный микс был гораздо лучше, чем тот, который в результате издали. Over the Top осталась без вокала – как-то руки не дошли его записать. Ах да, и еще мы разбили бачок в туалете. Кажется, Капитан дал по нему ногой. Но вернемся к Motörhead.

Весь сентябрь и октябрь мы гастролировали, а 24 октября впервые снялись для Top of the Pops. Top of the Pops это ужасная программа. Они приглашали группы, которые либо были в Топ-30, например, Slade или The Nolan Sisters (однажды я записывался с этими «невинными юными девицами» – потом расскажу), либо, по мнению редакторов, имели все шансы туда попасть. На талант не смотрели – просто брали то, что в чартах. Нам в то время было далеко до Топ-30 (Louie Louie не поднялась выше 68-го места), но наш приятель с Bronze Records, Роджер Болтон, раньше работал на Би-Би-Си и мог замолвить словечко. Благодаря Роджеру мы успели пять раз выступить в этой программе до того, как у нас появился первый хит! Собственно говоря, усилия Роджера немало помогли нам в том, чтобы подняться в чартах повыше, и за это я всегда готов угостить его выпивкой.

И вот мы спустились в лабиринт студий Би-Би-Си, чтобы запечатлеть наше шоу. Там настоящая крысиная нора – сотни студий и коридоров, и чтобы попасть куда надо, нужен провожатый. Безумие. Однажды все эти провожатые одновременно заболеют и не придут на работу, и это будет полная жопа. Предполагалось, что мы специально для программы запишем свою песню заново, но так никто никогда не делал. Просто немножко изменяли микс, делали голос погромче, что-нибудь такое. Потом приносили на студию свой аппарат, прислоняли к усилителям гитары, включали все. Потом приходил инспектор от Би-Би-Си – проверить, что вы сделали свою работу. Конечно, он знал, что происходит на самом деле, а мы знали, что он знает. Это была такая игра – негласная договоренность, как мы говорили. Ну, по крайней мере, на своих альбомах мы играли

сами, а не звали студийных музыкантов, как делали многие поп-звезды.

На съемках Top of the Pops нас приняли радушно, но только потому, что так было положено. Думаю, на самом деле мы им не очень-то понравились, тем более что я выиграл сто фунтов в автомате «однорукий бандит», который стоял у них в кафетерии. Бибисишники были очень недовольны, потому что они ждали, когда смогут сорвать большой куш!

Мы уже сделали несколько песен для следующего альбома и поиграли их на концертах, и теперь искали продюсера. В конце концов мы заполучили Джимми Миллера, который продюсировал Exile On Main Street и Goats Head Soup для The Rolling Stones. В общем, дела наши пошли в гору. Несколько лет борьбы за место под солнцем не прошли даром, и даже Фил и Эдди перестали жаловаться на отсутствие успеха (но это не значит, конечно, что они вообще перестали жаловаться!). Особенно кайфовый момент случился в ноябре, когда мы в качестве хедлайнеров сыграли в Hammersmith Odeon – там, где Blue Öyster Cult дали нам такую звучную оплеуху тремя годами раньше. Зал был забит под завязку – три тысячи фэнов, и все веселятся и поддерживают нас. В воздухе ощущалась эта особая энергия – наше восхождение по пищевой цепи рок-н-ролла началось.

Глава 7. Пиво и дебош

У нас было только две недели, чтобы записать Overkill – наш второй альбом, первый на Bronze Records. Впрочем, с учетом нашего непростого опыта записи для нас это была просто прорва времени, а кроме того, для нас всегда было естественно работать в студии быстро. Весь этот процесс оказался сплошным счастьем. Мы работали в студии Roundhouse по соседству с одноименным клубом, на севере Лондона. Джимми Миллер был превосходен, как и звукорежиссеры – Тревор Хэллеси и Эшли Хау. Для Джимми Миллера Overkill должен был стать своего рода возвращением в профессию, и так оно и вышло. Он крепко подсел на героин (это, вероятно, началось, когда он работал со Stones) и на пару лет выпал из жизни. Так как Overkill сразу попал в чарты – и в конце концов добрался до 24-го места, – Джимми начали предлагать много работы, но через несколько месяцев, когда мы работали с ним над альбомом Bomber, стало очевидно, что он, увы, снова сидит на героине. А вообще, если подумать, он, наверное, употреблял и во время работы над Overkill – он то и дело опаздывал на сессии и оправдывался самым нелепым образом. Вот, например, случай, который хорошо иллюстрирует его modus operandi.

Однажды он опаздывал на пять часов, мы все сидим в студии, ковыряемся в носу по тарифу тысяча баксов в час и бормочем себе под нос: «Вот ублюдок. Нейдет!» Наконец он появляется и, еще даже не войдя в дверь, начинает рассказывать – разумеется, чтобы мы не успели встрять с упреками типа «Ты, ублюдок! Где тебя носило?» и так далее:

– Чуваки! Чуваки! Вы не поверите, что случилось! Я вызвал такси, а оно не приехало, мне пришлось вызвать другое такси, а оно все в *снегу*, понимаете, о чем я? А потом в машине кончился бензин, и нам пришлось толкать ее до заправки! А потом что-то случилось с реле, и мне пришлось вызвать на заправку еще одно такси, и оно ехало ко мне целую вечность. И все равно оно потом заглохло по дороге, и я шел в снегу три часа! Видите, что у меня с одеждой?

Мы знали, что на самом деле он минуты три валялся в снегу перед дверью студии, чтобы намокнуть хорошенько, – я реально видел это в окно! Но у него хотя бы был хороший характер, и свою работу он сделал. И он не ленился быть оригинальным, мир его праху.

Как обычно, многие новые песни мы уже успели поиграть на концертах: Damage Case, No Class, I Won't Pay Your Price и Tear Ya

Down. Остальные мы сочинили прямо в студии. Capricorn (Козерог – мой знак зодиака) была написана за одну ночь. Соло Эдди в этой песне было записано, пока он настраивался. Он поигрывал на гитаре, а магнитофон работал, и Джимми добавил эхо-эффект. Закончив настраиваться, Эдди говорит: «Я готов», а Джимми отвечает: «Мы уже тебя записали». Так мы немножко сэкономили!

Metropolis тоже быстро получилась. Однажды вечером я посмотрел фильм «Метрополис» в кинотеатре Electric Cinema на Портобелло-роуд, и потом дома написал песню за пять минут. Правда, смысла в ней никакого нет. Это полная чушь:

Метрополис, столкновение миров
Нет никого, кто бы встал на твою сторону
Мне плевать.
Метрополис это что-то новое
Никто не задерживает на тебе взгляд
Мне плевать

Понимаете, о чем я?

Но у меня есть и более полновесные тексты. Например, я всегда хотел, чтобы Тина Тернер спела I'll Be Your Sister – мне нравится писать песни для женщин. Более того, мне приходилось сочинять песни *вместе* с женщинами. Меня почитают сексистом в некоторых кругах радикальных, фригидных феминисток (из тех, что вместо «женщина-режиссер» говорят «режиссерка»), но они понятия не имеют, о чем говорят. Если я встречаю хороших женщин-музыкантов, я им помогаю. За мной никогда не признают этой заслуги – что я помогал женщинам проявить себя в рок-н-ролле, – но я это делал. Например, Girlschool. В Штатах их никогда особо не знали, но в Англии некоторое время они были довольно популярны. В марте 1979 мы начали тур в поддержку Overkill – наш первый большой тур в роли хедлайнеров, – и они были разогревающей группой. На первых порах им очень помогло то, что они работали с нами, и они, в свою очередь, принесли нам пользу.

Первым Girlschool открыл парень из нашего офиса, Дейв «Гигглз» Гиллиган. Они были из южного Лондона – из Тутинга. Я послушал их сингл Take It All Away, который они выпустили на каком-то маленьком лейбле, и решил, что это охренительно. К тому же мне понравилось, что в этой группе играют девушки: я решил, что это будет отличная пощечина всем этим напыщенным ублюдкам-гитаристам, потому что Келли Джонсон, гитаристка Girlschool, была ничуть не хуже их. Когда она была в ударе, она не

уступала Джеффу Беку. Я сходил к ним на репетицию. Они отлично играли, и я сказал своим: «Они едут с нами в тур». Парни сперва напряглись, их явно плющило от этой идеи, но после первого же совместного концерта все заткнулись.

Girlschool не только отлично играли, они еще были боевитыми девицами и ничего не боялись. На одном из первых концертов тура, когда они вышли на сцену, какой-то чувак в зале крикнул: «Драть их надо!», а Келли подошла к микрофону и сказала: «Давай ты и отдерешь. Мы хоть поржем». По-моему, это было круто – люблю девушек, которые умеют за себя постоять. И они отыграли свой сет и надрали всем задницы.

На первой же неделе тура мы были в Эдинбурге и сидели небольшой компанией в лобби отеля Crest: я, Эдди, Келли и вокалистка Girlschool Ким Маколиф со своим бойфрендом Тимом (он потом стал бойфрендом их барабанщицы Дениз Дюфорт – видите? Все рокеры одинаковые, независимо от пола). Не помню, где был Фил и остальные девушки из Girlschool. И я подкатил к Келли Джонсон, причем я больше никогда в жизни не подкатывал к девицам так по-идиотски:

– Хочешь, пойдем в мой номер и посмотрим The Old Grey Whistle Test?

Гребаный насос, это полный отстой, да? «Пойдем ко мне в номер и посмотрим телевизор». Но она сказала: «Давай», так что сами посудите! И мы пошли. А потом мне рассказали, что вслед за этим Ким перегнулась через стол к Эдди и тоже говорит:

– Пойдем к тебе в номер и посмотрим The Old Grey Whistle Test.

Эдди был смущен, но она встала и повела его к лифту, а Тим сидит тут же! Тим вышел из отеля, сел в фургон и уехал домой в Лондон, бросил девиц в отеле. Пришлось им дальше ездить в нашем фургоне, что меня полностью устраивало. Они были прекрасные люди с отличным чувством юмора.

Некоторые из них могли дать прикурить – Келли иногда вела себя как какой-нибудь Кит Мун: напивалась до темноты в глазах, а потом могла полезть в ванну и там упасть, ну и так далее. Потом Келли ушла из группы, потому что влюбилась в Вики Блю из The Runaways и переехала в Штаты. Вики помогла ей получить грин-карту, так что, может быть, они поженились? Когда у меня случилась эта короткая история с Келли, она еще не осознала свою гомосексуальность или бисексуальность. Но я тогда же понял, что что-то не так, она как бы слишком старалась, и это не работало. Хотя потом, когда они с Вики расстались, она вышла за какого-то мужчину, так что, наверное, я ее просто не привлекал! Ну и ладно. Она отличная гитаристка и очень симпатичный

человек, а что именно она трахает, не имеет значения. Она мой старый друг – как и все девчонки из Girlschool. Я для них все что угодно сделаю.

Как обычно, я отвлекся, но, по правде говоря, тут мои мысли действительно начинают разбредаться, потому что следующие несколько лет я помню как-то смазанно. Так бывает, когда становишься успешным и играешь в рок-группе. Ты либо месяцами на гастролях, либо ты в студии, либо тебя водят в разные места – на телестудию, на радиостанцию и так далее, – и ты почти никогда толком не знаешь, где находишься. Все смешивается и выглядит одинаково.

Впрочем, некоторые события все же хорошо мне запомнились, например, финский фестиваль Punkahaarju, на котором мы играли в июне 1979 года. И дело не в том, что мы отлично сыграли. По правде говоря, сыграли мы просто отвратительно. Это все происходило на берегу озера, лес, сосны и березки – какой-то гребаный «Пер Гюнт», да? Публика была какая-то мрачная, мы плохо играли, звук был полный отстой, в общем, сплошное разочарование – слов нет. Уходя со сцены, мы думали: «О-о-о-о, какой ужасный концерт», и я сказал: «Давайте выбежим снова на сцену и разгромим аппарат». Я встал за своими стеками, бросился на них, и они обрушились: БА-БАХ! Эдди пытался так же обрушить свои стеки – боже, он этого совсем не умел. Эд никогда не мог нормально свалить стек. Потом Фил, наш ловкач, пронесся сквозь свою установку, но, по-моему, он сам себе причинил не меньше вреда, чем барабанам. Наш техник, Грэм, так возбудился, что столкнул портал прямо в толпу. И это еще не все.

Нам в качестве гримерки дали какой-то жуткий дом на колесах. В нем не было кондиционера, а лето там жаркое, всюду летают такие мелкие комары – летом Финляндия совсем не похожа на то обледенелое место, которым становится зимой. А еще в этом доме на колесах не было бухла – кошмар! В общем, мы жарились в этом тарантасе, а Крис Нидз, журналист из Zig Zag, почему-то расхаживал с деревцем в руке. Маленькое такое деревце, но, пытаясь с нами пообщаться, он пробил им окно. Наверное, он и думать забыл, что оно у него в руке. Стало понятно, что этот самый дом на колесах мы уже испоганили и хорошо бы этот факт замаскировать – спустить его на воду и поджечь, в общем, устроить ему похороны, как у викингов. Он отправился в последний путь совершенно замечательно: отплыл от берега, изрыгая пламя и клубы дыма – совсем как у короля Артура – и пошел ко дну. Захватывающее зрелище. Это еще не всё.

Вернувшись в отель, Фил и Эдди вытащили из своего номера

всю мебель и расставили ее в саду. Все стояло на своих местах, прямо как в отеле, только снаружи – как я сказал, лето в Финляндии жаркое. В автобусе по дороге в аэропорт мы устроили побоище едой. Мы были вынуждены это сделать, потому что водитель сказал нам со своим решительным финским акцентом: «Что-нибудь случалось с моим автобусом, делает грязно, тогда приходит проблема!» И тотчас по всему автобусу полетели пакеты с едой. Выглядело это все как полный разгром – повсюду фрукты, яйца, – хотя автобус на самом деле не пострадал. Затем, когда мы приехали в аэропорт и прошли на таможенный контроль, действительно началась проблема.

– Кажется, вы сделали что-то очень ужасное на Punkahaarju, – сказал мне таможенник.

– Это не я, офицер!

– Пройдите сюда, пожалуйста.

Меня посадили в какую-то комнатку и забрали паспорт. И все остальные по одному собрались там же. Нас всех, и группу, и технический персонал, посадили в тюрьму, кроме Риша – техника, который также рулил звук в зале. Он поселился в отеле под именем Риш, а по паспорту его звали иначе, и его спокойно пропустили, он сел в самолет и улетел домой, и не мог взять в толк, почему все места вокруг него не заняты. А мы три-четыре дня проторчали в финской тюрьме. Нам даже читать было нечего – на всех имелся один номер Melody Maker, и я прочитал его буквально от корки до корки. Я читал даты, номера страниц, рекламу, каждое гребаное слово. И еда была дерьмо.

В конце концов нас депортировали. Нас посадили на самолет до Копенгагена, а там нас ждала пересадка до Лондона. Первый полет прошел нормально, правда, Эдди тут же вылил свою водку с апельсиновым соком за шею женщине, сидевшей спереди: мы праздновали свое освобождение. Потом мы сели во второй самолет, и перед отправлением к нам подбежал командир экипажа:

– Я слышал о вас, вас депортировали из Финляндии, – прорычал он. – Если вы что-нибудь устроите в этом самолете, в Лондоне вас арестуют.

Так что всю дорогу до Лондона мы сидели тихо, но, когда приземлились, у самолета ждали копы. «Блядь!» – подумали мы. А они взяли и арестовали командира! Оказалось, что он вел самолет пьяным, – что тут скажешь.

Через пару недель после нашей экскурсии в Финляндию мы вернулись в студию и начали работать над новым альбомом, Bomber, с Джимми Миллером. К тому моменту он совсем съехал с катушек, и это было уже слишком. Он говорил, что быстро сходит

в туалет, сидел там час, а потом клевал носом. Однажды он пошел в туалет и не вернулся – мы пошли посмотреть, а он просто исчез! Видимо, он встречался со своим дилером, мы нашли его в машине – он сидел за рулем и спал. Даже когда он был на месте, он фактически отсутствовал. Когда был готов предварительный микс альбома, мы скинули его на четвертьдюймовую пленку, чтобы послушать результат. Пока мы все это устраивали, Джимми дремал в кресле, а когда зазвучала музыка, он вздрогнул, проснулся, увидел нас и принялся двигать фейдеры туда-сюда – как будто занят делом! А пленка даже не шла через пульт: одно это выглядело подозрительно. Бедняга – он умер несколько лет назад. Очень жаль. Хороший был мужик на самом деле.

Забавно (а может, как раз логично), что на Bomber записана одна из моих первых антигероиновых песен, Dead Men Tell No Tales (на концертах она также известна под названием Dead Men Smell Toe Nails[41]). Правда, она не про Джимми, а про другого человека. Еще Bomber – единственный альбом, на котором одну песню, Step Down, поет Эдди. Он ворчал, что вся слава достается мне, но сам ничего с этим не делал. Меня достало его нытье, и я сказал:

– Так, на этом альбоме одну песню поешь ты.

– Нет-нет, – запротестовал он, – я не умею петь, старик. У меня ни хера нет голоса…

– Ты прекрасный певец, старик, давай – вставай к этому гребаному микрофону.

И он это сделал, ворча и матерясь. Заставить его петь эту песню на концертах было не легче, чем драть зубы. Он это терпеть не мог, но вообще-то наш Эдди хороший певец. Не понимаю, почему он пел так редко. Потом, когда у нас играл Вюрзель, он тоже отказывался петь, а ведь у него тоже неплохо получалось. Причем во всех других своих группах он пел. Ну и хер с ними – я давно уже пришел к заключению: если ты гитарист, с тобой что-то не так. Они все время ноют про то, как занимаются настоящим искусством и *никогда* не получают заслуженного признания, а себя они считают главной движущей силой в группе – а если речь идет о моей группе, то это уже опасно.

В целом Bomber – хороший альбом, хотя там есть пара дурацких песен, например, Talking Head. Bomber, Stone Dead Forever, All The Aces – это все хорошие песни. Lawman мы неожиданно сделали в довольно медленном темпе – получилось весьма симпатично. Bomber это переход от Overkill к нашему следующему альбому, Ace of Spades, и в этом, собственно говоря, его смысл. И еще он поднялся до 11-й строчки в чартах, так что в

плане успеха мы сделали еще один шажок вверх.

Пока мы записывали Bomber, мы ненадолго оторвались от процесса, чтобы выступить на фестивале в Рединге. Мы играли в один вечер с The Police и Eurythmics[42]. Чем хорош был тогда Редингский фестиваль – там играло очень много совершенно разных групп. Рок-н-ролл тогда еще не стал мутью, разделенной на тысячу категорий, как сейчас. Мы в тот год продавали на концертах флаги Motörhead, и в тот вечер они в изобилии развевались над головами у публики, к вящему неудовольствию некоторых особенно претенциозных критиков.

После Рединга мы закончили сводить Bomber, и Bronze Records устроили нам вечеринку в честь выпуска альбома в лондонском клубе Bandwagon Heavy Metal Soundhouse. Это было ужасно – я всегда ненавидел эти штучки. Твоя роль заключается в том, чтобы целый вечер всем угождать, что невозможно и к тому же здорово неприятно. Фальшивое дерьмо – вот что это такое. Нас гораздо больше радовала перспектива снова поехать в тур: несколько дат в Германии, куда мы ехали впервые, а потом снова концерты по всей Англии. А еще у нас на сцене появилась новая игрушка – наша знаменитая конструкция для прожекторов в форме бомбардировщика.

Это была копия немецкого бомбардировщика времен Второй мировой войны, сделанная из здоровенных алюминиевых труб, размером сорок на сорок футов. Он мог летать в четырех направлениях: сверху вниз и слева направо – кстати, это была первая такая конструкция в истории. Он был охеренно тяжелый, и если бы он однажды упал, то раздавил бы нас в лепешку. Но это был шикарный декоративный элемент, и мы использовали его в нескольких турах. Правда, нам так и не удалось привезти его в Штаты: он был слишком массивным для залов, в которых мы там играли. Так что Америка, увы, так и не узнала, что такое полноценная атака Motörhead.

Мы тогда уже зарабатывали много денег – правда, для других, а не для себя. Когда Bomber занял 11-е место, стало ясно, что дальше мы будем еще популярнее. Но никто в группе не увидел дивидендов. Все, что мы зарабатывали, немедленно вкладывалось в наше сценическое шоу. Но мы были в порядке. Примерно когда вышел Overkill, мы стали получать зарплату и наконец-то нашли себе приличное жилье. До того мы кантовались по чужим диванам. Квартира Эдди была еще более-менее пристойная, он снимал ее вместе с пятью другими людьми. Фил снимал жилье в Баттерси с парой чуваков. А я всю жизнь заваливался переночевать к знакомым и шатался по Лондону с офицерской сумкой-планшетом времен Второй мировой войны, в

которой у меня был магнитофон, штук пять кассет и пара носков. Карты у меня там не было. А вообще-то она бы мне пригодилась в моих скитаниях по Лондону. На самом деле мне даже нравилось так кочевать – поживешь с девицей неделю, потом исчезаешь. Это было совсем неплохо. Но все изменилось, когда наши пластинки стали продаваться: наши бытовые условия сильно улучшились, пусть мы и не накупили себе замков.

Конечно, иметь свой дом не так уж и важно, если ты большую часть времени все равно на гастролях. Мы сыграли, наверное, пятьдесят три концерта (и два дня на отдых) и только потом сделали перерыв. На концертах в Англии нашей разогревающей группой были Saxon. Приятные парни, но немножко странные – они не пили и не курили. В гримерке у них стоял термос с чаем. Мы сочли это немного необычным. Между прочим, их барабанщик, Пит Гилл, несколько лет спустя присоединился к Motörhead. Правда, к тому времени он начал много пить. А с нами он стал пить еще больше! Еще тур с Saxon примечателен тем, что именно тогда я познакомился с иглоукалыванием. Мы с Биффом, вокалистом Saxon, одновременно потеряли голос (как видите, его здоровый образ жизни и мой образ жизни привели нас к одинаковому результату). Фил знал девушку, которая увлекалась электропунктурой, и она воткнула в меня иголки по всему телу и подсоединила их к 12-вольтному аккумулятору от трактора. Голос вернулся ко мне через двадцать минут. Бифф не стал пробовать и потом мучился.

Пока мы разъезжали, Bronze Records выпустили мини-альбом из четырех песен (Leaving Here, Stone Dead Forever, Dead Men Tell No Tales и Too Late Too Late), записанных на этих концертах. В шутку я предложил назвать эту пластинку The Golden Years – потом оказалось, что это и правда был наш золотой век (наверное, я в каком-то смысле это знал уже тогда). Записи были низкого качества, но пластинка попала в чарты.

В июле мы сыграли в Bingley Hall в Стаффорде и получили серебряные диски за Bomber – его тираж превысил 250 000 экземпляров. Вручала их нам женщина, изображавшая королеву Елизавету. Мы втроем преклонили колено, как будто нас посвящают в рыцари. А эта женщина до сих пор зарабатывает на жизнь, изображая королеву, правда, теперь она выглядит неважно. Впрочем, настоящая королева сейчас тоже выглядит не очень. А вообще это *я* чувствовал себя неважно на том шоу – когда мы отыграли, я отрубился за кулисами, и меня пришлось оживлять, чтобы мы вышли на бис. Не помню, почему так получилось: кажется, я перед этим три дня не ложился спать. И вот я отрубился, а Фил и Эдди, эти несчастные ублюдки, решили,

что я притворяюсь и отлыниваю! Я сижу, на голове у меня мокрые полотенца, а эти два козла стоят и нудят: «Мать твою, чувак, ты, блядь, три дня не спал! Как ты смеешь! Вот пидор!» Они боялись, что эта история плохо скажется на их карьере, бла-бла-бла. Господи Боже! Чья бы корова мычала! Каждый раз, когда Эдди напивался и становился неприятен, он все время ругал меня за то, что я бухаю, – он это журналистам говорил! Он такой: «Лемми слишком много пьет», а сам приходил на интервью в говно! Но об этом не писали.

После того концерта я сказал журналистам, что потерял сознание, потому что мне в тот день три раза отсосали. Собственно говоря, что отсосали – правда. Там была куча девушек, и в том числе одна очень хорошенькая индийская девушка, два раза из этих трех сделала она. Там была такая комнатка с раскиданными подушками и шалями, которые свисали, как занавески. Гребаная мальтийская фантазия. Я заперся с ней в этой комнатке и не хотел оттуда выходить – вы бы, уверен, поступили так же. Понимаете? Интересно, где *она* теперь.

Вскоре после концерта в стаффордском «Бингли-холле» мы начали репетировать материал для следующего альбома. Работа над Ace of Spades заняла довольно много времени – в смысле, сама запись. А вообще он дался нам легче, чем предыдущие альбомы, потому что мы были в ударе, и нас было просто не остановить. Ну то есть нас и сейчас не остановить, но тогда это происходило в национальном масштабе, потому что наша популярность росла как на дрожжах – Bomber был успешнее, чем Overkill, а Ace of Spades обещал оказаться еще успешнее. Дела наши шли в гору, и мы знали, что новый альбом будет хитом. У нас было хорошее чувство. Я тогда не понимал, что судьба уже стучится в дверь. На самом деле это был конец определенного этапа, а не начало чего-то нового. Ace of Spades оказался наивысшим достижением того состава Motörhead. Я начал осознавать это, только когда мы принялись за запись Iron Fist – из огня да в медвежий капкан!

В студии Jackson's в Рикмансворте мы провели шесть недель, с начала августа по середину сентября 1980-го. Продюсером был Вик Мейл. Я знал его еще со времен Hawkwind, когда он работал на лейбле Pye Records. Он был хозяином мобильной студии – Hawkwind арендовали ее, когда делали Space Ritual, а к студии прилагался Вик. Он был прекрасным человеком и прекрасным продюсером – замечательная личность. У него был диабет, от которого он в результате умер. Вот всегда так – приятные люди все время умирают. Вот почему я еще жив.

Песни на Ace of Spades считаются классикой среди фэнов Motörhead, и должен признать – материал и правда отличный. Мы с удовольствием его записывали. Хорошие были времена: мы были на волне, мы были моложе, мы верили во все это. Чем ты старше, тем труднее тебе во что-нибудь поверить. И это не твоя вина. Просто до тебя доходит, что жизнь это не сплошь воздушная кукуруза, кегли и пиво. Мы живем в джунглях. Но в молодости мне было плевать. Понимаете – я не умирал с голоду и отлично проводил время. Это уж точно лучше, чем работать сантехником, даже с большой зарплатой!

Как всегда, в песнях этого альбома там и сям разбросаны смешные моменты. В Ace of Spades мы вставили чечетку, ну знаете – тик-а-тик-а-тик. Мы всегда себе представляли, как танцуем чечетку в этот момент. В тексте я использовал образы азартных игр, в основном карт и костей, – сам я предпочитаю автоматы, но нельзя толком петь про крутящиеся барабаны, фрукты и ягодки. Большая часть песни – про покер: «Я знаю, тебе надо видеть, как я смотрю на карты и плачу», «Снова “рука мертвеца” – тузы и восьмерки» – тузы и восьмерки были у Дикого Билла Хикока, когда его застрелили[43]. Честно говоря, хотя Ace of Spades хорошая песня, мне она до смерти надоела. Уже двадцать лет прошло, а при слове Motörhead люди все еще вспоминают Ace of Spades. Знаете, мы после того альбома не превратились в окаменелость. У нас с тех пор вышло еще немало хороших пластинок. Но фэны хотят слышать эту песню, так что мы до сих пор играем ее на каждом концерте. Лично я от нее уже устал.

Мое главное воспоминание о песне (We Are) The Road Crew – это как Эдди, не доиграв до конца свое соло, падает навзничь, совершенно беспомощный от хохота, а в студии пронзительно гудит фидбэк от его гитары. Мы это так и оставили – очень уж смешно получилось. Это был первый случай, когда я написал текст песни за десять минут. Прямо в студии. Помню, что я пошел куда-то поработать над ним, а Вику надо было съесть что-то – из-за его диабета. Он все еще намазывал масло на свой первый крекер, как я уже вернулся и говорю:

– Написал.

– Иди к черту, – говорит он, – я еще даже не поел.

Он охренел, когда понял, что я действительно закончил текст. Я и сам удивился. Десять минут настоящей работы это сила. Я с тех пор еще несколько раз так стремительно разделывался с текстами.

Один чувак из нашей дорожной команды *расплакался*, когда мы впервые поставили им эту песню[44]. Не буду говорить, кто

именно. Как-то мы привели их всех в студию и показали им этот трек. И этот парень не сдержал чувств и разрыдался прямо на месте. Он стонал сквозь слезы: «О-о, какая крутая песня. Так круто». Было очень приятно, что эта песня на кого-то так сильно подействовала. Музыканты редко хорошо обращаются со своей дорожной командой. А мне это важно.

Феминистки проклинают меня за некоторые песни, но почему-то они ничего не сказали про Jailbait. Они обошли ее молчанием, а ведь это совершенно недвусмысленная песня про несовершеннолетнюю девицу – сыр в мышеловке! Но в основном тексты, которые я писал для Ace of Spades, основаны на личном опыте. Например, The Chase Is Better Than the Catch – ведь радость от добычи и правда никогда не сравнится с радостью от охоты, да? Начинаешь жить с девушкой, и все пропало. Она бросает свои трусы в ванной, и вообще ты немедленно узнаешь обо всех ее ужасных привычках, о которых раньше и не подозревал. Гиблое дело. Самая разрушительная вещь для отношений – иметь эти самые отношения.

Фотосессию для конверта пластинки мы устроили в один свежий, прохладный осенний день. Все думают, что мы снимались в пустыне, но на самом деле это было в Саут-Миммз, немного севернее Лондона. Сделать стилизацию под Дикий Запад придумал Эдди – он больше всего на свете хотел быть Клинтом Иствудом. Обратите внимание: я тогда был единственным из нас троих, кто хоть раз бывал в Америке. Но в образе метких стрелков все мы выглядели очень неплохо. Одна маленькая проблема с гардеробом: заклепки в форме символов пиковой масти на моих штанах стояли слишком далеко друг от друга. Я снял заклепки с одной штанины и поставил их на пустые места на другой, так что меня можно было фотографировать только сбоку. В остальном все прошло без сучка без задоринки.

Когда альбом был закончен, нам снова пришлось появляться в телешоу и давать интервью – все эти события сливаются в одно. Но были и отдельные яркие моменты. Один такой момент был в ноябре, когда мы пошли на программу TisWas на канале ITV. Это была субботняя утренняя программа для детей, и каждую неделю там появлялась новая рок-группа. Ведущий, Крис Тэррент, был странный парень, но он знал, что хотят смотреть дети: дети хотят смотреть, как взрослые доводят себя до непотребного состояния; они это просто обожают. В студии всюду стояли ведра с водой. И вода была не теплая, а ледяная, и они ею поливали направо и налево. И еще там был Призрачный Пулятель Пирогом: пока шла передача, он подходил к кому-нибудь и залеплял ему в рожу тортом с фруктами. Было очень весело, как в дурацкой комедии.

Мы пару раз появились в этой программе.

Однажды мы пришли на TisWas вместе с Girlschool и играли в музыкальные пироги[45]. В решающий момент пирог оказался у меня в руке, и я должен был шмякнуть им в лицо Дениз, барабанщице Girlschool. Бедняжка съежилась, но уж таковы правила: извини, детка, но ничего не попишешь. Всем доставалось как следует. В этом ноябрьском выпуске Эдди Кларка раз шесть окатили водой из ведра. Смешно – усраться можно. Еще у них была клетка. Зрители присылали письма за несколько месяцев, чтобы их позвали на передачу и посадили в эту клетку, а пока человек сидел там, его забрасывали и поливали всем, чем только можно. У них была такая большая лоханка, до краев наполненная какой-то зеленой тягучей жижей – жирная, мерзкая гуща, – и в конце передачи ей обливали сидящего в клетке. Фил вызвался сесть в клетку, но в результате там оказался наш менеджер, Дуг Смит, – а потом его оттуда не выпускали. Ха-ха! Мы немножко отомстили за все этому сукину сыну. Отличная программа.

Наш тур той осенью – «Туз в рукаве» – был колоссальным. Мы пронеслись по всей Англии с нашим бомбардировщиком, на заднике была рожа с обложки Overkill со сверкающими глазами, а на нескольких первых концертах была еще и система прожекторов, изображавшая гигантский туз пик. Но эта штука продержалась недолго – она отличалась некоторой хрупкостью и встретила раннюю смерть. Пока мы были в туре, наш старый лейбл, Chiswick, выпустил мини-альбом Beer Drinkers с песнями, не вошедшими в Motörhead. Эта пластинка попала в чарты и заняла 43-е место, и хотя мы не получили от этого денег, это все равно было хорошо. Все хорошо, что тебя рекламирует.

Мы закончили тур «Туз в рукаве» четырьмя вечерами в Hammersmith Odeon, а после финального концерта нам устроили рождественскую вечеринку в отеле Clarendon. Там были стриптизерши, которые глотали огонь, – в общем, хорошие, добротные английские развлечения. Не знаю, кто их привел, это опять был какой-то рекламный трюк. Если бы это была чья-то чужая вечеринка, я бы отлично провел там время, но, как я уже говорил, я терпеть не могу такие штуки, если от меня требуется активное участие. Это ужасно – ты только что сошел со сцены, ты выжат как лимон. Последнее, чего ты хочешь, это подняться в комнатку на втором этаже какого-нибудь кабака и *общаться*! Кому это нужно?

После концерта я предпочитаю, если возможно, сразу же потрахаться (как вы и сами могли догадаться). Я люблю оказаться один на один с девушкой и куда-нибудь с ней пойти. Все равно

куда. В клуб, в гастрольный автобус – куда угодно. Однажды сразу после концерта в Hammersmith Odeon я смылся с одной девицей через боковую дверь. Ее звали Дебби, она раньше была моделью с третьей страницы Sun. Одно время мы часто встречались. (К сожалению, ее с нами больше нет – покойся с миром, Дебби.) Я спустился со сцены и отдал гитару своему роуди. Дебби уже ждала меня там, и мы тут же выскользнули на улицу и влились в толпу людей, шедших с моего собственного концерта. Все эти люди идут, а среди них иду я. Кто-то меня заметил:

– Это Лемми.

– Нет, это не он! Быть того не может. Не выдумывай. Это не может быть он.

Они не могли поверить, что я вышел на улицу так быстро, и никто не просил у меня автограф, ничего такого. Было очень смешно. Я их одурачил, и вида не подал!

В конце декабря мы рванули в Ирландию. Там Фил и сломал шею. Это было в Белфасте, мы сыграли концерт, и он стоял на лестнице и соревновался с огромным ирландцем в том, кто сможет поднять другого в воздух повыше. Ирландец поднял Фила выше и отступил на шаг, желая полюбоваться своей работой, – а ступеньки у него под ногой не оказалось. Они полетели с лестницы спиной вперед, Фил упал на голову. Мы подбежали к ним – тот парень встал, а Фил нет. Я говорю:

– Давай, чувак, вставай!

Он смотрит на меня с ужасом в глазах и говорит:

– Блядь, я не могу пошевелиться!

Мы отвезли его в больницу на Фоллз-роуд. Напоминаю: дело было в Белфасте, вечер субботы, а Фоллз-роуд – это католический район. Боже правый! Там на улицах *стреляли*! Мы приехали в больницу, пронеслись мимо людей с пулевыми ранениями и травмами от взрывов, и Фила приняли. Его пристегнули к столу, а голову подперли так, чтобы он не мог ей пошевелить, – впрочем, он так и так не мог бы это сделать.

– Ссать хочу! – стонал он, лежа на столе.

Услышав эти слова, наш тур-менеджер Микки хватает меня и тащит из палаты.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Только мы переступили порог, как услышали голос медсестры:

– Я поставлю вам катетер, мистер Тейлор.

Дверь закрылась и:

– АААААААААА! СУКА!

– Я хотел успеть выйти, пока он не заорал, – объяснил Микки.

Видимо, Фил считал, что его каким-то образом отведут в туалет, дадут поссать там и вернут в палату. Вообще ему повезло – он рисковал остаться парализованным на всю жизнь.

В конце концов Фил вышел из больницы с бандажом на шее. Я вырезал из клейкой ленты галстук-бабочку и прилепил ее ему прямо на бандаж – он стал похож на официанта-испанца с зобом. С Филом чего только не случалось. Мы хотели издать книгу: Фил Тейлор, «Больницы в Европе, которые мне довелось знать» – такой гид по травмпунктам. Понимаете, он не очень ловок. В одном туре он все время падал в гастрольном автобусе – никак не мог к нему приспособиться. Он не мог спокойно пройти по автобусу. Он шагал такой странной походкой – не сгибая колени: он думал, что так сможет устоять на ногах, но в результате только падал еще чаще. Он весь этот тур проехал, стоя на одном колене, – как будто по дороге через всю Европу делал предложение руки и сердца!

Так как Фил временно выбыл из строя, нам пришлось отложить европейский тур, намеченный на начало 81-го года. А Girlschool тем временем были в Рикмансворте – записывали альбом[46] с Виком Мейлом. Это Вик придумал, чтобы Motörhead и Girlschool сделали совместный сингл. Мы сделали кавер на Please Don't Touch, песню одной из моих любимых групп былых времен – Johnny Kidd and the Pirates. Году в 1977-м, когда Джон уже давно погиб, его группа, называясь просто The Pirates, привлекла к себе некоторое внимание. Наш кавер вошел в мини-альбом St Valentine's Day Massacre – мы выпустили его 14 февраля. Для оборотной стороны мы записали песню Girlschool Emergency (причем Эдди второй раз в жизни стал вокалистом), а девушки записали нашу Bomber. На барабанах во всех песнях сыграла Дениз Дюфорт, потому что Фил играть не мог. Этот сингл оказался самым большим успехом в чартах и для Motörhead, и для Girlschool. Он занял 5-е место, и мы выступили в Top of the Pops под объединенным названием Headgirl. За барабанами сидела Дениз, но Фил тоже появился в кадре – пританцовывал и подпевал.

За неделю до съемки в Top of the Pops Motörhead и Girlschoool выступили в зале Theatre Royale в Ноттингеме. Нас снимали для местной телепрограммы Rockstage. У меня до сих пор есть видео. В финале Motörhead я вскочил на наш бомбардировщик и наставил бас-гитару на публику, как автомат (известный прием), а на полпути вверх застрял. Парень, который управлял бомбардировщиком, продержал меня наверху, как мне казалось, целую вечность, хотя на самом деле это продолжалось минуту-другую. У меня был витой гитарный шнур, и он натянулся до предела. Он, черт возьми, чуть не сдернул меня с

бомбардировщика, а я висел там и думал: «Ах ты ублюдок! Если спущусь живым, убью нахер!» Но на видео это незаметно – все выглядит эффектно. Парень, из-за которого я попал в это безвыходное положение, чудесным образом испарился после концерта – очень разумно с его стороны.

В конце февраля журнал Sounds устроил опрос среди читателей за 1980 год – и во всех категориях мы заняли первое место. Кажется, мне даже достался титул лучшей вокалистки! Ах да, в одной категории мы все-таки не выиграли – главным секс-символом среди мужчин назвали Дэвида Ковердейла, а мне досталось второе место. Я не возражал – шевелюра у него погуще!

К марту Фил настолько поправился, что мы смогли снова поехать в тур. Мы проехали через всю Европу вместе с Girlschool, а потом дали четыре концерта в Англии. Все эти английские выступления были записаны для концертного альбома No Sleep ‘Til Hammersmith. Мы сперва хотели сделать двойной альбом, но материала хватало только на три стороны, а это было бы немного нечестно. Кстати, ни один из этих четырех концертов не был в Hammersmith Odeon: один был в Уэст-Рантоне, один в Лидсе и два в Ньюкасле. Последние три концерта оказались лучшими, и мы выбрали треки из этих записей. А еще в Лидсе и Ньюкасле нам вручили серебряные и золотые диски за Ace of Spades, серебряный диск за Overkill и серебряный диск за Please Don’t Touch. Но на этот раз нам их отдали за кулисами.

Мы не стали дожидаться релиза No Sleep ‘Til Hammersmith и в середине апреля уехали в Штаты – наш первый американский тур. Мы играли на разогреве у Оззи Осборна в его туре Blizzard of Oz. Пока мы разъезжали, наша пластинка вышла и немедленно взлетела на 1-е место. Мы узнали об этом в Нью-Йорке – я еще не вылез из постели, когда зазвонил телефон:

– Вы попали в чарты – сразу на первое место, – услышал я.

– Э-э-э… перезвоните, пожалуйста, позже, – промямлил я и повесил трубку. Минут через десять до меня дошло, и я вскочил как ошпаренный. Это была вершина нашей популярности в Англии. Конечно, когда ты на вершине, дальше можно только спускаться вниз. Но в то время мы не знали, что это вершина. Мы ничего не знали.

Глава 8. Упрямо движемся вперед

И вот мы в Америке – блаженствуем и даже не знаем, что Motörhead уже достигли пика популярности в Англии. Мы отлично проводили время: Эдди и Фил никогда раньше не бывали в Америке; я, конечно, уже там немножко ориентировался. Но всегда приятно смотреть на знакомые места как бы новыми глазами – освежает. Фил, наш Ловкач, сумел проехать через всю Америку и не получить ни одной серьезной травмы, хотя во Флориде его чуть не прикончил салат. Просто, изволите ли видеть, они с Эдди привыкли к английским салатам – листочек и пара вареных яиц. Так что во флоридском ресторане они оба заказали двойные порции – я их не отговаривал. Я просто любовался официантами, которые подкатили к нам с двумя тележками, – целые акры зелени! Филу и Эдди пришлось практически с боем продираться через это коварное тропическое болото. Сам я и близко не подхожу к овощам – для таких как я это слишком здоровая пища.

Я никогда раньше не встречался с Оззи и его музыкантами, мы познакомились в этом туре. Руди Сарзо и Томми Олдридж были приятные чуваки, но тихие. Типичные басист с барабанщиком. Ритм-секция никогда не привлекает к себе много внимания, если только группой не командует один из них. Гитаристом у Оззи тогда был Рэнди Роудс, и он был птицей поважнее. Кажется, они с Оззи вместе писали песни. Но главное, что я о нем помню, это что он был никудышным игроком в «Астероиды»: по пути через Америку мы везде находили игровые автоматы, и я все время выигрывал у него в «Астероиды». Мы с Рэнди сдружились, и я очень огорчился, когда на следующий год он погиб в авиакатастрофе. Но я вынужден сказать, что при жизни он не был таким гитаристом, каким стал после смерти. С ним получилось, как с Бобом Калвертом: человек, которого при жизни более-менее игнорировали, потом вдруг оказывается гением. Рэнди, конечно, был хорошим гитаристом, но он не был таким великим новатором, как о нем стали потом говорить. Когда я умру, Бог его знает, что обо мне будут говорить!

Оззи был милый, он и сейчас такой. Совершенно ненормальный, но милый. Разумеется, трудно остаться нормальным, когда на каждом твоем концерте люди бросают на сцену дюжину голубей с переломанными ногами и крыльями. Ему под ноги прилетали и другие предметы: лягушки, живые гремучие змеи, голова оленя, голова быка – и все из-за той истории, когда он откусил голову голубю во время встречи с

представителями своего лейбла. Не знаю, как после этого тура он продолжал работать. Он, наверное, был постоянно на взводе, ежесекундно ожидая, что в него швырнут еще чем-нибудь. Ему можно только посочувствовать, да?

В этом туре Оззи пришлось нелегко. Он чуть не сдох в этом забеге: он метался от вершин взвинченности до самых глубин отчаяния и слишком много всего употреблял. В начале тура мы все время находили его лежащим ничком, в отрубе. В конце концов его девушка (а в дальнейшем – жена) Шэрон взяла дело в свои руки и вытащила его из этого болота, и это было круто. С тех пор мне самому пришлось иметь дело с Шэрон, и не все всегда шло гладко, но этой заслуги у нее не отнять. Вы бы больше не услышали новых альбомов Оззи, если бы не Шэрон, и я думаю, что Оззи первым это признает.

Поначалу американцы не очень-то врубались в Motörhead. Во время тура с Оззи много у кого из публики челюсти попадали на пол. В некоторых местах люди врубились сразу: на обоих побережьях, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, прием был восторженный. Мы понравились в Детройте и Чикаго – мы до сих пор постоянно туда ездим. В Огайо тоже было хорошо, и Техас мы пусть не с первого раза, но покорили. Но в остальные города мы в тот первый раз могли и вовсе не приезжать – они смотрели на нас как баран на новые ворота. Мне кажется, на Среднем Западе многие нас просто испугались; публика, как правило, понятия не имела, кто мы такие. Один американский лейбл, Mercury, издал Ace of Spades, но никто, кажется, не был в курсе. Они ничего не сделали для рекламы альбома (подумать только!). Так что каждый раз на сцену выходила никому не известная группа.

Но у нас были свои фанаты. Например, Ларс Ульрих. Он тогда еще был не барабанщик Metallica, а просто подросток из Лос-Анджелеса. Он нас обожал. И, кстати, возглавлял американский фан-клуб Motörhead, состоявший, я полагаю, из таких же подростков, тоннами скупавших импортные пластинки. Эти ребята фанатели от так называемой «новой волны британского хеви-метала», которая как раз тогда набирала силу. Некоторым группам повезло быть частью этого движения – например, Iron Maiden на этой волне стали суперзвездами. Нам оно не особо помогло. Мы появились раньше – а новый всплеск нашей популярности случился немного позже, чем бум метала и хард-рока конца 80-х.

В общем, наш первый тур по Америке оставил смешанные впечатления, но интересно то, что потом в Англии мы выступили на большом сборном концерте на футбольном стадионе «Порт Вейл» перед аудиторией из 40 000 человек, причем в этом

концерте участвовал Оззи Осборн – но хедлайнерами были мы! Вот иллюстрация нашей популярности в Англии в то время. Это был, наверное, наш самый громкий концерт, а мы славились как громкая группа. (Нам и правда нравилось играть на полную мощность – мы уже оглохли и иначе ничего бы не услышали!) В «Порт Вейл» мы всю сцену построили из порталов – всюду одни сплошные колонки, в общей сложности 117 000 ватт. Во время саундчека позвонил какой-то мужик, живший в четырех милях оттуда: он жаловался, что мы заглушаем ему телевизор… а это только один Эдди играл на гитаре! Плюс непременный рекламный трюк: во время нашего выступления над полем на бреющем полете пролетел самолет, и из него выпрыгнули несколько человек с нашей символикой на парашютах. Шестеро из них приземлились прямо посреди поля, но один, увы, промахнулся и полетел на соседний участок. За его падением наблюдал один старик – он стоял там с лопатой и охранял свой участок от хиппи. И он сказал потом: «Да, этот последний юноша упал, как мешок с дерьмом – плюх! Прямо на землю. Его увезли на фургоне». Видимо, наш блудный десантник оправился от своих травм, потому что больше мы о нем не слышали.

Еще мы у себя в Англии пользовались особой популярностью среди копов – они нас все время пытались арестовать. Сейчас все не так – а тогда мы из дома не могли выйти, потому что копы ждали прямо за дверью, а если не за дверью, то на улице. Где-то в августе 81-го они схватили Фила и нашли у него травы фунтов на пять – его потащили в суд и оштрафовали на сорок фунтов. Глупо и мелочно, согласны? Но об этом даже в новостях написали, мы же были знаменитые и опасные рокеры. С Филом, когда его замели, была Байкерша Ирен, у нее тоже нашли траву. Но ее оштрафовали только на двадцать фунтов – может быть, потому что у нее сиськи были больше, чем у него!

Если не брать в расчет мелкие неприятности, мы очень наслаждались нашей быстротечной славой. Был один очень приятный момент, когда мы играли на фестивале Summernight в Германии, в Нюрнберге, а перед нами играли Blue Öyster Cult – те самые, которые влепили нам звучную оплеуху на нашем первом выступлении в Hammersmith Odeon. Но мы не стали им страшно мстить – их срок давности уже истек. Мы просто не разрешили им использовать наши порталы.

Тогда же я записался с The Nolan Sisters. Это заняло один день – мне позвонили, позвали на сессию, а я для смеха согласился. Мы записали песню под названием Don’t Do That – я на басу, Кози Пауэлл на барабанах и бывший гитарист Whitesnake Микки Муди. Пели сестры Нолан, Коллин и Линда, а подпевал и

играл на губной гармошке Боб Янг, который вообще-то был тур-менеджером Status Quo. Мы назвались The Young and Moody Band – группа Янга и Муди – или группа «Молодые и Унылые», как хотите – и даже сняли на эту песню видео. Сестры Нолан были супер; мы регулярно с ними сталкивались, потому что они были в чартах одновременно с Motörhead. Все считали их сопливыми попсовыми целочками, но они ошибались. У них был кое-какой опыт – они играли в отеле-казино Sands в Лас-Вегасе вместе с Синатрой. Они были девки не промах, их менеджером был их собственный отец, но они были классные. И веселые. Однажды наш менеджер Дуглас болтал с Линдой Нолан в баре Top of the Pops и уронил на пол деньги. Он стал их поднимать, а Линда ухмыльнулась и говорит: «Ну раз уж ты встал на колени…» Это последнее, что он ожидал услышать от любой из сестер Нолан! Может быть, конечно, он услышал то, что хотел услышать, и вообще ему это могло просто почудиться, но он чуть не обосрался от шока!

Не понимаю, почему люди хотят думать, что женщины не любят секс, а кто любит, те ужасные извращенки. Трахаться все любят. Нам бы стоило уже дорасти до этого факта – секс это весело. Я всегда говорю: секс это самое веселое занятие из тех, когда не смеешься. Как я уже упомянул в начале книги, одна из причин, почему я занялся рок-н-роллом, – девицы, и все мы в Motörhead не упускали ни одной девицы, которая нам попадалась… или которой попадались мы. Однажды я сижу за столиком в казино Bolton, подходит какая-то девушка и начинает мне отсасывать прямо на месте. Тут подлетает Эдди и говорит:

– Чувак, мы пошли.

– Можете минутку подождать? – спрашиваю я таким напряженным тоном.

Тогда он замечает, что из-под скатерти торчат женские каблучки, и все понимает. Он оставил нас вдвоем, и я снова уплыл в свое блаженство.

Подобные приятные интерлюдии происходили постоянно. В моей группе, если речь шла о девушках, не особо беспокоились о *качестве*. И вообще – качество в глазах смотрящего, это уж точно. Девушки, которых называют высококлассными, обычно просто лучше одеты, что меня лично не скребет. Я встречал девиц, которые совсем не выглядели как настоящие леди, но у них было больше мозгов, с ними интереснее было поговорить и они вообще в целом были сексуальнее, чем самые элегантные модели в мире. Это правда. Все эти модели – как гребаные чистокровные кобылы: выглядят прекрасно, но тупые, как дерьмо. Вокруг меня постоянно крутятся девушки, которых вы бы назвали шлюхами, и

мне они нравятся, потому что они честные и прямые. Они как я – говорят: «Я люблю трахаться! Пойдем!» И, собственно говоря, так оно и должно быть.

Само собой, плюсы жизни рок-звезды торчат и видны невооруженным глазом (понимайте как хотите!), но есть и минусы. В начале карьеры Motörhead мы перед концертом тусили с фэнами в баре, но потом это стало невозможно. Появляются фэны, которые думают, что сами играют в группе, – они одеваются как я, и через некоторое время начинают в собственном зеркале видеть меня, а не свое отражение. Доходит до очень странных вещей. Вокруг нас было полно чуваков, которые называли себя Лемми, а многие дали это имя своим детям – бедняжки, есть даже одна девочка по имени Лемми! Я знаю о парне, который назвал своего сына Килмистер. А еще полно котов, крысок, собачек и гребаных попугайчиков – и всех их окрестили в мою честь. Вокруг нас было полно фэнов, обожавших нас, не говоря уж о нескольких психах, и в конце концов нам пришлось перестать общаться с фэнами так же запросто, как раньше. Жаль, я скучаю по такому общению: когда тусишь с ребятами, узнаешь, что на самом деле творится у тебя за дверью.

Многие группы отгораживаются от этого как можно скорее, а я думаю, что это большая ошибка. Некоторые группы никогда не встречаются со своими фэнами и понятия не имеют о том, кто они, на что похожи. На сцене им бьют в глаза прожекторы, а потом они уходят со сцены в свой маленький мирок. Музыканты, которые так поступают, многое теряют. Я и сейчас люблю болтать с фэнами… если только не попадется пьяный придурок, которому непременно нужно орать мне в ухо Ace of Spades нон-стоп! Мы все-таки сделали с тех пор еще несколько альбомов – если чувак выпил и поет что-нибудь с наших последних пластинок, я не буду особо возражать!

Еще одна проблема с популярностью – некоторые начинают обвинять тебя в том, что ты продался. Но это их проблема, не моя. Всё, что люди покупают, – коммерция, вот и всё. Это не значит, что музыка стала какой-то другой. Например, наш первый альбом продавался так себе, поэтому у нас была хорошая репутация в андеграунде. Альбом Overkill имел какой-никакой успех, и некоторые из фэнов отвернулись от нас, потому что решили, что мы теперь «коммерческие». Это очень глупо – слышно же, что музыка осталась такой же, как раньше, только теперь она немножко лучше, потому что мы стали более крепкой командой после пары лет постоянных концертов. Когда вышел No Sleep ‘Til Hammersmith, некоторые уже громко возмущались и, как полагается, кричали: «Они продались!» Но это был концертный

альбом, все эти песни мы сочинили тогда, когда еще не «ушли в коммерцию», а всем этим элитистам и зажравшимся снобам пошла бы на пользу хорошая взбучка! Мы-то знали, что делаем ровно ту музыку, какую хотим делать, и на эти упреки нам было легко не обращать внимания.

1981 год был лучшим годом для Motörhead, но закончился он на очень плохой ноте. В конце года мы гастролировали по Европе, а в это время убили моего соседа по квартире, Энди Элсмора. Такой небольшой чувачок, гей, он держал порно-кинотеатр. Пока я был в туре, в мой дом пришли; его ударили ножом пятьдесят два раза – в лицо, в шею, в грудь, потом взрезали ему анальное отверстие, отрезали член и затолкали ему в задницу. Потом квартиру подожгли – пытались скрыть следы убийства. Бедный Энди сумел проползти по коридору в гостиную, прежде чем умер. Там его и нашли. Это было ужасно.

Журналисты, конечно, все переврали: газеты выходили с заголовками типа «Motörhead замешаны в убийстве на почве наркотиков» и тому подобное. К нам это не имело никакого отношения, я месяц не был дома и понятия не имел, с кем общается Энди. Очевидно, это было убийство на почве ненависти к геям, иначе ему бы не стали запихивать в задницу его собственный член. Это точно из-за ненависти к геям. Настоящая трагедия.

Но вернемся к моей группе. В этот момент своей карьеры мы, к сожалению, задрали нос, наверное, это было неизбежно. До сих пор наше прикосновение все обращало в золото. Мы думали, что каким-то чудесным образом это так и будет продолжаться. Но Iron Fist не мог стать достойным следующим релизом после пластинки, попавшей сразу на первое место в чартах. No Sleep ‘Til Hammersmith был концертником, а если концертник продается так, как No Sleep, чем это можно продолжить? В результате рецензии были сдержанные, что меня ничуть не удивило. А вот Эдди удивился – он продюсировал Iron Fist вместе с чуваком по имени Уилл Рид Дик, и я думаю, что его сердце было немножко разбито. Но продавался альбом совсем не плохо. Он поднялся до четвертой строчки – хуже, чем пара предыдущих альбомов, но все же весьма респектабельно[47].

Однако отрезвление пришло не сразу, и тур по Англии мы начали, полные надежд – концерты были очень хороши. Наш менеджер Дуглас когда-то придумал наш бомбардировщик, и так как та затея увенчалась успехом, он счел себя Человеком, Который Кое-что Понимает В Шоу. Теперь, в туре в поддержку Iron Fist, он должен был переплюнуть сам себя. О том, какое чудо он заготовил на этот раз, мы узнали лишь дня за три до начала

тура: «Мы все сделали, и это уже не поменяешь». Получилось драматично. Занавес открывается, а на сцене совершенно пусто – ничего не видать, даже красных лампочек на усилителях. Потому что мы на потолке, врубаетесь? Наша сцена висит на четырех кранах, и на ней стоит весь аппарат – барабаны, усилители, освещение, вся сцена на крыше. Потом звучит музыка и мы спускаемся в клубах дыма и в цветных лучах света, и, пока мы опускаемся, раскрывается гигантский кулак, а на кончиках пальцев у него прожектора.

Конечно же, в первый вечер кулак не работал как следует, а потом сцена застряла, когда поднималась обратно вверх. На полпути она остановилась, и за нее зацепился занавес. Людям прекрасно было видно, как мы слоняемся по сцене и причитаем: ну и что нам теперь делать? как нам отсюда слезть? Разумеется, Фил, выходя из-за установки, чуть не шагнул в вечность – в последний момент его поймал Эдди. Но через пару концертов все отлично заработало. Впрочем, кулак мы больше никогда не использовали. После тура он вернулся туда, где его сделали, и там и остался.

На разогреве у нас играла группа Tank, первый альбом которых продюсировал Эдди. Это была группа нашего приятеля Элджи Уорда. Он играл в The Damned, но его уволили, и он собрал Tank. Он, как и я, был басистом и лидером группы, и ему это очень нравилось. Они отлично отыграли с нами в Европе, но в Англии у них возникла проблема с женами. Их жены захотели поехать с ними в тур, а они, будучи желторотыми новичками, конечно, согласились, а это смерти подобно для любой группы. Я вовсе не шовинист, но жены портят отношения в группе, и все тут. Допустим, в группе три парня – может быть, после концерта они разойдутся по своим номерам, но они у себя в номерах сидят одни. Но если с тобой твоя старушка, то после концерта ты должен тусить с ней. Ты не обсуждаешь концерт с коллегами по группе, ты не идешь выпить в бар отеля, потому что ты же со своей старушкой, да? Она стоит рядом, и при ней ты многого не скажешь, потому что боишься, что ей станет скучно, или тебе надо быть к ней внимательным. И коммуникации в твоей группе приходит конец. А еще многие жены садятся своим мужьям на уши: «Остальные без тебя ничего не стоят, тебя недостаточно ценят» и так далее. Это приводит к жалобам и разногласиям и может разрушить группу. Я такое много раз видел – это и в моей группе случалось! И в результате в английской части нашего тура Tank провалились.

Мы все еще были рок-звездами, поэтому творили немало дерьма в духе Spinal Tap[48]. (Кстати, Spinal Tap – очень точный

фильм. Тот, кто написал сценарий, наверняка побывал в турах с рок-группами.) Мы в те дни были плохими парнями… собственно, мы и сейчас не изменились, только теперь все привыкли! Motörhead наводят на людей страх:

– Нам не дали сыра! Где этот гребаный сыр?!

– Прости, чувак, не получилось его купить.

– ЧТО, МАТЬ ТВОЮ? НЕ МОЖЕШЬ КУПИТЬ ДОЛБАНОГО СЫРА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ, В СРЕДУ, В ШЕСТЬ ДОЛБАНЫХ ЧАСОВ ВЕЧЕРА?! А НУ МАРШ ОТСЮДА И ТАЩИ ЭТОТ ДОЛБАНЫЙ СЫР!

Потому что дело-то не в сыре, так? Это дело принципа – они забили болт, и это выводит меня из себя. Я гонял промоутеров и их подручных с любыми поручениями: «А ну живо принеси мне эту херню!» Если что-то указано в райдере, нам должны это дать. Если роуди барабанщика заказывает хрустящие палочки Twiglets (а наш заказывал), он их получает. Наш теперешний гитарист, Фил Кэмпбелл, однажды заказывал себе еду из китайского ресторана, и в том числе потребовал порцию шариков «Бен-Ва»[49] – и ему их принесли! Но вот что всегда ставит меня в тупик, причем это в любой стране так: в райдере написано, что тебе требуется столько-то полотенец, да? И тебе всегда дают такие крошечные тряпочки, размером фут на фут. Что за нахер?

Мы ни от кого не терпели неуважения. Однажды мы должны были играть на радиостанции Clyde в Глазго. Мы пришли на саундчек, но звукач оказался полным мудаком, и мы сидели и просто ждали его целую вечность. Людям на радиостанциях всегда насрать на то, что ты делаешь, они слишком самовлюбленные. Мы сидели и ждали, и я говорю Эдди:

– Ну их нахер. Давай-ка им устроим.

Мы размотали пожарный шланг, просунули его в дверь студии, прижали дверь поплотнее и открыли кран. И свалили. Больше нас туда не звали – довольно неспортивно с их стороны.

В это время копы всерьез до нас доебались. Они перерыли наши квартиры, отель, где жили наши техники, даже дом нашего менеджера. Я был в отеле в Свисс-Коттедже[50], так что меня они не нашли. Они устроили серьезную операцию: с собаками, с вышибанием дверей и так далее – и на всю нашу компанию (двадцать пять человек в дорожной команде, три музыканта, менеджер с женой и их ассистенты) они нашли только полграмма кокаина, кажется, немного травы и одну таблетку мандракса. Мы отправились в кутузку, и я спросил:

– Какое у вас было основание для проведения такой масштабной операции?

– Анонимная наводка, – ответил магистрат. – Нам сообщили,

что вы продаете публике кислоту со сцены.

Боже, вот дебилы! Я пою и играю на басу – у меня нет времени спускаться к публике и спрашивать: «Кому кислоты?» А еще ведь пришлось бы давать им сдачу – я бы носил вместо патронташа такой специальный пояс для мелочи! Гребаные козлы – лучше бы копы ловили настоящих пушеров или, например, Йоркширского Потрошителя и ему подобных, чем доебываться до музыкантов, которые просто играют концерты и сами немножко употребляют. Конечно, сказать им такое в лицо – себе дороже.

Наверное, если вы радикальная феминистка, вы все еще бурлите от гнева, вызванного моими замечаниями о женах (с другой стороны, если вас так легко вывести из себя, какого черта вы читаете эту книгу?). Но справедливость прежде всего: как я уже упоминал, я всегда рад поработать с женщинами-музыкантами. Перед началом тура Motörhead по Америке я зашел в одну лондонскую студию, в гости к девичьей группе из Франции Speed Queen, они там писали альбом. У них была отличная певица, Стиви, – она была немного похожа на одну певицу, которая работает сейчас (и, кстати говоря, получает меньше внимания, чем заслуживает), Нину Си Элис из группы Skew Siskin. У них обеих такой резкий тембр голоса – как Эдит Пиаф, только с гитарами. Я даже записал бэк-вокал в одну их песню. Но они пели по-французски, поэтому их альбом за пределами Франции никто не услышал. А несколько дней спустя мы с Motörhead полетели в Торонто, чтобы записать мини-альбом с Венди О. Уильямс. Эта сессия привела к развалу того состава Motörhead, который многие наши фэны называют «классическим» (хотя те, кто так думает, наверное, не слышали нас последние несколько лет).

Венди О. и ее группу Plasmatics теперь порядком позабыли, но она была чумовейшей панк-скандалисткой. На сцене она пилила гитары бензопилой пополам и взрывала полицейские машины. Однажды она села в тачку, направила ее в кучу взрывчатки в нью-йоркской гавани и выпрыгнула из машины в последнюю минуту. Сделав это, она отправилась прямиком во Флориду – драться с аллигаторами. Я подумал: эта девица просто супер! К тому же я видел ее фотографии, а у нее были хорошие фотографии. После успеха нашей пластинки с Girlschool нам все время пытались устроить совместную запись с кем-нибудь, особенно с девушками. А мне очень нравится записываться с девицами. Восемь мужиков в студии это тоска – когда пишешься с девушками, результат обычно получается лучше, потому что возникает интересное трение, ну и выглядит это посимпатичнее! Это особое трение и красивая картинка – я обеими руками за все это, и было очевидно, что с Венди О. будет и то и другое. Нашу запись

рекламировали как уникальную комбинацию панка и хеви-метала – в то время это были враждебные лагеря. Мы решили сделать одну песню Motörhead (No Class), одну вещь Plasmatics (Masterplan), а для сингла Stand By Your Man – да, ту самую кантри-песню.

Продюсировать должен был Эдди, и, к сожалению, он снова собирался работать на пару с этим чуваком по имени Уилл Рид Дик, которого я обычно называл Ивил Ред Дик (Злостный Красный Хер). Запись шла тяжело, и это еще слабо сказано. Венди долго не могла настроиться, Эдди из-за этого бесился. Она сделала несколько дублей, и, должен признать, получалось хреново. Можно было подумать, что она никогда не сможет это спеть, но я знал, что у нее все получится, если только дать мне с ней поработать. К тому же Эдди не играл на гитаре – он был только продюсером. С нами играл гитарист Венди из Plasmatics, а на басу и барабанах играли мы с Филом. Эдди явно был не в восторге от всей этой затеи и в конце концов сказал, что пойдет перекусить, но мы обнаружили его в соседней комнате с Красным Хером – он сидел там мрачнее тучи. Полное дерьмо. Мы могли бы справиться с нашими трудностями, если бы не Уилл Рид Дик: без него Эдди было бы некуда от нас деваться. Ему бы пришлось остаться, стиснуть зубы, мы бы доделали эту херню, и все было бы забыто. Но в результате мы обменялись парой слов, и Эдди куда-то ушел. Позже мы с Филом вернулись в отель. Фил оказался там раньше меня, и он подошел ко мне и сказал:

– Эдди ушел из группы.

Вообще-то Эдди стабильно уходил из группы раз в два месяца, но на этот раз мы почему-то не позвали его обратно. Мы не уговаривали его вернуться, поэтому он и не вернулся – думаю, он и сам удивился, что так получилось. Но мы просто устали от него, потому что он все время вел себя неадекватно и еще много пил. Он с тех пор завязал и стал гораздо более приятным человеком. Итак, Эдди сыграл с нами первые два концерта американского тура, в Торонто (есть съемка с этого концерта, но Эдди там ужасен, и я тоже: посреди концерта у меня случилась судорога, и я не мог играть) и в Нью-Йорке. Нам нужно было быстро найти другого гитариста, чтобы продолжить тур, и мы выбрали Брайана Робертсона, который раньше играл в Thin Lizzy. Техника игры у него была даже лучше, чем у Эдди, но в Motörhead он все-таки не вписался. С Роббо наши дела стали ухудшаться еще быстрее, что на самом деле несправедливо, потому что альбом, который мы сделали с ним, Another Perfect Day, был весьма хорош.

Оглядываясь назад – а в этом случае, должен сказать, зрение

у всех стопроцентное, – нам повезло, что именно тогда наша слава пошла на спад. Если бы мы и дальше становились все более и более успешными, сейчас группы бы не было. Были бы мы старые мудаки, купили бы себе по усадьбе, отдалились бы друг от друга. Так что в плане боевого духа мы ничего не потеряли. Музыкантам важно оставаться голодными, потому что это лучшая мотивация для работы. А если кто и знает что-то о долгой голодовке, то это я.

Но вернемся к Роббо. Я знал его много лет: мы познакомились под столом в Dingwalls. Там началась драка, и мы – все, кто потрусливее – полезли под стол. Помимо трусоватости, он был одним из кумиров Фила, потому что Фил – настоящий фанат Thin Lizzy. И на сцене с ними Брайан был шикарен. Он выступал в белом вельветовом костюме – с его длинной кудрявой шевелюрой это сочеталось потрясающе. Он был свободен, так что мы немедленно вызвали его в Торонто, и он прилетел – волосы у него были острижены и выкрашены в красный цвет. Я был в полном ужасе, но решил: что ж, главное – он человек закаленный и профессионал. Черта с два. Он оказался занозой в заднице. Он единственный музыкант из всех моих групп, кому я угрожал физической расправой: справедливости ради, он угрожал мне тем же. Мы оба схватились за стулья и готовились друг друга поколотить. Но это случилось несколько месяцев спустя: когда он только появился в Motörhead, единственным намеком на грядущую катастрофу были эти чертовы красноватые волосы.

Со временем мы увидели и другие признаки. Когда Брайан присоединился к группе, я сказал ему:

– Помнишь, когда ты играл в Thin Lizzy, у вас со Скоттом Горэмом была такая фишка: он носил черный вельветовый костюм, а ты белый, и вы стояли на противоположных краях сцены? Было бы круто сделать так же. Я ношу черное. Как насчет снова вытащить из шкафа твой белый костюм?

– О нет, это невозможно, Лемми, – сказал он.

Ну и всякое другое дерьмо тоже было, например, он хотел заключать с нами новый контракт на каждый очередной альбом. То есть он хотел всегда иметь за собой открытую дверь, если дела в Motörhead пойдут не очень. Поначалу на это было легко не обращать внимания, потому что некоторое время он был просто идеальным гитаристом. Мы встретились в Торонто, и перед нашим следующим концертом – в Harpo's, в Детройте – у нас было всего несколько часов, чтобы отрепетировать с ним программу, но он играл как дьявол. Мы закончили американский тур в июне и отправились в Японию – впервые, – и все это время он играл просто прекрасно.

В Японии Motörhead сразу приняли на ура. Брайан, уже после Thin Lizzy, ездил туда со своей группой Wild Horses, и он заявил мне весьма безапелляционно (и со своим сильным шотландским акцентом):

– Вряд ли вас в Японии ждет такой бурный прием, как здесь. Этого не будет, потому что японцы ничего не делают. Они просто сидят и хлопают в ладошки.

– Не будь так уверен, Брайан, – ответил я. – Теперь ты в Motörhead.

Эти слова, наверное, были ему против шерсти.

Мы приехали в Японию и, конечно, как только открылся занавес, весь зал заорал:

– АААААА! РЕММИ!

Блайана это немножко взбесило. «Блайан Лобертсон» – звучит хреново, да?

Мне Япония понравилась не меньше, чем мы им. Настоящий культурный шок: там все не так, как на Западе. Девушки ходят тусоваться группками, но они не против небольшого приключения. К тебе в номер может прийти целая стайка девушек, и все разденутся – они очень компанейские. Просто у них нет того чувства вины, которое нам прививает строгое христианское воспитание. У них в Японии – Будда, а это гораздо цивилизованнее. Большинство девушек там очень, очень симпатичные, и все японцы вежливые, мне это нравится. За хорошие манеры денег не берут, а в Америке, Англии и многих европейских странах люди по большей части – самодовольные, грубые, тупые козлы, которым насрать на всех вокруг. Они толкаются, отодвигают тебя локтями. В Японии люди аккуратнее. Но они еще и не дураки потрахаться.

В Японии есть места, которые мы навещали каждый раз, как приезжали туда, – например, бар Pip's (увы, он недавно закрылся, там теперь караоке!). Там работали очень дружелюбные люди, и если ты падал на пол, их это не напрягало. И у них была парочка пинбол-машин – я очень любил, напившись, играть в пинбол. Но все это не шло ни в какое сравнение с салонами игровых автоматов. Это просто чума – все равно что очутиться в звездолете из Star Trek. Но самое странное, что я видел в Японии, это компания фанатов рокабилли, человек двадцать, которые просто шли по улице. Все у них было безупречно – зачесы, кожаные куртки, походка. Японские тедди-бои – вот к чему я долго не мог привыкнуть.

Брайан начал вести себя странно, когда мы вернулись в Англию. На нашем первом английском концерте, в футбольном клубе «Рексем», он был хорош. Мы были гвоздем программы, а

мелкими буковками на афише была указана новая группа из Америки – Twisted Sister. Вскоре после этого концерта Twister Sister добьются сенсационного успеха на MTV – напоминаю: в 1982 году MTV только начиналось, – но тут они впервые в жизни играли в Англии и просто оцепенели от страха, бедняги. Я столкнулся с ними за кулисами – рослые мужики, все в женских платьях, и все нервничают так, что у них чуть зубы изо рта не вываливаются. Было очевидно, что они сейчас окончательно расклеятся, так что я сказал:

– Послушайте, хотите – я выйду и представлю вас публике?

И они такие в один голос:

– О да, пожалуйста!

Я вышел на сцену и сказал:

– Сейчас выступят мои друзья, так что будьте к ним благосклонны, мать вашу: Twisted Sister!

По крайней мере, после этих слов их не должны были забросать бутылками и погнать со сцены. И они вышли и снесли всем башню. Я снова представлял их, когда они играли в Marquee, – было разумно ожидать от них потом ответной любезности, и их певец, Ди Шнайдер, пару раз представлял нас. Еще он пригласил нас на MTV, когда вел там свою программу. Мы очень неплохо общались с Twisted Sister. В конце года они выступали в программе The Tube, которую снимали в Ньюкасле, и в конце мы вышли и поджемовали с ними – сыграли It's Only Rock'n'Roll[51]. Я выходил с одного края сцены, Брайан с другого, и пока я надевал бас, Брайан вдруг херак! – падает носом вниз. Было ужасно смешно. На него всегда можно было положиться в смысле нечаянного развлечения.

Но он был куда менее зажигателен на нашем следующем концерте после «Рексема». Это был концерт на стадионе Hackney Speedway в Лондоне, который организовали Ангелы ада. Все, кто работал на этом шоу, – технический персонал и так далее – были из Ангелов ада. Они потеряли на этом целое состояние и с тех пор не устраивали концертов. Помню, как один из них, по прозвищу Коза, говорил мне:

– Я знаю, где можно стащить генератор. Там по шоссе немного проехать – у них куча генераторов. Они и не заметят.

– Думаю, заметят, – ответил я, – и думаю, что они тебя поймают за этим делом.

Но каким-то образом они раздобыли генератор. И вот мы стоим, вокруг тусуются эти бугаи, серьезные байкеры, и Брайан выходит на сцену со своими красноватыми волосами и в зеленых шелковых шортах. Поднялся ропот:

– Кто этот мудак в гребаных шортах?

– Это новый гитарист Motörhead.

– Вот как. Давай убьем его.

Можно было практически кожей ощутить это очень неприятное настроение. Брайан по сей день не знает, в какой опасности он находился, – я их удержал, но они реально собирались его замочить. В конце концов, он им портил весь имидж и репутацию. Ангелы ада агрессивно маскулинны, и им совсем не нравится такое дерьмо! Он там у них был как бельмо в глазу. Правда, в социологическом смысле это был похвальный поступок, но ему стоило подыскать для своего жеста место получше.

На протяжении всего нашего тура по Европе в конце года брайаново чувство стиля не переставало шокировать и ужасать наших фэнов. Посмотрим правде в глаза: балетки и Motörhead несовместимы! Он был белой вороной, и я думаю, что он все это делал нарочно. Он изо всех сил старался показать, что он приглашенный музыкант, а не постоянный, полноценный участник Motörhead. На нашем лейбле его тоже не любили. Подозреваю, на Bronze предпочли бы, чтобы мы тогда прекратили свое существование. Мини-альбом Stand By Your Man толком не рекламировали. Но, несмотря ни на что, в марте 83-го мы пошли в студию писать новый альбом.

На Another Perfect Day сильно заметно влияние Брайана, что с музыкальной точки зрения неплохо. И хотя продюсер, Тони Плэтт, был приятелем Брайана, он прекрасно поработал, и мне не на что жаловаться. Брайан, конечно, был в своем репертуаре – заноза в заднице, как и всегда, но мы с этим справились. Единственное, что мне не нравится в этом альбоме, – там многовато гитары: видит Бог, солировать можно было и покороче! В остальном получилось, по-моему, отменно. Но наши фэны приняли альбом в штыки. Они решили, что мы заиграли «коммерческую музыку» – опять это слово! В чартах он поднялся только до 20-й строчки – вот и вся коммерция. Но Another Perfect Day выдержал проверку временем: многие наши поклонники изменили свое мнение и теперь любят его. Но тогда это никак не могло нам помочь.

Я думаю, Another Perfect Day был для нас полезным новым опытом, и, возможно, зря мы не начали экспериментировать раньше. Может быть, нам следовало и дальше двигаться в этом направлении… но только не с Брайаном! После выхода альбома мы поехали с ним в тур по Англии и Америке (вот это уж точно был безумный тур – промоутеры толком не знали, что с нами делать, и устраивали нам концерты с группами вроде Outlaws[52]!), и публика его просто возненавидела. Например, он

отказывался играть все наши знаменитые старые песни – Ace of Spades, Overkill, Bomber, Motorhead. Он не хотел иметь ничего общего с нашим прошлым. Кстати, Фил был с ним согласен, и я понимаю их позицию, но нужно признать как факт: люди хотят слышать старые песни. Если я, скажем, пойду на концерт Литл Ричарда, я хочу услышать Long Tall Sally, и если я ее не услышу, то очень рассержусь. Motörhead *должны* играть Ace of Spades, даже если меня от нее уже тошнит: люди хотят Ace of Spades, и с этим ничего не поделаешь. Отказываться играть ее и остальные старые песни – очень плохая идея. Ну и еще эта проблема с одеждой. В нашем последнем туре с Брайаном он щеголял в каких-то штанах типа треников, только они были сшиты из габардина, и он перевязывал их снизу полосками, оторванными от старого белого полотенца. И огненно-красные волосы. Он нарочно вел себя по-идиотски.

Но я уволил Брайана не из-за этого. Я бы вообще оставил его в группе навсегда, если бы он хорошо играл. Он стал невыносим, когда начал лажать. Где-то в середине европейского тура осенью 83-го ситуация стала уже просто нелепой. Мы были в клубе Rotation в Ганновере, в Германии, мы только что сыграли Another Perfect Day, и Брайан начал играть ее снова. Я говорю ему:

– Ты, придурок! Мы только что ее сыграли!

– А, извини, – отвечает он и начинает ее играть в *третий* раз!

«Он прощается с вами, я прощаюсь с вами, и большое спасибо». Мы отменили оставшуюся часть тура: было понятно, что продолжать так невозможно. Брайан был совсем плох. Однажды в Испании я увидел его в лобби отеля – он стоял перед витриной с сувенирчиками, какие обычно продаются в отелях: хрустальные медвежата и прочая херня. Он опирался лбом о стекло, как будто разглядывал эти сувенирчики, но я подошел поближе и увидел, что он спит: на плече сумка, в руке бутылка куантро. Мы затолкали его в машину, отвезли в аэропорт и усадили на стул в зале ожидания. Он там почти что лежал в полной прострации, откинув голову и с открытым ртом, а дети тушили сигареты, засовывая их ему в рот: в Испании нравы вольные. На сцене он был таким же дохлым, так что ему надо было уходить.

Прервав тур по Европе и вернувшись домой, мы с Филом навестили Брайана в его доме в Ричмонде и сообщили ему, что он уволен. Все прошло вполне дружелюбно – он это уже ожидал.

Итак, Motörhead снова потеряли гитариста. Год закончился для меня тем, что я записался с Hawkwind – спел и сыграл на басу в песне Night of the Hawks для мини-альбома The Earth Ritual Preview. К тому моменту из музыкантов, которые играли в Hawkwind одновременно со мной, в группе остался только Дейв

Брок – кто же еще, ведь это его группа. Так же, как Motörhead – моя группа. Я знал, что моя группа и дальше будет работать несмотря ни на что. Я просто не знал, кто теперь будет в ней играть.

Глава 9. Возвращение в дурдом

Найти нового гитариста было несложно. Я просто дал интервью Melody Maker, в котором обронил, что на этот раз мы хотим взять в группу какого-нибудь неизвестного музыканта, и к нам сразу выстроилась очередь. Найти гитариста оказалось так просто, что мы в конце концов выбрали сразу двух.

Послушав семь-восемь чуваков, мы с Филом оставили двух претендентов. Кое-кто из остальных тоже был хорош, но они не подходили Motörhead. В конечном счете оказалось, что я готов иметь дело только с Филом Кэмпбеллом и Миком Берстоном, также известным как Вюрзель. Я никогда не слышал о предыдущей группе Фила Кэмпбелла, Persian Risk, но, кажется, они записали несколько синглов. Когда мы выбирали гитаристов, они как раз приехали с концертом в Лондон, и на обратном пути он говорит: «Я здесь выйду, чуваки. Мне тут надо встретиться кое с кем – насчет собаки», в общем, что-то такое соврал: нельзя же, в самом деле, признаваться, что идешь на прослушивание. Ты ведь можешь и не получить эту работу. Фил довольно сильно нервничал, но он знал себе цену, так что вошел в комнату так, будто пришел на обычную репетицию. Он сыграл пару фраз, после чего выбежал за дверь и принялся носиться кругами как сумасшедший. Если из этого вы делаете вывод, что он тот еще маньяк, то вы правы. Но я только потом узнал, в какой степени! За эти годы он, без сомнения, сделал большой вклад в легенду Motörhead.

Вюрзель, напротив, пришел на прослушивание в таком состоянии, что ничего толком не мог делать. Но я уже был к нему расположен из-за его письма. В конверте была его фотография – выглядел он на ней довольно-таки нелепо – и записка следующего содержания: «Я слышал, вы ищете неизвестного гитариста. Так вот – неизвестнее меня никого нет». Мое сердце немедленно растаяло. Однако на прослушивание он пришел буквально трясясь от ужаса. К тому же он шел пешком от станции, неся в руках гитару и сумку с педалями. Руки у него, должно быть, одеревенели.

– У меня тут список песен… – начал он, шурша бумажкой в трясущихся пальцах.

– Бога ради, отдай мне это! – говорю я, отбирая у него бумажку. – Не волнуйся. Садись, чувак, выпей рюмку-другую водки. Все будет в порядке.

Он выпил пару рюмок, после чего сыграл – и все действительно было в порядке. Обычно на прослушиваниях тебя

запускают на десять минут и выставляют за дверь, но по-моему, в этом нет никакого смысла. Если хочешь найти хорошего гитариста, дай ему раскрыться. Вюрзель потом говорил в интервью, что прослушивание в Motörhead было самым справедливым и адекватным прослушиванием в его жизни. Это все было, очевидно, не зря – его же взяли в группу.

И Фил, и Вюрзель нам очень понравились (кстати, они оба соврали о своем возрасте: Вюрзель скостил себе пару лет, а Фил прибавил. Кажется, я единственный не вру о своем возрасте). Мы никак не могли решить, кого из них брать в группу, и попросили их обоих прийти еще раз. Наш план был – устроить битву гитаристов и посмотреть, кто возьмет верх. А утром того дня, на который было назначено финальное прослушивание, Фил «Грязное Животное» Тейлор ушел из группы.

Дуглас, наш менеджер, позвонил мне рано утром, часов в девять, и говорит:

– Я сейчас заеду за тобой, буду через пять минут.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Надо поговорить с Филом Тейлором, – и я сразу понял, к чему идет дело.

В последнее время я не очень часто видел Фила, но у меня начало складываться впечатление, что его энтузиазм поугас. Мы с ним не обсуждали причины его ухода, но, думаю, отчасти это было связано с его желанием играть что-то посерьезнее, чем хеви-метал, который никто не назовет серьезной музыкой, что, по-моему, чушь собачья. До сих пор метал – одна из самых популярных разновидностей рока: собственно говоря, это и есть настоящий рок-н-ролл. И он требует от тебя не меньше таланта и труда, чем любая другая музыка. И еще это просто весело – чего еще желать? Как бы то ни было, я думаю, что у него были и такие мысли. С Брайаном Робертсоном мы, конечно, намучились, но Фил был чуть ли не самым большим фанатом Thin Lizzy в мире. Хотя он был со мной заодно, когда пришлось увольнять Брайана, он все равно считал, что Брайан не чета Motörhead – он наверняка что-то такое думал, потому что позже делал с Брайаном группу. А может быть – кто знает, – он просто хотел сбежать от меня!

В общем, мы с Дугласом пришли к нему домой, и он сообщил:

– Я ухожу.

– Чувак, ну ты вовремя! – говорю я.

В тот же день у нас прослушивание с двумя гитаристами, которые нарочно приехали – один из Челтнема, другой из Уэльса. А я остался без барабанщика. Но, должен признать, Фил повел себя как джентльмен. Motörhead вскоре должны были появиться в

комедийном телешоу The Young Ones и он пришел и сыграл с нами. Хоть он и ушел из группы, но сделал это пристойно, а такое не про всех бывших участников Motörhead можно сказать.

Но в тот день, когда я пошел на встречу с Вюрзелем и Филом Кэмпбеллом, меня это не очень-то утешало. На протяжении нескольких часов я был единственным участником Motörhead. Я не знал, что делать, и, придя на репетиционную базу, сказал:

– Смотрите, Фил немного задерживается. Пообщайтесь друг с другом, выпейте чего-нибудь. Я пока схожу по делам.

Я пошел в кабак через дорогу и пятнадцать минут играл в «однорукого бандита». Вернувшись, я подслушал кусочек их разговора. Вот что я услышал:

– Если ты сыграешь так, то я мог бы играть вот такую партию…

Они уже придумывали, как убедить меня взять в группу их обоих! Им не пришлось стараться, потому что я и сам склонялся к такому решению. Квартет способен делать больше звука и играть более разнообразно – если в группе два гитариста, иначе и быть не может. Конечно, мне пришлось смириться с тем, что доля заработков на каждого уменьшилась, но следующие десять лет это совершенно оправдали.

Когда это было решено, я сообщил им новость, что от нас ушел Фил Тейлор. Все приуныли, но ненадолго. Фил Кэмпбелл предложил позвать в группу Пита Гилла, и я решил, что это хороший выбор. Я помнил его как мощного, агрессивного барабанщика по нашему туру 79-го года, когда он еще играл в Saxon. Позже я услышал, что нашей вакансией интересовался Брайан Дауни, бывший барабанщик Thin Lizzy, – жаль, что тогда я этого не знал (только представьте себе реакцию Фила Тейлора!). Но Пит проработал с нами несколько лет и отлично справлялся со своим делом. Мы позвали его на репетицию, и он с охотой согласился. Мы сыграли с ним пару песен, а потом просто стояли с глупой улыбкой до ушей на лицах, потому что звучали мы просто супер.

Пит был странноватым парнем. Когда он присоединился к нам, он был не дурак выпить, а когда он выпьет, то становится уморительнейшим чуваком. Но затем он бросил пить и начал бегать по утрам – стал настоящим фанатичным неофитом здорового образа жизни. После этого с ним стало сложнее общаться. К тому же он на самом деле все равно не бегал. Он отправлялся в кафешку, завтракал и трусцой бежал обратно, делая вид, что бегал все это время. Я это точно знаю, потому что однажды мы за ним проследили! И в его поведении появились странности. Например, он мог раздеться в самый неожиданный

момент. На первом же концерте с ним, прямо посреди шоу, отрубилось электричество, и он вскочил со стула и сбросил штаны – весьма необычная реакция. Иногда он просто вываливал наружу свой хер. Скажем, летим мы в самолете, мимо проходит стюардесса, и он вытаскивает свой хер и помахивает им у нее за спиной. А если стюардесса оборачивалась, он прикрывался газетой. Это уже начало нас доставать. В Motörhead царит демократия, но, по-моему, нехорошо вот так размахивать хером, когда люди заняты своими делами и, вероятно, не желают его видеть. В своей машине, перед задним стеклом, он держал хлыст, строительную каску и разноцветный зонтик. Не буду притворяться, будто понимаю, что именно происходило у Пита в голове, но позже, как я слышал, он совершил каминг-аут и признался в том, что он гей. Это отчасти объясняет некоторые его поступки. Но была одна безнадежно необъяснимая штука – черный блокнотик, который он всегда носил с собой. Фил Кэмпбелл обнаружил его, когда Пит играл с нами уже два года. Он заглянул внутрь – это было что-то вроде дневника или ведомости. Через десять дней после того, как Пит присоединился к Motörhead, он записал: «Фил Кэмпбелл должен мне пятьдесят пенсов». Господи, на что можно тратить свое время! Но, конечно, все это открылось позже.

А поначалу было просто замечательно играть с совершенно новой компанией людей. Я помолодел лет на десять, не меньше – столько у них было энтузиазма. Для начала, чтобы разогреться, мы сыграли шесть концертов в Финляндии, и мы чудесно провели там время, очень весело – до поросячьего визга. Всю дорогу по Финляндии мы хохотали до упаду. Мы отлично играли и были просто вне себя от счастья. С Вюрзелем мы точно никогда не веселились больше, чем в этом туре. Однажды ночью он, в дупель пьяный, лежал в кровати, а наши роуди поливали его пивом. А я увел у него девицу, что было только справедливо, потому что он у меня тоже увел девицу! Черт, в этом туре за кулисами творился настоящий «Сатирикон» Феллини. Иногда это было просто страшно – что ж, тем круче! Я склеил несколько чудесных девиц. По дороге на очередной концерт нам пришлось четыре мили ехать по каким-то карьерам, но зал был набит битком. Понятия не имею, откуда взялись все эти люди! Но я замутил там с одной потрясающей девушкой – шестнадцать лет, красавица. Она разделась, и я в слезах пал на колени и вознес хвалу Господу.

В другой день местный осветитель закрылся с какой-то девицей в шкафу – больше им некуда было пойти, потому что мы тусовались в комнате техперсонала, а в гримерку мы бы их, конечно, не пустили. Так что он повел девицу в шкаф, чтобы она

ему отсосала, а мы взяли и развернули шкаф дверцами к стене. Они были там в кромешной темноте, а потом раздалось бульканье: эта девица наблевала ему прямо в джинсы. Хорош же он был – запертый в шкафу с блюющей телкой, которая стонала где-то там внизу, а какая вонища! В конце концов он спасся, пробив заднюю стенку шкафа. Отличные были концерты, веселые.

Потом в Лондоне мы сразу сыграли в Hammersmith Odeon – 7 мая 1984 года. Пит Гилл и Рэт Скэбис сбегали на верхний этаж и в мужском туалете сбили раковину со стены. Нас за это оштрафовали, но это не важно. Мы буквально вынули душу из публики в тот вечер – это был полный триумф. Нам как раз сделали новый бомбардировщик с прожекторами, потому что от старого сохранилась только половина – остальное растащили на металлолом цыгане. Они вломились на склад и вынесли что смогли по кусочкам. Правда, оказалось, что новый бомбардировщик представляет смертельную опасность. После первого же концерта, на котором он использовался, мы обнаружили трещину в металле в задней части крыла, то есть эта конструкция могла развалиться в любую секунду. А если бы она рухнула, поверьте – от нас осталось бы мокрое место. Я и так частенько бился о нее головой. И все-таки наш бомбардировщик был классным элементом шоу.

Само собой, Motörhead были готовы снова взять штурмом весь мир. Наши фэны были к этому готовы, и мы сами – тем более. Однако наш лейбл был не в форме для покорения мира, по крайней мере, в сотрудничестве с нами. Мы часто бывали недовольны Bronze Records, пока работали с ними, но, оглядываясь назад, – особенно если сравнить с лейблами, с которыми мы имели дело впоследствии, – я должен сказать, что там работали прекрасные люди. Но в 1984 году Джерри Брон уже не испытывал к нам личного интереса, и это терзало нас, потому что Motörhead были ключевой группой для его лейбла. Множество групп пришли на Bronze Records благодаря нашей репутации – Girlschool, Tank… Они подписали даже Hawkwind.

Наши отношения с Bronze окончательно испортились, когда из группы ушел Эдди Кларк. Им не понравился Брайан Робертсон, и в наш новый состав они тоже не особо верили. Следующим нашим релизом они хотели сделать сборник старых песен, а это верный знак. Если лейбл выпускает сборник твоего старого материала, значит, тебя готовятся похоронить. Видимо, на Bronze Records думали, что мы иссякли и что любые наши новые записи обречены на провал (они бы охренели, если бы знали, что ждало нас в будущем!). Несомненно, они считали, что сейчас лучше всего было бы распустить группу. Однако мы и слышать об этом

не желали, и я настоял на том, что раз уж они выпускают компиляцию, то им придется добавить к старому материалу несколько песен, записанных новым составом Motörhead, – хотят они того или нет. Я также сам выбрал песни для сборника, и к каждой из них написал комментарий. Так получилась пластинка No Remorse.

Во второй половине мая мы записали шесть песен. В No Remorse вошли четыре из них: Killed by Death, Steal Your Face, Snaggletooth и Locomotive. Остальные две песни попали на оборотную сторону сингла Killed by Death, они обе назывались Under the Knife – но это были две совершенно разные песни. Это может сбить с толку, но так и задумывалось. Вот чего не хватает рекорд-лейблам – такого вот безумия из чистой любви к искусству. Великий дар Британии всему миру – такой юмор, как в The Goon Show, The Young Ones и «Монти Пайтоне». Некоторые люди таких шуток не понимают, но тем хуже для них. Жить надо смеясь. Смех укрепляет все мышцы лица и не дает тебе стареть. Если ходить с суровым лицом, появляются ужасные морщины. Еще я рекомендую много бухать – это полезно для чувства юмора! Травка тоже обостряет чувство юмора, но затем ты теряешь его вовсе и можешь говорить уже только о космосе и прочем подобном дерьме, а это ужасно скучно.

Но, как я начал рассказывать, наши проблемы с Bronze Records были нешуточными. Они, правда, очень хорошо рекламировали No Remorse и новый сингл – не могу этого не признать. Но все это производило впечатление прощального жеста. Нашу пластинку рекламировали по телевизору; по правде говоря, получилось не так уж замечательно: они просто показали концертную съемку, где мы грохочем что есть сил, и провозгласили нас «самой громкой группой в мире» – в общем, расхвалили товар. Об этом и рассказать-то нечего. Зато мы устроили дико смешную фотосессию для сингла. Каждый член группы демонстрировал разные способы быть «убитым смертью»: меня посадили на электрический стул, Вюрзеля распяли, Фила сожгли на костре, а Пита поставили перед расстрельным взводом. Для фотосессии мы оделись как мексиканские революционеры, с ружьями и всем, что полагается, а в перерыве зашли в ближайший супермаркет купить корнуолльских пирожков с мясом. Другие покупатели занервничали. Они прижались к стенке, но мы их успокоили: «Не волнуйтесь. Грабители так не одеваются. Это было бы слишком очевидно».

Еще мы отправились в Аризону снимать клип на Killed by Death – не помню, кто за это заплатил, но думаю, это были не Bronze; наверняка мы это сделали за свой счет. MTV не стали

показывать это видео по очень глупой причине. Я там еду на мотоцикле с девушкой, и в какой-то момент я провожу рукой по ее бедру вверх. Там не было ничего шокирующего, ни волоска не видно, но все же им это не понравилось. Что за ерунда – как раз в то время они постоянно крутили видео Thriller Майкла Джексона, где все эти чуваки вылезают из-под земли, а из носа у них льется всякая херня, но против этого MTV не возражало!

В общем, фотосессии и клипы это хорошо, конечно, но наши отношения с Bronze были уже не те, и мы решили сменить лейбл. В результате следующие два года мы потратили на всякую юридическую херню, которая все это время не давала нам записать новый альбом. Были и другие досадные препятствия. Фил Кэмпбелл все еще был связан контрактом с лейблом своей старой группы, Persian Risk, а Пит Гилл вел юридические баталии за деньги, которые ему задолжали Saxon. Поэтому, хотя наши новые песни мы сочинили все вместе, официально авторами были указаны только мы с Вюрзелем. Сложностей было раз в десять больше, чем нужно.

Так как выпускать альбомы нам временно было нельзя, мы все это время делали то, что было естественнее всего: ездили в туры. Наше первое выступление после сессий для No Remorse было на мотогонках TT на острове Мэн. Мы в тот день выпили много бесплатного перно, а потом я проснулся у себя в отеле, в постели, и мне показалось, что в номере жарковато. Потом смотрю – а вокруг моих ног пылает огонь! Я заснул с зажженной сигаретой, и кровать вспыхнула. Пришлось сгрести в охапку простыни и кинуть их в ванну. Такое дерьмо все время с нами происходило – однажды я проснулся у себя дома, а весь матрас, кроме того места, где лежал я, *покраснел*. Сигарета прожгла постель и попала в матрас, и он в любую секунду был готов взорваться. Я мигом выскочил из кровати и он тут же взорвался – пламя было до потолка! Я чуть не обосрался.

После мотогонок на острове Мэн мы выступили хедлайнерами на фестивале Heavy Sound в Бельгии. Лайн-ап фестиваля был образцовым для того времени – кроме нас играли Twisted Sister, Metallica (я успел близко с ними познакомиться, и они до сих пор наши преданные фанаты), Mercyful Fate и Лита Форд (я ее знал еще с тех пор, когда она играла в The Runaways), а также всякие менее известные группы, теперь уже давно забытые. Месяц с небольшим спустя мы впервые побывали в Австралии и Новой Зеландии.

Кстати, путешествие из Англии в Новую Зеландию – то еще удовольствие. Нам пришлось пережить кошмарный тридцатидвухчасовой перелет, с учетом трех часов ожидания в

Сиднее и с пересадкой на винтовой самолет. Мы приехали в отель и обнаружили, что вода, утекающая в раковину, действительно вращается в другую сторону! Я включил телевизор и увидел серию Coronation Street двухлетней давности. У меня случился культурный шок – там на юге полно странных вещей. На первом концерте, в Данидине, мы чуть не сдохли. Через несколько дней, в Палмерстон-Норте, публика устроила беспорядки. Они все носились туда-сюда и сходили с ума, кого-то пырнули ножом в ягодицу, весь театр разнесли к чертовой матери. Дальше было лучше – в Веллингтоне и Окленде все прошло хорошо. Затем мы отправились в Австралию, и там было просто прекрасно. Австралия – чудесное место, потому что она похожа на американский Дикий Запад. Отъедешь от больших городов в маленькие городки, а там веранды, старые тротуары. Заходишь в бар – там крутится вентилятор, летают мухи, у стойки примостился местный пьяница – совсем как в салунах в кино.

В Австралии нас прекрасно принимали, особенно в Мельбурне – там у нас особенно много поклонников. На одном из концертов нам дали новые гитары. Вюрзелю досталась синяя, и из-за кулис мы слышали, как публика скандирует: «Кто этот парень с синей гитарой? Вюрзель, Вюрзель!» Один чувак ездил за нами по всему континенту – ради этого он сдал в ломбард свой видеомагнитофон. Он нас обогнал по дороге из Аделаиды в Мельбурн – а дорога там долгая. Он практически угробил свою машину, очень уж неблагоприятный там климат! Но для него это, видимо, стоило того, и потом он написал об этом опыте.

В сентябре мы ненадолго заехали домой – как раз успели поработать над парой новых песен, которые потом вошли в Orgasmatron, а потом дали несколько концертов в Венгрии – это еще до падения коммунистического режима. Это был очень необычный опыт. С таможенниками общаться не пришлось – нас сразу пропустили в VIP-зал, а эти русские смотрели на нас, открыв рот. Если ты работаешь промоутером в коммунистической Венгрии, у тебя не может не быть знакомств в пограничной службе, да? Я в этом не сомневаюсь! У самолета нас ждала машина, нас очень быстро провели через контроль, обращались с нами как с высокопоставленными гостями, отвезли в концертный зал, там мы сделали саундчек, и потом нас отвезли в отель. На следующий день мы отправились на концерт и увидели вокруг зала целую армию, а наши венгерские фанаты прорывались через ряды. Они были очень возбуждены – думаю, мы были первой группой за долгое время, приехавшей к ним на гастроли. Потрясающее зрелище – тысячи людей, берущие штурмом зал под охраной венгерской армии! На наш концерт пришли 27 000

человек. Отличный концерт. Единственное, что меня расстраивает, – это все было в Венгрии, поэтому об этом никто не услышал. Я давно заметил: во всех этих нищих странах, так называемых странах третьего мира, люди более доверчивые и добрые. У них больше энтузиазма. Смотришь на это и думаешь: что с нами сделала цивилизация? Она притупила наши чувства и сделала нас менее открытыми и толерантными. Цивилизация это, по-видимому, проклятие – благослови Боже свободный рынок!

Мы вернулись в Англию и, перед тем как отправиться в тур в поддержку No Remorse (он вышел в Великобритании месяцем раньше), выступили на канале ITV в детской программе Saturday Starship (она выходила утром по субботам – вместо TisWas). Какие-то люди жаловались, потому что мы репетировали перед этой программой рано утром на парковке канала. Не знаю, в чем была проблема: нам назначили репетицию на 8:30 и поставили нам сцену на парковке. Потом мы сыграли на фестивале Wooaarrggh Weekender в Норфолке, устроенном журналом Kerrang! Концерт был ужасный, и, как обычно бывает в мире Motörhead, с него велась трансляция.

Посреди британского тура Вюрзелю пришлось лечь в больницу – у него нашли камни в почках, и последние даты мы доигрывали втроем. Когда мы играли последний концерт тура, в Hammersmith Odeon, его отпустили сыграть несколько песен. Мы посадили его в инвалидное кресло, и две порнушные «медсестры» выкатили его на сцену. Публика ликовала – напоминаю, что на тот момент он играл в Motörhead меньше года! А еще тем вечером нам вручили серебряный диск за No Remorse. В общем, неслабо для группы, чьи дни, как считалось, были сочтены.

Остаток 84-го года мы провели в гастролях по Америке. Фил и Вюрзель впервые оказались там (Пит ездил туда раньше в составе Saxon), и я был их гидом. Я получил огромное удовольствие от этой поездки: последние пару лет с Филом Тейлором и Эдди нам было уже не очень весело, а с Брайаном вообще никакого веселья не было: по правде говоря, это были полтора года сущей пытки. Но, как я уже сказал, когда к группе присоединяются молодые парни, ты и сам молодеешь. К Рождеству мы сняли маленькое видео для MTV: открывается дверь, а там сидим мы и нестройными голосами жутко фальшиво поем Silent Night. В конце декабря мы дали несколько концертов в Германии.

После этого мы не гастролировали несколько месяцев. В начале 85-го мы несколько раз появлялись на ТВ – в основном в Британии, пару раз в Швеции. Мы снялись в первом выпуске программы Extra Celestial Transmission на канале ITV –

сокращенное название ECT, что я из лучших побуждений расшифровывал как Eric Clapton's Tits («Сиськи Эрика Клэптона»). Это шоу было посвящено хеви-металу, и публику попросили «одеться вызывающе». Чтобы соответствовать духу события, я попросил гримеров нарисовать мне супер-реалистичный двойной шрам на лице и оделся по-гангстерски: белый двубортный пиджак (мой любимый), черная рубашка, белый галстук и облегающие темные очки. Пара моих приятелей из Ангелов ада увидели нас по телевизору и вызвались убить человека, который порезал мне лицо!

Еще я несколько раз появился на публике без группы. Например, слетал в Германию, чтобы выступить по телевизору с Кирсти Макколл (мир ее праху: охренительная была девушка). Я играл на гитаре, надев темные очки и костюм тедди-боя, и во время своего соло упал на колени – по правде говоря, я сам не знал, что играю! В той же программе были Frankie Goes to Hollywood, и с ними я тоже вышел на сцену. Им это почему-то было очень приятно, и позже, когда у них был концерт в Hammersmith Odeon, они позвали меня сыграть с ними Relax. Я должен был играть на гитаре, только я не знал аккордов. Все равно никто не знал, кто я такой: аудитория Frankie и аудитория Motörhead не пересекаются, и они так и не поняли, что происходит.

В тот вечер они устраивали вечеринку в отеле Holiday Inn в Челси, и мы пошли на нее. Гэри Глиттер ходил со стаканом *и* сигаретой в каждой руке – он был в невменяемом состоянии. Вокруг кружились две девицы в басках, которые отчаянно хотели трахнуть басиста Frankie (геями у них были только Холли Джонсон и второй певец[53]). Они только этого и хотели, и он был единственный, с кем у них так ничего и не вышло. Им достались все остальные, включая полный состав Motörhead! Они делали кому-нибудь минет, а потом просили: «Если встретишь басиста…» Но тот уже два часа как ушел домой со своей женой. Последний раз я видел Холли Джонсона на концерте Frankie в Уэмбли, он был со своим бойфрендом – огромным парнем, который никого к нему не подпускал. Есть такие люди, которые защищают своего партнера от всех, даже от друзей. Холли собирался уйти из группы, а я пытался его отговорить. Я сказал: «Ты делаешь ужасную ошибку», и это действительно была ошибка, потому что с тех пор никто ничего не слышал ни о нем, ни об остальных парнях. А ведь какое-то время они были безумно популярны.

В том же году я познакомился с Самантой Фокс. Мы с ней оказались в жюри конкурса по поеданию спагетти (там соревновались сущие звери!). Я был ее фанатом еще с тех времен,

когда она была моделью с третьей страницы Sun, и мы подумывали выпустить совместный сингл – кавер на Love Hurts[54]. Я дал ей послушать кассету с моей демо-записью, но у каждого из нас были свои планы, и мы не смогли найти время, так что из этой затеи, к сожалению, ничего не вышло. Она тоже потом куда-то пропала. Она была очень симпатичная, но, так сказать, не справилась с управлением. Менеджером у нее был ее собственный отец, а из этого никогда ничего хорошего не получается, и он привел ее к полному забвению. Но, похоже, она с тех пор вернулась к активной жизни: недавно Motörhead впервые выступили в России, и мы пошли в клуб, принадлежащий нашему промоутеру, а там сидит Сэм Фокс! Приятно было встретиться после стольких лет!

Motörhead временно не могли делать альбомы, но это не мешало нам заниматься другими вещами, например, участвовать в благотворительных акциях. Джерри Марсден из Gerry and the Pacemakers собрал кучу народа, чтобы спеть You'll Never Walk Alone[55], а прибыль от продаж сингла пошла в фонд борьбы с последствиями пожара на футбольном стадионе «Брэдфорд Сити». Там были я, Вюрзель, а также Фил Лайнотт и Гэри Холтон и многие другие. Сингл занял первое место и принес нам золотой диск. Еще я вместе с Гаем Бидмидом спродюсировал песню Ramones Go Home Ann, которая вышла на оборотной стороне сингла Bonzo Goes to Bitburg. Но я бы предпочел поработать над песней побыстрее, вроде Beat on the Brat или I Wanna Be Sedated.

В конце июня Motörhead исполнялось десять лет, и мы отпраздновали это несколькими концертами в Hammersmith. Веселые были концерты. В первый вечер на сцену вышли все, кто когда-либо играл в Motörhead – это было круто. Еще к нам присоединились Венди О. Уильямс и Girlschool. Во второй вечер все появились снова, кроме Ларри Уоллиса. Пришел даже Лукас Фокс, хотя он играл в группе всего несколько месяцев. Так как мы не могли поставить на сцену три ударные установки, мы вручили Лукасу гитару, которая должна была остаться неподключенной. Конечно же, ее подключили, а вот гитару Брайана Робертсона – нет. Типичная история для нас. Фил Лайнотт тоже вышел на сцену, он просто не мог этого не сделать. Мы играли Motörhead, но он понятия не имел, что играть (Эдди Кларк орал ему: «Ми!» – тоже все позабыл[56]). Фил Лайнотт был моим хорошим другом, но он никогда не слышал нашу главную песню. Мы записывали эти концерты, и Вик Мейл сделал специальный микс для Фила, в котором вывел его бас на первый план – просто чтобы смутить его. Но Фил отомстил нам из могилы, когда я пару лет назад вышел на сцену с группой Даффа Маккагана в Hollywood

Palladium. Они стали играть The Boys Are Back in Town, а я не знал ее! Они планировали играть со мной другую песню, но в последний момент передумали.

Так вот, второй юбилейный вечер закончился тем, что нам выкатили огромный праздничный торт, а из него выскочила миниатюрная девушка с огромными воздушными шариками под майкой. В тот вечер я ушел с ней – собственно, в то время мы встречались. Ее звали Кэти… красавица! Мы выпустили видео с этого концерта под названием The Birthday Party. Наш менеджер хотел выпустить и аудиоверсию тоже, но мы сказали нет. Я думал, что это повредит продажам видео, и еще я думал, что это было бы нечестно – просто еще один способ срубить с фанатов бабла. И мы не думали, что эта запись достаточно хороша для альбома – в конце концов, перед этими двумя концертами мы не играли вместе пять месяцев. Мы на этом сильно повздорили с Дугом Смитом. Споры и обиды продолжались много лет. В конце концов он победил. Теперь трудно понять, почему мы так упирались, но в то время это казалось чем-то очень важным.

После концертов в Hammersmith Odeon мы месяц ездили по Скандинавии. Мы сыграли там везде, где только возможно, – даже за полярным кругом, и вообще в каждом занюханном городишке. Летом в Швеции проводят ярмарки, и мы сыграли на каждой из них, а еще объездили всю Норвегию и пару раз сыграли в Финляндии (последний концерт этого тура был в Гетеборге, в Швеции – наш теперешний барабанщик, Микки Ди, тогда жил там, а мы и понятия не имели!). Мы назвали этот тур It Never Gets Dark Tour, потому что летом там и правда никогда не темнеет. Солнце опускается низко над горизонтом, а потом снова восходит. В Норвегии у нас был промоутер из ада. Он постоянно давал нам неправильные сведения о том, как добраться от одного места выступления до другого, и мы постоянно пропускали паромы – Норвегия сплошь состоит из фьордов, и нужно постоянно переправляться на паромах, но мы пропустили половину паромов, и приходилось добираться на моторных лодках. Это нас очень бесило и к тому же влетало в копеечку, и мы постоянно опаздывали на концерты. Однажды мы приехали на концерт с большим опозданием, входим в гримерку, там стоит тазик с холодной водой, в нем плавает одна банка пива, а на столе три йогурта, крекеры, фрукты и орешки – в общем, корм для медведей. Я говорю промоутеру: «Эй, подойди-ка на минутку!», и, прежде чем он успел выбежать за дверь, запустил в него этими йогуртами. Чуть позже дверь гримерки чуть приоткрылась, и к нам по полу прикатилась бутылка водки. В конце концов в Тронхейме наше терпение лопнуло, и мы облили

его сырным соусом. Нам как раз уже в пятый раз пришлось плыть на моторной лодке, концерт задерживался на два часа, и мы были очень злы. В том, что концерты начинаются с опозданием, слушатели всегда винят музыкантов. И вот мы наконец вышли на сцену, а этот мудак-промоутер стоит, облокотившись на порталы, и всем своим видом показывает, какая он важная птица, потому что он был из этого города. Тут сзади к нему подходят наши роуди, хватают его, надевают на него наручники, стаскивают его со сцены и стягивают с него штаны. И потом обливают его сырным соусом, и майонезом, и вообще всем, что попалось им под руку. Наш тур-менеджер, Грэм Митчелл, подходит к микрофону и говорит: «Видите этого козла? Вот из-за кого мы сегодня опоздали на концерт!» И бдыщь! – мы столкнули его со сцены. Чувак отправился в полицейский участок прямо как был! Весь в этой жиже, в такси! После концерта в гримерке раздается неизбежный стук в дверь: бум! бум! бум! – за дверью стоит коп, настоящий гигант (норвежцы высокий народ), он выглядел, как такой супер-гестаповец.

– Кашется, вы стелали что-то очень ушасное с этим человеком, – сообщил он нам.

– Да? Он нас все время заводил не туда, – и мы рассказали ему о наших злоключениях.

– Да, да, да! – говорит он. – Но это не пофод опливать человека сырным соусом!

По-видимому, больше всего его возмутил именно сырный соус, а не физическое насилие. Главное – соус. Странно.

Вернувшись в Лондон, мы пару раз появились на публике, прежде чем снова отправиться в Штаты. Hawkwind организовали концерт против героина в Crystal Palace, и я вышел на сцену и сыграл с ними несколько вещей. Здесь я хотел бы отметить, что, по-моему, все эти концерты против наркотиков – полная нелепость. Обычно их устраивают люди, которые сами убиты в хлам, что само по себе уже лишает происходящее всякого смысла. И что ты будешь делать с деньгами, которые получишь, сыграв на концерте против героина? Ты ведь, конечно, не будешь покупать на них всякую дурь?! Они организуют все эти центры и рехабы, которые на самом деле не работают. Ни один уважающий себя наркоман не станет прислушиваться к людям, которые заправляют подобными местами, потому что все эти центры похожи на клубы для мальчиков и девочек, а люди ведь для того и принимают всякое дерьмо, чтобы бросить вызов поколению своих родителей. У них нет ни малейшего желания собираться вместе и выслушивать, какие они нехорошие и как плохо себя ведут. Единственное, что можно сделать с наркоманом, это

запереть его в комнате и держать там, пока он не перетерпит отказ от веществ, а потом выпустить его на свободу и посмотреть, останется ли он и дальше чистым. Больше ничего сделать нельзя. Да и в этом пользы тоже немного, потому что героинщик должен сам захотеть слезть. Это они должны приходить к тебе. И предлагать им рехаб как альтернативу тюрьме тоже бессмысленно: какой идиот выберет тюрьму, да? Они идут в рехаб, чтобы от них отвязались и, может быть, чтобы избавиться от надоевшей подружки. После рехаба они пару месяцев имеют возможность экономить, потому что им нужно принимать гораздо меньшую дозу, чем раньше. С моей точки зрения вся эта «война против наркотиков» – полный бардак.

Но хватит об этом. Венди О. Уильямс и Plasmatics играли в Camden Palace, и мы с Вюрзелем присоединились к ним и сыграли пару наших песен – Jailbait и No Class. Они издали видео этого концерта, вдруг оно вам попадется. Через месяц, в ноябре, мы уже были в Америке, и в завершение тура я появился на MTV с Ди Шнайдером. Мы как раз получили приятное известие: наши юридические баталии с Bronze Records закончились, и мы могли начать 1986 год записью нового альбома.

Глава 10. (Не позволяй им) сломить тебя

Конечно же, Motörhead не могли подписаться на абы какой лейбл. Наш менеджер, Дуг Смит, убедил нас, что нам лучше всего выбрать его фирму, GWR (расшифровывается как Great Western Road – улица, где располагался их офис). Таким образом, наш менеджер и наш лейбл оказались под одной крышей. А еще Дуг и его жена занимались нашим мерчандайзом. Любой бы мог сказать нам, что это нездоровая ситуация – когда у твоего менеджера столько власти, но никто нам этого не сказал. И, как обычно, не задумываясь о деловой стороне, мы приступили к записи Orgasmatron.

Orgasmatron был нашим первым полноценным альбомом за три года, и по сравнению с предыдущим альбомом, Another Perfect Day, весь состав группы, кроме меня, сменился, но это нас нисколько не смущало. Записывая новые песни для No Remorse и разъезжая по всем этим гастролям, мы вчетвером успели хорошенько привыкнуть друг к другу! Мы сделали этот альбом за одиннадцать дней, что, как вы уже могли понять, для Motörhead проще простого. Все прошло очень легко, потому что парни были просто счастливы оказаться в студии. Правда, в первый день мы немножко испугали нашего продюсера, Билла Ласвелла. Мы с Полом Хэдвеном, который тогда был секретарем нашего фан-клуба, пьянствовали в одном кабаке и прочитали в газете рекламу стриптизерш-толстушек. Мы сразу подумали: «Это как раз для Фила Кэмпбелла!», и сделали заказ. Потом мы отправились в студию с Биллом Ласвеллом и его звукорежиссером, Джейсоном Корсаро. Они только что прилетели из Штатов и еще не успели с нами познакомиться: до того я общался с Биллом всего полчаса, и, конечно, ни о каких толстушках-стриптизершах речь не заходила. Билл с Джейсоном были такие бравые американцы: «Ну давайте, ребята, у вас все здорово получится!», и так далее. Но в холле стоит эта бабища (Фил потом признался, что принял ее за чью-нибудь маму), которая заходит вместе с нами в студию и спрашивает: «Кто здесь Фил?» Фил говорит: «Я». ОП! Она скидывает платье и стоит такая огромная, еле прикрытая, сиськи наружу, и поет: Happy birthday to you! (наверное, это не был день рождения Фила – но ей мы сказали, что он именинник!). Она хватает Фила и сует его голову себе между сисек – снаружи остался только хохолок! А потом она начала бить его сиськами по щекам! Чуть в нокаут его не отправила. Это было круто, а

Ласвелл и Корсаро съежились за пультом и такие: «Что, блядь, происходит?» Так их встретили Motörhead.

Как выяснилось, Билл Ласвелл умел находить отличные звуки, но в миксе он все запорол. Когда он увозил пленки в Нью-Йорк для сведения, альбом был гораздо лучше, чем когда он привез его обратно. Мы собрались большой компанией – наши люди и люди Ласвелла – для торжественного первого прослушивания, и наша пиарщица принесла ящик шампанского, чтобы это великое событие прошло как полагается. Это было ужасно. Orgasmatron звучал как сплошная грязь. В Ain't My Crime должно было быть четырехголосие, но три голоса он просто убрал нахер! Не буду утомлять вас перечислением остальных «достоинств» микса. Достаточно сказать, что наша пиарщица тихонько затолкала ящик шампанского ногой под стол, а менеджер Ласвелла стоял у двери и старательно пританцовывал. Это был полный провал. Я попытался пересвести часть альбома, но Билл и Джейсон не особенно мне помогали, потому что «это был наш микс, и *нам* он нравился, и все уже сделано, а этот трудный человек пытается учить нас нашему делу» – что ж, полагаю, я и правда трудный человек, если так называется человек, который просто хочет сделать свою работу как надо!

Я не сразу придумал название Orgasmatron. Рабочее название альбома было Riding with the Driver (каждый студийный альбом Motörhead, кроме Bastards 1993 года, называется по одной из песен), но одноименная песня получилась не так хорошо, как мы надеялись. В то время я даже не знал, что «оргазматрон» это название какого-то фантастического прибора в фильме Вуди Аллена[57] – я не смотрел этот фильм, – но с тех пор я часто об этом слышу! Это слово я придумал сам. Многие наши фэны считают этот альбом «классическим», и на нем есть отличные песни – Orgasmatron и Deaf Forever, например. Но я никогда не примирюсь с миксом. С моей точки зрения, этот альбом должен был получиться в два раза лучше. Но хочу отметить, что на конверте оригинального издания альбома имеется отличная фотография Ларса Ульриха. За пару лет до того он зашел к нам пообщаться в отель Beverly Sunset в Лос-Анджелесе, и ему стало нехорошо. Он тогда был совсем юнец, но неверно говорить, что я научил его бухать, – на самом деле я научил его блевать, и именно это он и сделал, прямо на себя – вот к чему привела его попытка угнаться за старшими! Фотодокумент этого классического момента в истории рока опубликован на конверте Orgasmatron.

У нас появился новый альбом, который нужно было рекламировать, так что мы снова отправились в тур, и Дугласу

пришлось снова пытаться превзойти самого себя по части сценических декораций – так появился поезд Orgasmatron, в пару к тому, который изображен на обложке альбома. Спереди у поезда помещалась ударная установка, и этот поезд выезжал по рельсам посреди сцены – то есть Пит выезжал вперед на поезде. Но он никогда не работал как следует. То нельзя было нормально проложить рельсы по сцене, то еще что-нибудь. У Дугласа бывали прекрасные идеи – бомбардировщик был великолепен, но на этот раз у него получилась херня. Как и этот чертов Железный кулак. Тем не менее этот поезд объездил с нами почти всю Европу.

Orgasmatron должен был вернуть нас в строй – новый альбом с новым составом и все такое, – но его никто не покупал. Или, вернее сказать, никто не мог его купить. GWR отдали его разным дистрибьюторам в разных странах, и большинство из них очень хреново справились с задачей разослать его по магазинам. Но мы сыграли во всех обычных местах – тур по Европе, фестиваль «Монстры рока» в Касл-Донингтоне, тур по Англии и тур по Штатам. Мы начали американский тур с Megadeth в качестве разогревающей группы, но они были молоды и неопытны и не справились. На первом концерте, в Окленде, они разложили свой баннер на полу прямо перед входом в нашу гримерку, а так как у нас нет ничего святого, то мы и прошли прямо по нему. Влетает их менеджер и вопит:

– Вы наступили на наш баннер!

Я говорю ему:

– Послушай, нет никакой возможности попасть в нашу гримерку, не пройдя по вашему баннеру. Почему вам надо было разложить его именно здесь?

Наш саундчек затягивался – дело было, как я помню, в Kaiser Auditorium. Первое шоу тура никогда не проходит гладко; у нас в команде были новички, и они все еще что-то доделывали и в процессе учились. И этот их менеджер подбегает к пульту звукорежиссера, а тот как раз заканчивал отстраивать барабаны, и говорит:

– Пора вам, ребята, уходить со сцены. У меня вот тут в контракте написано, что сейчас должен начаться саундчек у моей группы.

Дейв, наш звукорежиссер, оборачивается и смотрит на него в упор.

– Простите? – говорит он.

– Скажите своим парням, чтобы уходили со сцены, – велит этот идиот.

Дейв достает полицейскую дубинку, которую он всегда держит за пультом:

– Если ты сейчас не исчезнешь, я дам тебе этой штукой промеж глаз.

Чувак скрылся за кулисами, крича что-то нечленораздельное. А в это время Дейв Мастейн, фронтмен Megadeth, пришел к нам извиниться и отрубился прямо у нас в гримерке! Бедняга Дейв в то время был не очень-то адекватен – с тех пор он пришел в себя. А снаружи шныряет их гребаный менеджер и знать не знает, что его рок-звезда, вполне возможно, умирает у нас на диванчике! Но должен сказать, справедливости ради, что хотя мы выгнали Megadeth с тура на следующий день из-за всей этого дерьмовой ситуации с их менеджером, это на самом деле была не их вина. Дело было в менеджере – нам следовало *его* выгнать с тура. Много лет спустя, на выставке NAMM Show, Дейв Мастейн подошел ко мне и извинился за те события. Это было благородно с его стороны, потому что его никто не заставлял. Мы могли и дальше существовать параллельно друг другу, и все было бы нормально. Желаю ему всего наилучшего. Умный парень этот Мастейн; у него веснушки, но он умный парень.

По большому счету для нас это был не самый триумфальный тур по Америке. В Новом Орлеане публика плевалась в меня (панки же, сами понимаете!), и я предупредил их, что если они не прекратят, то я уйду со сцены. Они не прекратили, я ушел, они устроили разгром, их поливали водой из пожарных шлангов, вся байда. Потом в Авроре, штат Иллинойс, мой техник Грэм, работавший у меня много лет, разбил мой любимый бас – у него был классный звук, и я играл только на нем с тех пор, как он у меня появился, вплоть до того дня, когда его разбили. Грэм сделал это не нарочно, он пришел ко мне, корчась от хохота, а две половинки баса висели у него на шее. Бас все еще можно было починить, но он отнес его на парковку и в приступе раздражения разнес на мелкие кусочки, поэтому я его уволил.

В коротких перерывах между всеми этими разъездами я засветился там и сям. Я сыграл бандита с Дикого Запада (вот мое амплуа, да?) в клипе Boys Don't Cry I Wanna Be a Cowboy. Я присоединился к Hawkwind на фестивале в Рединге и спел Silver Machine. Потом еще был концерт в честь Босса Гудмена в Dingwalls. Босс был сначала роуди, а потом менеджером Pink Fairies, а потом стал главным в Dingwalls. Он был одним из важных людей в индустрии. Приятный человек, и в его честь устроили концерт, потому что он решил уйти на покой, что и сделал – я с тех пор его не видел. В общем, мы с Вюрзелем сыграли несколько песен с Рэтом Скэбисом из The Damned и Миком Грином из The Pirates. С нами еще должен был играть Ларри Уоллис, но он там выступал еще с двумя группами

(включая свою собственную, Love Pirates of Doom) и отказался прийти к нам на репетицию. Он нас так достал, что Мик Грин в конце концов сказал ему: «Слушай, Ларри, мы справимся, понимаешь, что я хочу сказать? Спасибо». Ларри все равно был нам не нужен – Мик прекрасный гитарист, и мы хорошо выступили. Параллельно с этим Motörhead сделали неизбежную запись для Джона Пила на Би-Би-Си (Peel Sessions), и еще я появился в клипе группы Doctor and the Medics. Продажи Orgasmatron были не очень, зато мы в 1986 году все время были на виду!

В начале 87-го года я сыграл настоящую роль в фильме «Съешь богатых», и в саундтреке есть несколько песен Motörhead – в основном вещи с Orgasmatron плюс специально записанная Eat the Rich. Этот фильм снимали люди из команды The Comic Strip, которые делали телешоу The Young Ones и еще несколько проектов. Одно из их ранних шоу, Bad News, было про вымышленную хеви-метал-группу – как Spinal Tap, но даже лучше (мне ли не знать!). Группа из этого шоу, которая тоже называлась Bad News, играла перед нами в Касл-Донингтоне, мы разговорились, и в результате Питер Ричардсон, режиссер этого фильма, позвонил мне и спросил, не хочу ли я в нем сыграть. Вот так я и получил роль.

Честно говоря, я не люблю сниматься в кино – я это делал уже несколько раз. Это скука смертная. Тебе велят прийти на площадку в четыре утра, а потом в три часа дня тебе сообщают, что ты сегодня не понадобишься. Так что все съемки ты проводишь в компании этих гребаных актеров и просто ждешь. Но на съемках «Съешь богатых» было не так уж плохо. Я проводил долгие часы, выпивая с Ношером Пауэллом, который играет там главную роль – министра внутренних дел. Теперь у него клуб на юге Лондона, куда ходят подонки и гангстеры всех мастей. Моего персонажа звали Паук, он работал на советского двойного агента Капитана Фортуну, которого играл Рональд Аллен – в 50-е он играл в фильме «Незабываемая ночь», также известном как «Гибель “Титаника”». Я не буду подробно рассказывать сюжет «Съешь богатых» – это черная комедия с сильным политическим уклоном, где в сюжете имеется людоедство в шикарном ресторане. Многие знаменитости сыграли там камео – Пол и Линда Маккартни, Билл Уаймен, Ку Старк, Анджела Боуи (сама-то она ничего особенного не сделала – она прославилась только тем, что была замужем за Дэвидом Боуи). Это очень английский фильм. Многие американцы в него не врубаются, но, по-моему, он весьма неплох.

Моя роль не требовала никакой особенной актерской игры; я

просто играл сам себя – даже снимался в собственной одежде. Указания режиссера сводились к «иди вот сюда и скажи то-то и то-то». Если вы найдете этот фильм, присмотритесь к сцене, где я еду на мотоцикле: это на самом деле не я. Они снимали эту сцену, когда я был в американском туре с Motörhead, и мне пришлось оставить им свою одежду. В итоге моим дублером была девушка… рослая девушка. Что скажете, любители «любопытных фактов» о кино?

В конце концов режиссер пригласил в фильм полный состав Motörhead: мы сменили группу в сцене танцев. Эта идея пришла ему в голову прямо посреди съемок. Если присмотреться, можно увидеть, что на протяжении этой сцены музыканты сменяются. Сперва там нет никого из нашей кодлы, потом там играю я, а остальные музыканты – обычные парни, затем появляется Фил, потом Вюрзель и Фил Тейлор (в то утро я как раз уволил из группы Пита Гилла, и Грязное Животное пулей примчался на своей тачке, чтобы сняться с нами в кино). Несостыковка, да, – и хрен с ней!

Увольнение Пита Гилла назревало давно. Питер был сам себе злейшим врагом, он тоже был такой человек, которому мало просто играть в группе. Он несколько раз спорил с моими решениями и злил Фила и Вюрзеля. Я устал от его нытья, и последней соломинкой стало то, что однажды нам пришлось ждать его, пока он двадцать минут торчал в холле своего отеля и читал газету. Я знаю, это сущая мелочь, но в семьях скандалы почти всегда начинаются с мелочей, правда? А группа это и есть семья. Я не выгонял его из группы еще месяца два, но все это было уже не то. Когда-то надо поставить точку. Я уже знал, что Фил Тейлор хочет к нам вернуться. Он играл в группе Фрэнки Миллера вместе с Брайаном Робертсоном, и они не очень ладили. Однажды Motörhead летели домой из тура по Штатам, и в одном самолете с нами были Фрэнки Миллер, Фил Тейлор и Роббо. Это уже было удивительное совпадение, а потом эти трое начали ругаться. Вскоре Фил подошел к нам и попросился назад в группу, но мы ответили: «Э-э, пока что мы планируем играть с Питом» – мы еще не знали, какое вероломство нам грозит. Я страдаю от собственного гребаного благородства – Брайан Дауни из Thin Lizzy примерно тогда же просился к нам, а я ему отказал!

Ситуация с Питом дошла до критической точки в день съемок. Он все делал так медленно, а нам постоянно приходилось его ждать. Это меня бесило – в конце концов, я же люблю спиды, я не люблю ждать. В то утро мы поехали на машине забирать его и Фила Кэмпбелла из гостиницы. Фил моментально вышел, но Пит все еще сидел у себя в номере неодетый, и мы ждали его в

машине полчаса, пока он там колупался. Потом в холле он прощался с какими-то знакомыми, а нас уже ждали на съемочной площадке! Киношники сидели с выключенными камерами. Наконец он появился, но я уже был сыт этим по горло. Я опустил стекло и сказал: «Пошел ты нахер! Ты уволен!» – и мы уехали. Тем все и кончилось. Последнее, что я слышал про Пита, это что он гастролирует с каким-то альтернативным составом Saxon. Там играли три бывших участника Saxon, которых когда-то уволили, и они выступали под названием Son of a Bitch – а это было первое название Saxon.

Так вот, уволив Пита, мы взяли назад Фила Тейлора. Теперь понятно, что это была ошибка, но задним умом все крепки, да? Некоторое время дела шли нормально, но это было уже не то, что раньше, и я должен был это предвидеть. Но в июне мы снова были в студии и записывали новый альбом – Rock and Roll.

Rock and Roll неплохой альбом, но не из числа наших лучших. Записывать его было тяжеловато – серьезных проблем не было, но было несколько сложных моментов. Самой большой ошибкой было то, что продюсером мы выбрали Гая Бидмида. Он на самом деле просто звукорежиссер, так что продюсировать альбом нам фактически пришлось самим. Но поначалу позвать Гая казалось нам хорошей идеей. Он немного работал с Виком Мейлом, который помогал нам делать две наши самые успешные пластинки, и он был звукорежиссером на записи новых треков для No Remorse. Но сотрудничество с ним как-то не сложилось. Гай, в общем, не виноват – мы тоже несем за это ответственность. Мы сами принимали все решения, и тот, кто оказывался в данный момент у пульта, делал себя громче всех! Из-за этого запись шла очень сумбурно. К тому же у Вюрзеля был сложный период в жизни. Его супруга все время приходила к нам на студию, она бегала за ним и устраивала семейные скандалы, когда мы вообще-то должны были работать. Это точно не облегчало дело. Качество альбома часто зависит от того, что происходит в жизни у музыкантов, пока они его записывают. Если у чувака ссоры в семье, или у него проблемы с деньгами, или еще что-то, это портит его работу, потому что он не сосредоточен на своем деле на сто процентов. В довершение всего этого мы не успевали поработать над песнями достаточно основательно, а это приводит к пустой трате времени.

С другой стороны, были и веселые моменты. Мы записывали Rock and Roll в нескольких студиях, в том числе в студии Redwood, одним из хозяев которой был Майкл Пейлин[58], и оказалось, что тамошний звукорежиссер делал все записи «Монти Пайтон». Он показал нам несколько вещей, которые они так и не

использовали. И мы пригласили Майкла Пейлина прийти на студию и записать монолог для альбома. Он появился, одетый по моде игроков в крикет 40-х годов – полосатый блейзер, парусиновые штаны, белые спортивные тапочки на резиновой подошве, свитер с V-образным вырезом, волосы зачесаны набок. Как с картинки сошел. Он появился и спросил:

– Привет, что же мы сейчас будем делать?

Я говорю:

– Ну, помнишь, в «Смысле жизни по Монти Пайтону» был монолог, который начинался со слов «Господь всемогущий…»

– А! – сказал он, – дайте мне побольше реверберации.

И он встал перед микрофоном и произнес монолог. Это было круто.

Хотя и до, и после этого мы делали альбомы получше, на Rock and Roll было несколько отличных песен, например, Dogs и Boogeyman. Traitor на долгие годы вошла в наш концертный сет-лист. А монолог Майкла Пейлина («Господь всемогущий, взгляни на этих людей из Motörhead…») – настоящая нетленка. Но в целом альбом хромает. И все же я не назвал бы его *плохим* альбомом – плохих альбомов мы, по-моему, никогда не делали.

Ну вот, сделав новую пластинку, мы должны были заняться обычными рекламными делами. На канале MTV Europe устроили «Международный день Лемми», но об этом я, откровенно говоря, ничего не помню. И, конечно же, оставшуюся часть года мы провели в туре по Англии и Европе. В начале 1988 года мы планировали тур по Америке с Элисом Купером, но мы пропустили целый месяц, потому что этот гребаный департамент иммиграции не спешил выдавать нам разрешение на работу. Гребаная бюрократическая херня. Я хочу сказать – благодаря нам в Америку приходят деньги, а им насрать. Они скорее легализуют всех нелегальных иммигрантов. Кстати, я с этим делом как раз опоздал на год – их легализовали в 1991 году, а я тогда жил в Америке только полгода. Если бы я знал, что это произойдет, я бы просто остался в Америке по истечении срока действия моего разрешения на работу, а затем легализовался бы вместе с остальными и получил бы грин-карту. А так я не могу получить грин-карту, потому что меня арестовали в США за две таблетки снотворного в 1971 году, – само собой, они должны проявлять осторожность, я же опасный наркоман, да? Блестяще работают, нечего сказать.

А когда мы наконец присоединились к туру Элиса Купера, это оказалось то еще мудоебство. Элис тут ни при чем – он и понятия не имел, что нам пришлось пережить из-за его тур-менеджера. Этот парень был просто мудак. Он усложнял нам жизнь как мог –

он же работал на суперзвезду, значит, кому-то другому было суждено страдать и оказываться в идиотских ситуациях. Нам было нельзя то, нельзя это: гребаные гордые сукины дети, за кого они себя принимают? Это просто группа, чай, не парламент – хотя и парламент-то, между нами, не такая важная штука. В конце концов этот идиот отобрал у нас пропуска, по которым мы могли ходить везде, и дал вместо них такие пропуска, по которым мы могли находиться за сценой только до начала своего выступления. То есть, сыграв концерт, мы уже не могли пройти за сцену. Естественно, я не собирался терпеть такое дерьмо, так что я обошел всю нашу команду и сказал: «Давайте мне эти гребаные бумажки!», и собрал у них все пропуска. Потом я направился прямиком в офис организаторов тура, вывалил ворох бумажек им на стол и говорю: «Вот, забирайте! Мы в этом больше не участвуем». Я направился к выходу, а Тоби, бухгалтер Элиса (вот у него были мозги), подошел к нам, поговорил и вернул нам наши пропуска. Тоби до сих пор работает у Элиса; а вот тот чувак уже нет. Что тут еще скажешь? Много лет спустя я разговаривал с Элисом, и он не знал эту историю и понятия не имел, что от его имени делались такие вещи, из-за которых он выглядел как мудак – а он определенно не мудак. Единственное, что я никогда не понимал его фанатичного увлечения гольфом. Ну что это такое? Бьешь палкой по мячику, потом идешь за ним следом и бьешь снова! Я вот что скажу: если ты ударил по мячику и потом нашел его, тебе повезло, чувак! Положи его в карман и иди домой. (Спасибо, Джордж.)

У нас были свои развлечения. Фил Кэмпбелл закадрил одну из танцовщиц Элиса. Я ему этого так и не простил – такая она была красавица. Гейл была отличная девчонка, и мы до сих пор видимся, когда проезжаем через Чикаго. Ну и шоу Элиса Купера всегда захватывающее зрелище. Я большой фанат Элиса. Из менее приятного: чтобы добраться до некоторых городов в этом туре, требовались нешуточные усилия. Помню, мы ехали на концерт в Сент-Джонс, это в Ньюфаундленде. Пришлось погрузиться на паром, было дико холодно, мороз прохватывал тебя насквозь, а в воде плавали айсберги. Посреди ночи мы вышли из каюты, чтобы взять что-то из своего фургона, и я поскользнулся, проехался по всей палубе до самого ограждения и чуть не свалился за борт, прямо в это гребаное море. История «Титаника» занимала меня много лет (задолго до кино и всей этой шумихи), и у меня в голове все время крутилась мысль: «Вот так это все и было, когда “Титаник” пошел ко дну!» – мы как раз были на той же широте. Более того, следующий концерт у нас был в Галифаксе, Новая Шотландия, а туда как раз свозили трупы с «Титаника». Только

представьте себе, каково это было – прыгать в такую воду по доброй воле! От шока, который они испытывали, нырнув в море, наверняка ехала крыша. Так что на металлической стене рядом с перилами, которые меня спасли, я написал: «Помни и будь благодарен, что не ты был на “Титанике” 14 апреля 1912 года».

Большую часть 1988 года мы провели на гастролях. Дорога уже давно стала для нас естественной средой обитания, и это до сих пор не изменилось. Смешно – метаболизм, который нужен тебе для постоянных туров, никакому доктору в жизни не встречался. Вообще. Куда там Человеку-слону – его тело, по крайней мере, было целым и могло двигаться в одном направлении, хоть он и был уродом. Но это *мы* уроды. Не в такой степени, конечно… хотя нет – мы уроды из уродов! Физические способности, необходимые для гастролей, это совершенно особенная вещь (ни для чего другого мы просто не годимся). Ты должен каждый вечер выходить на сцену и разгоняться с места в карьер, за считанные минуты, иначе все *умрут*! Они все пойдут по домам и просто застрелятся, если ты не вышел на сцену в назначенный вечер. Мы выходили на сцену в любом состоянии. Однажды, в апреле 1988-го, в Париже, Фил Кэмпбелл сломал щиколотку – он дрался с Филом Тейлором, они упали под стол, и только один из них встал. Следующие концерты он играл в гипсе. И я вас уже просветил насчет всего спектра состояний Фила Тейлора (как в физическом, так и в психическом плане). За нашу долгую историю мы, конечно, отменили пару концертов из-за травм или болезней, но эти случаи были чрезвычайно, чрезвычайно редки. Я не могу представить себе никакого другого способа жить, кроме как играть в рок-группе по всему миру. В течение двух лет мы провели дома всего месяца два – по месяцу в год. Но это было здорово. В памяти все немного путается, но это было здорово!

В короткие периоды, когда мы были дома, мы иногда оказывались на звездных тусовках – по-настоящему звездных. Той весной мы попали на не объявленный заранее концерт The Rolling Stones в 100 Club, старом джазовом клубе на Оксфорд-стрит, который переключился на рок и блюз. Это был чудесный вечер. Все – Джефф Бек, Эрик Клэптон и другие – пришли с гитарами и устроили джем, то есть этот концерт не для всех был сюрпризом. Настоящим сюрпризом стал Вюрзель. Думаю, он и сам себя удивил!

После концерта мы попали на вечеринку в апартаментах Кита в «Савое», потому что дядя нашего приятеля, Саймона Сеслера, работал у Кита. Но Вюрзель начал вечер террора уже в клубе – сбил с ног Билла Уаймена! Он летел вниз по лестнице, а Уаймен

просто оказался у него на пути. Нам удалось приехать на вечеринку без дополнительных происшествий, но они ждали нас в ближайшем будущем. Мы сидели и болтали с Саймоном, когда подошла Кирсти Макколл со своим новым мужем, продюсером Стивом Лиллиуайтом. Кирсти была моей старой подругой – однажды я снимался в ее клипе, – поэтому я дружески ее обнял, а Вюрзель повернулся к Стиву Лиллиуайту и поинтересовался:

– Эта вот старая курица, которую Лемми лапает, – это кто?

Стив странно посмотрел на него и говорит:

– Вообще-то это моя жена.

– А! – произнес Вюрзель. – Можно мне еще кофе?

Полчаса спустя он оказался у барной стойки рядом с Ронни Вудом. Мимо прошла Джо Говард, шикарная жена Рона, и все вокруг зашевелилось – ну вы понимаете. И Вюрзель говорит с грязной ухмылочкой:

– Эге, я б ей вдул, а ты?

– А я этим постоянно занимаюсь. Это моя жена, – ответил Рон.

Да, Вюрзель не просто сел в лужу – он в ней практически потонул и только пузыри пускал! К счастью, это оказалось не заразно – позже, когда я стоял и глазел по сторонам, сзади раздался голос:

– Привет, Лемми. Я всегда хотел с тобой познакомиться.

Я оборачиваюсь и вижу Эрика Клэптона. Для меня это очень много значило, я ведь помнил его еще со времен The Bluesbreakers и The Yardbirds. Мне удалось поздороваться с ним, не рухнув ниц в припадке подобострастия, – это же, блядь, сам Эрик!

Еще я написал несколько песен для других музыкантов, не для Motörhead. Girlschool репетировали по соседству с нами, и однажды мы все вместе пошли в паб, и там я написал для них Head Over Heels. Я нацарапал текст на подставке под пиво или на салфетке, и Ким унесла ее с собой. Еще я написал песню Can't Catch Me для альбома Литы Форд Lita, который оказался ее самой успешной пластинкой. Мы были в Лос-Анджелесе, и она пришла к нам в отель Park Sunset и сказала мне, что ей нужны песни. Опять-таки, я написал эту песню прямо на месте и отдал ей – я написал ее как 12-тактовый блюз, но она записала ее по-своему. Мы с Литой были знакомы с 1975 года, когда она играла в The Runaways – на их первом концерте в Лондоне Джоан Джетт нацепила мой патронташ. По-моему, Лита была главным достоинством этой группы: у нее были классные сиськи, и она просто убийственно играла на гитаре, зато Джоан убийственно *выглядела* – может быть, она просто была сукой! Лита сделала классную сольную пластинку, но потом, как мне кажется, она

позволила окружающим чересчур сильно влиять на ее карьеру – начать с того, что она слишком старательно наряжалась, и впечатление было такое, что ей навязывают роль поп-звезды. Ей это просто не подходило. Она была настоящей рок-н-роллщицей, а не гламурной телочкой, которую из нее пытались делать. Потом у нее умерла мать, и это выбило ее из колеи. Последний раз мы с ней виделись несколько лет назад на какой-то музыкальной выставке в Лос-Анджелесе. Мы вместе были заявлены как спикеры, но она была со мной нелюбезна: «Привет, Лем», – мы обнялись, и она свалила. Не задержалась ни на минутку, что мне лично показалось странным. В общем, мисс Форд, позвони мне как-нибудь – поболтаем!

Многие музыканты 80-х так и остались за бортом – достаточно посмотреть «Упадок западной цивилизации, часть 2: годы метала»[59]. Где теперь все эти люди? Этот фильм, скорее всего, только испортил им карьеру – в нем все, кому нравится хеви-метал, выглядят придурками. Меня тоже снимали, но я вышел неплохо – но не стоит благодарить за это режиссера, Пенелопу Сфирис. Меня отвезли на Малхолланд-драйв, в Голливуд-Хиллс, и съемочная группа расположилась в двадцати ярдах от меня. Пенелопе приходилось кричать, чтобы я услышал ее вопросы. Я говорю:

– Можете задавать мне вопросы с более близкого расстояния?

– Я не хочу быть в кадре, – отвечает она.

– Вы и так можете остаться за кадром!

– Не, я буду зачитывать вопросы отсюда.

Гребаные идиоты – они могли подойти ближе, использовать другой объектив или еще что-нибудь, но нет! В любом случае, фильм глупый. Мне часто говорят, что я – лучшее, что есть в этом фильме, а я отвечаю: я выгляжу хорошо только потому, что все остальные выглядят ужасно!

Мне приходилось участвовать в нескольких странных шоу. Однажды меня интервьюировал на радио какой-то психолог из телевизора – в своей программе (кажется, она называлась «Комната № 13») этот парень доводил людей до слез, но со мной, как вы догадываетесь, этот номер не прошел. Еще я появился в телепрограмме с участием фан-клуба Джоан Коллинз[60], который состоял всего из одного человека, Джулиана Клэри, который теперь стал известен под своим собственным именем. Он гей, так что, по-видимому, в фан-клубе Джоан Коллинз он был одновременно и Сукой, и Жеребцом. Нормальный чувак – стервозный и саркастичный, мне нравится такое чувство юмора – что называется, *кэмп*. Я думаю, Джулиан в конце концов станет Ноэлем Кауардом наших дней. Но мы с ним вместе в телевизоре –

странное сочетание. А пару лет назад я в компании других рокеров, играющих тяжелую музыку, снимался в видео для Пэта Буна, потому что он выпустил альбом каверов на песни металлистов[61]. Это не так нелепо, как может показаться. По-моему, он был отличным певцом в свое время.

Но вернемся к *моему* времени (конкретно в описываемый период было время затишья). В 1988 году мы сделали еще один концертный альбом, Nö Sleep At All. Почему бы и нет – у нас был относительно новый состав и все такое. Он был записан на фестивале Giants of Rock в финском городе Хямеэнлинна, в июле. Но этот альбом был ошибкой и с точки зрения продаж позорно провалился. Сама запись неплоха. Она, несомненно, могла получиться лучше, но мы поручили сведение Гаю Бидмиду, решили дать ему еще один шанс – главным образом потому что Гай был корешем Вика Мейла, а Вик замечательно умел сводить концертные записи. После этого до нас дошло, что Гай – не Вик Мейл. Но не поймите меня неправильно: я тут сказал про Гая много плохого, но вся проблема была в том, что он слушался наших указаний. Он был слишком мягким человеком. А Вик знал, когда велеть нам заткнуться!

Конечно, мы отправились в тур в поддержку Nö Sleep – все как всегда. В Штатах мы играли на разогреве у Slayer. Том Арайя очень приятный человек (к тому же он играет на басу и поет – прямо как я!), но я с сомнением отношусь к их излюбленной теме ужаса и кровищи. Они сами не понимают, что творят. Скажем, посреди концерта Том спрашивал у публики что-то вроде: «Хотите крови?» Однажды я сказал ему:

– Тебе лучше такого не говорить, Томми. Однажды это тебе выйдет боком.

Он запротестовал:

– О, ну это же свои люди, чувак. Я понимаю их, они понимают меня.

И на следующий же вечер, в Остине, в Техасе, он опять начал: «Хотите крови?», и тут рядом с ним пролетает сломанный стул – буквально в дюйме от его головы. Он совершенно вышел из себя! Он вцепился в микрофон и произнес перед публикой целую гребаную проповедь, грозя пальцем и топая ногами. Он был вне себя от ярости, а когда он спустился со сцены, там стоял я: «Так-так, свои люди, значит?» Вообще этот тур мне очень понравился. На последнем концерте во время сета Slayer я встал за спиной у их гитариста Джеффа Ханнемана и просто торчал там – при этом я нарядился в Гитлера.

В начале 1989 года мы сделали небольшой перерыв, и Фил Кэмпбелл поехал в Германию, чтобы записать несколько песен

для какой-то швейцарской группы под названием Drifter. Потом мы объездили с концертами Великобританию и затем впервые отправились в Южную Америку. Бразилия – мы никогда не видели ничего подобного. С одной стороны, пляж Копакабана с бронзовыми от загара миллиардерами и их шмарами, а в двухста метрах оттуда люди живут в картонных коробках среди сточных канав, проложенных прямо в песке. Там стоят моллы, в которых можно купить все что только пожелаешь, а рядом, буквально с другой стороны парковки, будут трущобы, куда электричество подается по одному-единственному проводу, свисающему с телеграфного столба, в каждой картонной коробке – лампочка. Мы видели мужика, спавшего под мостом: у него там стоял стол, стул, диванчик, на стене картинка – все в полутора метрах от проезжей части. Это был его дом! К сожалению, я вижу, что Соединенные Штаты движутся в том же направлении. Великобритания уже похожа на страну третьего мира, и, судя по куче бездомных людей, Америка, кажется, не сильно отстает. Может мне кто-нибудь объяснить, почему в богатейшей стране мира есть бомжи, живущие на улицах?

В общем, в Бразилии мы сыграли четыре концерта – два в Сан-Паулу и по одному в Порту-Алегри и в Рио. В Рио мы играли в подземном бетонном бункере, где стояла страшная жара. Это не были огромные стадионы, о которых мы были наслышаны, но там мы тоже сыграли, когда приехали снова. Наш первый тур по Бразилии получился не очень-то крутым, но все равно это было потрясающее путешествие. Домой мы увезли горы практически бесполезной валюты – как будто съездили в Веймарскую Германию. Интересное место, но, вообще говоря, страшноватое.

Еще мы в тот год ездили в Югославию. Там Фил Кэмпбелл совершил очередную попытку уйти из Motörhead – одно время он делал это чуть ли не через день. Трудно сказать, что с ним на самом деле тогда творилось, – наверное, нервный срыв или что-то вроде того. Так вот, мы ехали через Хорватию, в горах. Это было богом забытое место: нам попадались только овцы, козы, скалы и иногда какой-нибудь пастух – дело было глубокой ночью, и Фил с кем-то посрался. Не помню, в чем была проблема, но он носился туда-сюда по автобусу, собирая свой багаж, и кричал: «Остановите автобус!» Водителю-югославу было все равно: он остановил автобус и открыл дверь. Фил вышел из автобуса с двумя чемоданами и угодил прямо в снег метровой глубины. Он огляделся: выла вьюга, снег носился параллельно земле. С одной стороны от него был сугроб, а с другой, за долиной, во многих километрах от него, горел один-единственный огонек. Пока он смотрел на этот огонек, тот потух. Это было просто охренительно

– дорогой моему сердцу момент в истории Motörhead.

Нужно ли говорить, что той ночью Фил не ушел из группы. Но он делал новые попытки. Однажды мы ехали в Берлин, и он снова начал: «Я ухожу!», говорит. Подходит к водителю автобуса и требует:

– Отвези меня в аэропорт.

– Этот автобус едет на концерт, – говорю я. Но Фила это не остановило:

– Я плачу за этот автобус так же, как и ты, а мне нужно в аэропорт!

– За автобус платит группа, – отвечаю я, – а ты теперь гражданское лицо. Группа едет на концерт на автобусе, нанятом группой. Если хочешь ехать в аэропорт, вылезай и бери такси, понял? Ты сможешь вызвать такси, когда приедем на концерт: по нашему мобильному телефону тебе больше нельзя звонить. Окей? Ты теперь гражданское лицо, Фил!

Эту новость он принял, бормоча себе что-то под нос, и опять раздумал уходить.

Еще одну попытку он совершил в начале другого тура по Германии. Он ушел из группы вечером, когда мы только приехали во Франкфурт: тур еще даже не успел начаться. Он решил ехать в аэропорт и ни о чем другом и слышать не желал – неважно, что на часах было полдвенадцатого ночи и все самолеты уже улетели. Он все равно приехал в аэропорт и устроился спать на стуле; проснувшись, он обнаружил, что у него украли все чемоданы. Видимо, это его вразумило, и больше он уже не пытался уйти из группы. Фил до сих пор с нами и, после меня, он дольше всех играет в Motörhead. Также он – постоянный источник веселья. Как часто после концерта он забирался в грузовик с оборудованием, приняв его за наш автобус! Однажды он влез в басовую колонку – решил, что это его полка. Сколько веселья – и все это наш Фил. Он наш собственный Кит Мун. Заодно он прекрасный гитарист. И Телец.

Но я рассказывал о Югославии: у нас было два концерта в Любляне. Во время первого из них Вюрзель упал со сцены – только что он стоял рядом со мной, и вот он уже летит вверх тормашками. Да и сцена-то была не из самых крепких. Помню, что сзади в полу была дырка, и я в нее наступил. На втором концерте случилась гораздо более опасная вещь. Во время первой песни, перед соло, какой-то идиот в зале швырнул на сцену бритву – он даже примотал к ней с обеих сторон по монете, чтобы она летела точнее, – и она сильно порезала мне руку. Я толком ничего не почувствовал и не знал, что случилось, пока не увидел на сцене красные лужи. Тогда я посмотрел на руку и увидел, что

кровь хлещет из нее, как из какого-то гребаного насоса. Я обмотал руку какой-то тряпкой, и мы прервали концерт. Рана была паршивая. За кулисами я размотал руку, и кровь забрызгала все стены, а вокруг раздались крики ужаса. Я отправился в какую-то деревенскую югославскую больницу, и мне наложили швы, но за следующие четыре дня рука постепенно почернела – заражение крови. По дороге домой мы остановились в Нюрнберге, и там я пошел к доктору, считая, что в Германии хорошие врачи, но этот чувак *сильно* облажался. Я просил нашего менеджера Дугласа отправить меня домой на самолете, чтобы я мог разобраться с этой дикой ситуацией, но он не хотел тратиться на билет. Из-за него мне бы пришлось ехать всю дорогу до Англии на автобусе. А когда я говорю, что рука почернела, я не имею в виду, что она посинела: она была *черная* и еще с небольшим покраснением. Я чуть не потерял два пальца! Дело было так плохо, что наш тур-менеджер наконец сдался, сказал: «К черту все», и посадил меня на самолет. Две недели я провел в больнице в Англии с рукой на перевязи – и все потому, что какой-то говнюк решил, что метнуть в музыкантов бритву будет очень прикольно.

И вообще – послушайте, какой это был умный чувак: швырнув свою бритву, он гордо встал и, тыча в себя пальцем, заявил: «Это я сделал!» Само собой, наши роуди тут же ринулись к нему, потирая руки: «Ах вот как? Смотри-ка, тут есть чем заняться!» Они хорошенько его избили, а когда закончили, за дело принялись югославские полицейские, а уж они-то профессионалы. И – хотите верьте, хотите нет – когда его выводили, он все еще орал: «Эй, чувак, а ну иди сюда!» Настоящий несгибаемый идиот. Я никогда не смогу этого понять – ну ладно, допустим, он меня ненавидел по какой-то таинственной причине. Он задумал швырнуть в меня бритву и швырнул – это я могу понять. Но какого хрена он заявил: «Это я сделал» – и заявил *моим* же людям! Интересно, где он теперь: наверное, рыщет по округе, убивая женщин и детей, и прекрасно проводит время. Может быть, он сам мент.

Как бы то ни было, для полицейских я стал героем в тот вечер, потому что я продолжил концерт. Если бы мы не стали играть для этих шести тысяч человек, началась бы заварушка. Тогда такое часто происходило… в общем, они полюбили меня, потому что я сыграл концерт несмотря ни на что – в тот раз получилось так. Теперь я, наверное, уже не герой для них – после того, как в наш следующий приезд туда случился двойной облом: Фил Кэмпбелл и Фил Тейлор оба попали в больницу, и концерт пришлось отменить. Помню, как я пришел в номер к Вюрзелю.

– Концерта не будет, Вюрзель, – говорю я.

– Почему?

– У нас нет гитариста и барабанщика. Они в больнице.

– Их что, машиной переехало? – поинтересовался Вюрзель.

– Типа того.

Их обоих скосили какие-то «коричневые спиды» – это, конечно, были не спиды.

– *Коричневые* спиды? – спросил я Фила Кэмпбелла. – Ты вообще думал головой?

– Нет, – ответил он.

И Фил Тейлор тоже хорош. Спиды не бывают коричневыми! Но вот – их обоих понесли рядышком по больничному коридору. О чем они только думали? Это было почти так же глупо, как тому парню орать: «Это я сделал!»

В июне наш фан-клуб отмечал десять лет своего существования, и они устроили тусовку в Hippodrome. Там я встретил Венди – Секси-Венди из городка Редкар. Я шел по Hippodrome и увидел девушку с фантастическими глазами. Она была просто шикарна. После этого я ничего не помню о вечеринке – я был с Венди. Она была прекрасная девушка и во всем меня очень поддерживала. Недавно я был в Англии и с удовольствием снова с ней встретился. Мы не виделись восемь или девять лет – к счастью, она не превратилась в пускающую слюни ведьму. А то, знаете, с некоторыми это случается!

Hippodrome был большим залом в Лондоне – он и до сих пор большой! В XIX веке он был знаменит представлениями с пляшущими медведями, но к 1985 году они могли заполучить только нас! Я ходил туда на «ночи хеви-метала» и кадрил всех девушек, приходивших посмотреть на красивых музыкантов. Почему бы и не попробовать! Однажды я повеселился там больше, чем рассчитывал, когда оказался на сцене с Джоном Бон Джови, Ричи Самборой и Дейвом Сабо, Рейчелом Боланом и Себастианом Бахом из Skid Row. Мы сыграли Travelin' Band Creedence Clearwater Revival и Rock 'n' Roll Led Zeppelin – когда мы все уже умрем, это можно будет издать на лейбле «Лемми идет в паб»!

Тем же летом я появился в этом ужасном телешоу – Club X. Но наш кусочек был отличный. Он был посвящен черным кожаным курткам, и я написал для него песню, которая называлась, представьте себе, Black Leather Jacket. Мы наскоро записали эту песню, чтобы ее поставили в шоу. На записи я играл на басу, но во время съемки я сидел за пианино. Саксофонист записал три партии – целую пачку, так что на съемки мы позвали еще двоих его коллег, и они втроем делали вид, что играют. На гитаре был Фил Кэмпбелл, Фил Тейлор на барабанах, а Эдди Кларк взял мой бас, который украли в ночь съемок. Я так и не

выяснил, кто его прихватил, хотя у меня было несколько подозреваемых. Подозреваемые всегда есть, так ведь?

Примерно в это же время я сыграл на альбоме у Нины Хаген. Мы познакомились на каком-то фестивале, а она мне всегда нравилась. Она совершенно сумасшедшая, просто класс – и к тому же очень симпатичная. В общем, она пригласила меня записаться на ее альбоме, а я как раз в тот день был ничем не занят и согласился. Я у многих людей записался на альбомах – если есть свободное время, то почему бы и нет?

Motörhead тоже пошли в студию – мы работали над песнями для нового альбома. Там-то, на студии, я и застал Вюрзеля за интересным занятием: он кормил свою собаку с ложечки. Я спускался по лестнице, а там он – на четвереньках.

– Что ты делаешь, Вюрзель? – спрашиваю я.

– У нее плохое настроение, – отвечает он. – Она думает, что я собираюсь от нее уйти.

– С чего ей думать такое?

– Она видела, как я собираю чемодан.

– Вюрзель, – говорю я, – у собак нет представления о том, что такое чемодан. Они не знают, что перед поездкой в него укладывают одежду. Собаки не носят одежду!

– Ну а она думает, что я уезжаю.

Переубедить его не было никакой возможности. Он звал ее Тутс – из-за белой полоски на носу[62], а она учила Вюрзеля приносить палку. Он выходил с ней гулять, а мы сидели и смотрели на них. Он бросал палку, а эта собака смотрела на него до тех пор, пока он наконец не шел за этой палкой, чтобы кинуть ее снова. Вообще умная была собака.

Так вот, когда мы не смотрели, как Тутс дрессирует Вюрзеля, мы записывались и сделали демо нескольких песен – No Voices in the Sky, Goin' to Brazil и Shut You Down. Весь этот материал в результате вышел на альбоме 1916, но уже тогда мы знали, что какие бы песни мы ни записали для нового альбома, он не выйдет на GWR. Весь последний год Дуг Смит вызывал у нас подозрения. Наш юрист, Алекс Гроуэр, внимательно присмотрелся к его действиям, и стало ясно, что Дуг и его жена Ева работают не в интересах группы.

В результате мы потратили несколько месяцев на то, чтобы высвободиться из лап Дугласа и найти себе нового менеджера. Однажды Вюрзель привел ко мне домой человека по имени Фил Карсон, и он стал нашим менеджером на следующие несколько лет. Раньше у него были серьезные отношения (деловые) с Питером Грантом и Led Zeppelin, а потом он несколько лет работал с Робертом Плантом. Как и я сам, Фил – человек с

прибабахом, но у него крепче внутренний стержень и/или дисциплинированность, как говорится в нашем бизнесе! Он мне очень нравился и до сих пор нравится. Фил вскоре заключил для нас контракт с Sony – первая большая сделка на американском рынке за пятнадцать лет существования Motörhead. Она много нам дала; она могла бы дать нам еще гораздо больше (как всегда), но это уже история для другой главы. И эта другая глава сейчас начнется.

Глава 11. Город ангелов

Лично для меня самым большим событием 1990 года стало то, что я переехал жить в Америку. Я планировал это целый год, но когда это наконец случилось, все произошло в мгновение ока: только что я был в Лондоне, и вот я уже живу в Западном Голливуде, а под боком у меня Rainbow и бульвар Сансет-Стрип. Rainbow Bar and Grill, если вдруг кто не знает, это старейший рок-н-ролльный бар в Голливуде и мой второй дом – удачно, что он находится всего в двух кварталах от первого!

Но перед этим много всего успело произойти. Я сыграл маленькую роль в еще одном фильме комедийной труппы The Comic Strip, South Atlantic Raiders. В нем пародировалась Фолклендская война, и мне досталась роль какого-то сержанта. Мне надо было произнести всего лишь несколько реплик с кошмарным испанским акцентом, а затем повалиться ничком на вонючий матрас! Кто сказал «амплуа»? Еще меня взяли на роль водителя речного такси в фильме «Железо». Это была сущая тягомотина. Режиссер считал себя творцом в готическом стиле, и все это ужасно доставало. Весь день мы болтались без дела, а еще они сделали ужасную ошибку – слишком рано дали мне виски. Мне была обещана бутылка, но они дали мне ее, как только я пришел на площадку. Поэтому когда дело дошло до моих сцен, я уже был нетрезвый, уставший и на взводе. Мне заплатили заранее, и это хорошо, но сниматься в кино, как я уже говорил, жуткая скука. Гораздо круче было, когда Мик Грин (гитарист одной из моих любимых групп 60-х – 70-х, The Pirates) предложил мне записаться вместе, – конечно же, я согласился. Мы сделали кавер на Blue Suede Shoes, который вышел на каком-то благотворительном сборнике песен Элвиса, выпущенном журналом New Musical Express[63]. Мы назвались Lemmy and the Upsetters. Потом мы выпустили этот кавер на сингле, а на обороте поместили нашу с Миком песню Paradise. Мне было очень приятно поработать с Миком – он один из моих героев. Сегодня об этом не помнят, но в начале 60-х он был такой же легендарной фигурой, как Клэптон и Джефф Бек. Просто Мику не повезло.

И, конечно же, я не мог долго усидеть на одном месте, так что Motörhead скоро снова отправились в тур. На одном из концертов в Англии кто-то из зала плюнул в меня, и большущий сгусток харкотины попал на мою гитару. Я это ненавижу, и я подошел к краю сцены, сказал: «Вот, смотри», собрал этот плевок и размазал его по своим волосам:

– Сегодня вечером я вымою голову, но ты и завтра

останешься говнюком!

Публика была в восторге, и об этом даже написали журналисты, но вообще я украл эту реплику у Уинстона Черчилля. На каком-то приеме одна женщина сказала ему:

– Сэр, вы пьяны.

– Да, мадам, – ответил он, – а вы уродина, но я-то к завтрашнему дню протрезвею.

Красота, правда? Кто сказал, что история это скучно?

Я переехал в Америку после тура по Европе. Все это устроил Фил Карсон. Его люди нашли квартиру, и я уехал в начале июня. Остальные члены группы остались в Англии, но то, что я теперь жил на другом континенте, ни на что особо не повлияло. Не сказать, чтобы мы постоянно тусовались вместе – когда вы полгода живете в одном гастрольном автобусе, вы не горите желанием общаться в свободное время. Но именно тогда Вюрзель невзлюбил Америку. Может быть, это была такая ревность – я и правда не знаю. Переезд в Америку не очень сильно изменил мою жизнь, потому что я и так давно уже постоянно приезжал сюда. Только раньше я не знал о масштабах коррупции в правительстве, о том, как глубоко проникла эта гниль, но вообще-то это в любой стране так. И еще люди здесь гораздо более откровенные расисты, чем в Англии, – там-то они более скрытные. Но продукты мне доставляют прямо к двери, и здесь стараются дать клиенту именно то, что он хочет, а не то, что кто-то считает для меня нужным. Единственная проблема, с которой я столкнулся, когда адаптировался к жизни в Америке, это совершенно другое чувство юмора. Понимаете, британцы любят черный юмор, злой юмор – а американцы в такое не врубаются. За две недели я практически разрушил все свои социальные связи. Я отпускал какую-нибудь, на мой взгляд, уморительную шутку, а на меня смотрели с ужасом: «Как вы можете такое говорить!» Они были шокированы, оскорблены и так далее. Боже, совершенно незачем так оскорбляться! Калеки выглядят смешно – извините, моей вины тут нет! Я говорю, что вижу.

Еще людей напрягает моя коллекция предметов, связанных с историей нацизма: когда я переехал сюда, это стало особенно очевидно. Предметы, имеющие отношение ко Второй мировой войне, ходят по рукам, сколько я себя помню: в конце концов, я родился в год окончания этой войны, и все привозили домой кучу разных вещей на память. Из Англии я притащил только один кинжал и две медали, может быть, флажок и железный крест. А как бывает со всяким хобби: чем глубже ты копаешь, тем становится интереснее, если вообще есть куда копать. Поэтому теперь у меня огромная коллекция немецких предметов военного

времени: кинжалы, медали, флаги – да чего только нет. Мне нравится, что все это лежит под рукой, потому что это напоминание о произошедшем и о том, что это теперь в прошлом (конечно, нацизм до сих пор существует, но теперь это маргинальное явление). Не понимаю людей, которые считают, что если игнорировать что-нибудь, то оно исчезнет. Это неправда – то, на что ты не обращаешь внимания, только набирает силу. Европа игнорировала Гитлера двадцать лет. Мы могли разбить его в 1936 году: французская армия могла вышвырнуть его из Рейнской области, и на этом Гитлер бы закончился. Его люди потеряли бы власть. Но французы бежали – опять – и развязали ему руки. В результате он убил четверть населения земли! И он не курил, не пил, был вегетарианцем, носил аккуратный костюм, коротко стригся, был такой опрятный человек. В Америке его бы обслужили в любом ресторане – не то что Джесси Оуэнса, героя Олимпиады 1936 года[64].

Джесси Оуэнс вернулся домой, покрыв себя славой и заслужив восемь медалей: он показал Гитлеру преимущества демократии и многонационального общества, – а его не пустили в ресторан в его собственном родном городе. Что за херня? Вот такие двойные стандарты меня просто бесят. Вы знаете, что в Англии и Америке до сих пор есть клубы, куда не допускают евреев? Америка – страна отрицания. Взять хоть производителей моделей самолетов: они отказываются помещать свастику на модель Messerschmitt 109, но ведь тогда это был официальный символ Германии. Значит ли это, что когда-нибудь в будущем модели Mustang будут выпускать без белых звезд, потому что кто-нибудь на совещании решит, что это символ американского империализма? Рисовать свастики на пластиковых моделях самолетов запрещается, но разве от этого все те убитые евреи станут менее мертвыми? Нет! И давайте даже не начинать разговор о том, что так называемые американцы сделали с настоящими американцами – индейцами. Как вы можете заметить, мне немало приходилось спорить на эти темы. Видимо, люди не любят правду, но я ее люблю; я люблю правду, потому что она всех злит. Если много-много раз продемонстрировать им, что их аргументы ничего не стоят, то, может быть, в одном случае кто-то скажет: «Вот как! Кажется, я ошибался». Я живу ради таких моментов. Это редко бывает, уверяю вас.

Но вернемся к нашим делам, то есть к мерзким делишкам музыкальной индустрии. Одна из главных причин моего переезда в Лос-Анджелес – желание быть поближе к нашему лейблу. В Лондоне мы встречались с Джерри Гринбергом, главой WTG Records, и он проявил большой интерес к нам и обещал всячески

нас поддерживать. Но я сразу решил: мне надо быть на месте. Если Motörhead подписаны на американский лейбл, я не могу сидеть в Англии, потому что это никогда раньше не работало. К тому же тогда с нами впервые заключили контракт на запись нового альбома – до тех пор американцы просто издавали у себя альбомы, которые мы уже сделали для английских лейблов. Так что мне было важно самому приглядывать за нашими делами.

С самого начала я понял, что моя настороженность небезосновательна. Когда я приехал, меня первым делом пригласили на бранч в офисе лейбла – бранч! Что это, нахрен, такое – *бранч*? Они что, не знают, как пишется слово «ланч»? У них проблема с буквой «л»? И знаете, из чего состоял этот супер-важный приветственный *бранч*? Нам просто доставили китайскую еду в судках из фольги: «Лемми, хочешь еще кисло-сладкой свинины? Здорово, что ты с нами, старик! Motörhead всегда были одной из моих любимых групп!» Ха! Никто из них в жизни не слышал ни одной нашей песни, разве что они быстренько ознакомились с нашим материалом на неделе перед встречей. Это такое дерьмо, и все совершенно очевидно, а они еще думали, что я не вижу их насквозь. Там почти все были старожилы музыкальной индустрии, которых недавно запихнули на новый лейбл. Ни одного свежего, энергичного, увлеченного лица.

При всем при этом я хочу сказать, что с Джерри Гринбергом было хорошо иметь дело, как и с его ассистентом Лесли Холли. Благодаря Лесли нам разрешалось использовать телефон в офисе лейбла, чтобы договариваться о концертах и искать нового менеджера. Сами мы никогда бы не смогли себе позволить все эти телефонные звонки за океан, так что это реально спасало наши задницы. Мы не понимали одного: они наебывали и нас, и самого Джерри Гринберга! Теперь я думаю, что Sony использовала WTG Records для списания налогов, потому что все эти гребаные менеджеры, казалось, делали все возможное, чтобы этот лейбл – и, значит, все, что Motörhead делали для лейбла, – приносил одни убытки. Впрочем, давайте смотреть правде в глаза: когда это рекорд-лейблом не управляла кучка придурков? Как эта история с большими коробками для компакт-дисков, которая как раз разворачивалась, когда мы были на Sony. Вокруг этих коробок шли нешуточные битвы – это была одна из самых неудобных упаковок в истории человечества, и некоторые сотрудники Sony *теряли работу* из-за того, что длинные коробки вышли из употребления! Одно это показывает, что с музыкальной индустрией что-то не в порядке. Да ну их к черту – можете считать меня старомодным, но я все равно всегда предпочитал компакт-дискам винил.

Но довольно о тупости лейблов (и о китайских бранчах) – мой переезд в Лос-Анджелес не остался незамеченным. Когда мы заключили контракт с WTG и я приехал сюда жить, о нас все заговорили. Моя фотография появилась на обложке журнала Bay Area Music, и меня приглашали на вечеринки. Это было здорово – снова на время оказаться в центре внимания. И мы вскоре оправдали весь этот хайп (пусть и кратковременный), сделав один из лучших альбомов в нашей карьере.

Но не успели мы даже засесть в студии, как у нас вышла еще одна пластинка, причем вопреки нашему желанию. Наш бывший менеджер, Дуг Смит, выпустил ту самую запись концерта в честь десятилетия группы. Еще тогда же, в 1986 году, мы сказали Дугласу, что видео будет достаточно и мы не хотим выпускать аудио-версию, и с тех пор он держал эти пленки у себя. Но как только мы ушли от него, он поступил с ними, как хотел. Конечно, это была чистая попытка срубить бабла. Мы попытались дать ему по рукам, добившись судебного запрета, и это на некоторое время его притормозило. Но в конце концов мы махнули рукой; дальнейшая борьба требовала слишком много усилий. К тому же, как я сказал, мы работали над новой пластинкой, так что нам и без того было чем заняться.

Но мы же Motörhead, так что дело просто не могло пройти совсем гладко. Нашей первой проблемой был Эд Стейсиум, которого мы изначально выбрали продюсером альбома. Мы успели записать с ним четыре песни, прежде чем решили, что ему придется уйти из проекта. Понимаете, он переступил черту. Мы слушали микс песни Going to Brazil, и я говорю: «Сделай-ка вот эти четыре дорожки погромче». Он так и сделал, и мы услышали какие-то гребаные клаве и тамбурины – видимо, после очередной сессии он пошел в студию один и дописал в песню всю эту херню. Он совершенно точно сделал это в наше отсутствие! Это был очень странный поступок, и мы его уволили. Вместо него мы наняли Пита Солли, и он отлично сделал свою работу.

Некоторые песни на 1916, например, Love Me Forever и 1916, сильно отличаются от всего, что мы делали прежде, но мы не старались меняться нарочно; это получилось само собой. Большой переменой стал мой переезд в Штаты, и дальше мы просто работали в этих новых условиях. Но на 1916 много и таких песен, каких от нас ожидали наши фэны, – только, конечно, еще лучше, чем они ожидали. Например, I'm So Bad – громкая рок-н-ролльная песня с бессмысленным текстом, Motörhead в чистом виде. Странно другое: какая-то журналистка из Melody Maker написала, что текст этой песни – сексистский! Не знаю, с чего она это взяла.

Я занимаюсь любовью с горными львами
Сплю на раскаленных докрасна железных клеймах
Я иду – земля дрожит
Моя постель – клубок гремучих змей —

вот скажите мне, как в этом можно усмотреть угнетение женщин?

Затем имеется песня Going to Brazil, в которой я даю волю своей фанатичной любви к Чаку Берри. Ramones, самая быстрая (и короткая) песня на альбоме, изначально была довольно медленной. Потом я сказал: «Давайте сыграем ее побыстрее», и получились настоящие Ramones – так все и вышло. И хотя Angel City посвящена жизни в Лос-Анджелесе, я написал текст до того, как переехал.

Я буду жить в Л.А., пить день напролет
Буду лежать у бассейна, и пусть за это платит рекорд-лейбл —

это недалеко от истины!

Я надеру всем задницу, буду плеваться битым стеклом
Я во всем стану круче всех —

это одна из таких песен, которые я сочинял и катался по полу от смеха. Я сидел один в комнате и ржал как конь. Еще мы добавили в эту песню саксофон – это было что-то новенькое.

Но некоторые другие песни сильно всех удивили (спешу добавить: в хорошем смысле). В Nightmare/The Dreamtime и 1916 главную роль в аранжировке играют клавиши, что было очень необычно для Motörhead, да и для любой тяжелой группы в 1990 году. Более того, в 1916 есть виолончель, а гитар нет совсем. Сначала я написал текст, а потом уже музыку. Речь идет о битве на Сомме в ходе Первой мировой войны, но меня часто спрашивают, не имел ли я в виду Пасхальное восстание в Ирландии, которое тоже случилось в 1916 году. (Ирландцы постоянно поют про 1916 год, резню у дублинского почтамта и так далее.) Но на самом деле я был в Англии, смотрел по телевизору передачу о Первой мировой войне, и когда речь зашла о битве на Сомме, у меня мозги вскипели. Еще до полудня были убиты девятнадцать тысяч англичан, целое поколение выкосили за *три часа* – только подумайте об этом! Просто ужас – в трех-

четырех городах на севере Ланкашира и на юге Йоркшира целое поколение мужчин было уничтожено без следа. И в этих городах до сих пор заметны последствия – их население так с тех пор толком и не восстановилось. Например, Аккрингтон в Ланкашире – от него практически ничего не осталось. В этой передаче продюсеры привели пять ветеранов на поле битвы. Один из них, ему было лет девяносто, сказал:

– Нам велели идти, а не бежать, и мы пошли через поле, и все ребята вокруг меня легли на землю. Я подумал, что, наверное, сзади прозвучал какой-то приказ, который я не расслышал. А потом я понял, что все они мертвы.

Англичане тогда убили больше англичан, чем немцы. Гинденбург, который позже стал президентом Германии, сказал: «Они были львами под предводительством ослов»[65]. И я написал песню об этом. Но к этой песне у меня двоякое отношение. Мне написал один парень, он рассказал, что включил запись своему деду, который воевал там, и пока песня играла, старик плакал не переставая. Для меня как для автора это очень лестно, но я не уверен, что мне нравится получать творческое удовлетворение от того, что я так сильно кого-то расстроил. Но это потрясающе – протянуть руку в прошлое и так сильно тронуть чьи-то чувства.

Мы были довольны тем, как получилась запись 1916. С оформлением дела обстояли не так хорошо, потому что люди с лейбла запустили туда свои грязные лапы. В таких случаях можно почти не сомневаться в том, что все получится отвратительно. Bronze Records сделали то же самое с Overkill. Тогда мы все собрались в комнате для совещаний, столы оттуда вынесли, и там стоял мольберт, освещенный лампами на потолке. Они сняли с мольберта ткань – торжественное открытие, – и мы увидели блок двигателя мотоцикла, а на нем обнаженный женский торс. Женщина была покрыта красной краской, а фон был синий. Это был полный отстой. И чувак с лейбла говорит:

– Вот! Что думаете?

Я взял эту херню в руки и говорю:

– Вот это вот – лучшее, на что вы способны?

И вышвырнул ее в окно. Думаю, он догадался, что я не в восторге! И если посмотреть на обложку Overkill, вы не найдете там ни двигателя, ни голой женщины – там один из классических рисунков Джо Петаньо. В общем, с 1916 у нас возникла та же проблема. Нам показали пять набросков, и все были чудовищны. Мы отослали их обратно, невзирая на стоны, жалобы и истерики художественного отдела лейбла – можно было подумать, что мы имеем дело с младшеклассниками! В результате Sony поручила оформление кому-то другому, что нас вполне устраивало. Но

несмотря на все наши усилия, они сумели облажаться: на обложке 1916 можно найти все европейские флаги, *кроме* французского. А заглавная песня как раз посвящена битве, которая произошла во Франции! Что тут будешь делать? Все-таки, по-моему, это одна из наших лучших обложек, и вообще это один из наших лучших альбомов.

1916 вышел только в начале 1991 года, но первый сингл, One to Sing the Blues, вышел на пару недель раньше, а именно в мой день рождения (отличная песня, на самом деле – может быть, мы ее сейчас снова начнем играть на концертах). В феврале началось обычное – мы отправились в тур и несколько раз появились на телевидении и радио. Прямо в начале нашего тура по Великобритании умерла мать Фила Тейлора. У нее был рак, и мы отправили его домой повидаться с ней. Он смог провести с ней несколько последних дней. Мы все любили мамашу Тейлор, и ее смерть стала большим ударом для Фила. Не знаю, поэтому ли он вскоре забил на музыку – скорее всего, нет, – но это точно не пошло ему на пользу.

В британском туре на разогреве у нас играли The Almighty и американская девичья группа Cycle Sluts from Hell, они потом поехали с нами и в Европу. Cycle Sluts – это было нечто! Они были по сути шуточной группой, со стебными текстами. Думаю, они играли смеха ради и чтобы поездить по миру. Приятные были девушки, мне с ними нравилось. Весь европейский тур я страшно сох по одной из них, но она мне так и не досталась. Типичная история.

В этом туре была пара сложных моментов. Пока мы ездили по Британии, я подхватил желудочный грипп, и нам пришлось перенести четыре концерта. Мне было очень плохо, я четыре дня сидел в гостинице и просто блевал. Я неудержимо извергал из себя всю эту херню. Скажем, едем мы в фургоне, и со мной все в порядке, а в следующую минуту я уже свешиваюсь из окна: «Остановите фургон!» (Все эти вирусы в будущем станут только сильнее, каждые пять лет появляется новая разновидность, которой никто не ожидал, и однажды один такой вирус выкосит половину населения планеты.)

Вторая проблема была связана со смертельным вирусом другого рода, известным также как наш рекорд-лейбл. Они отправили с нами на гастроли операторов, и в Германии те за пять дней сняли видео Everything Louder Than Everything Else, а потом выставили нам счет в 9000 долларов! Конечно, мы им так и не заплатили, а через пару лет наш контракт расторгли, так что им пришлось утереться – не повезло вам, ребята, попробуйте-ка что-нибудь другое! Опять же, списание налогов, так?

Песни с 1916 принимали очень хорошо. Сбоку на сцене мы поставили клавиши. Одно время Фил Кэмпбелл играл на них в песне Angel City, но с ним стало невозможно разговаривать, и вскоре пришлось это прекратить. А то бы у нас остались одни дудки, без гитар. Филу надо было родиться осьминогом, чтобы это работало, – он та еще амфибия, но точно не осьминог! Некоторое время на клавишах играл наш гитарный техник Джейми, а потом мы от них совсем отказались. Мы никогда не играли на концертах 1916; это слишком неверное дело – для нее нужна тишина, а с нашей публикой тишины не будет. В Англии нас принимали со смешанными чувствами, но это не было связано с музыкой: некоторые английские фанаты были рассержены тем, что я переехал в Штаты. Типа я им изменил или что-то в этом роде. Половина группы – Вюрзель и Фил Кэмпбелл – все еще жила в Британии, так что они не могли ненавидеть нас от всей души, но и любить всем сердцем они нас тоже не могли. (Фил Тейлор тоже переехал в Америку одновременно со мной, но ему в паспорт поставили какую-то неправильную визу и его отправили обратно! Очередной моторхедовский проеб.) Они не знали, как к нам относиться. Главная сложность была в том, что на наши концерты раскупали не все билеты, и в результате все английские промоутеры, кроме лондонских, потом пять лет не ставили нам концертов. Англия оказалась единственной страной в Европе – даже в мире! – где промоутеры не рисковали гарантировать нам гонорар. А мы никак не могли позволить себе вкладывать собственные деньги – нам бы пришлось заплатить сто тысяч фунтов, чтобы поехать в тур по своей собственной стране! У меня и в помине не было таких денег, а будь они у меня, я бы потратил их на что-нибудь другое. В следующий раз мы отправились в тур по Англии в 1997 году, и меня немало позабавило, что везде билеты были распроданы без остатка.

В мае, перед тем как отправиться в Японию, мы выступили в шоу Дэвида Леттермена. Мы пошли туда вдвоем с Филом Кэмпбеллом; Вюрзель не хотел в этом участвовать, а где был Фил Тейлор, я не помню. Но они все равно звали только двоих человек, потому что мы должны были играть с их штатной группой. Но мы не стали играть песню с нового альбома – мы сыграли Let It Rock Чака Берри. И мы так и не встретились с Дэвидом Леттерменом; к тому же он перепутал название нашего альбома. Он назвал его Motörhead! Зато мы пообщались с Полом Шеффером, лидером их группы – отличный парень. В целом вся эта история с шоу Леттермена получилась так себе. И они замучили меня своими придирками из-за сигарет:

– Простите, но здесь нельзя курить.

– Почему?

– А то затуманятся объективы у камер.

Такая, знаете, идиотская отговорка номер 1869, да?

К японскому туру мы снова поменяли менеджера. Филу Карсону предложили работу в Victor Records, и я не могу осуждать его за то, что он согласился. Мы стали работать с Шэрон Осборн, женой Оззи, но это продолжалось только несколько недель. Я давно уже зазывал ее работать с нами, потому что знал, что она отличный менеджер, но оказалось, что нам она не подходит. Ничего хорошего из этого не получилось. Японский тур это показал со всей очевидностью. Мы хотели ехать с нашим тур-менеджером, потому что он знал нас вдоль и поперек, но она настояла на том, чтобы с нами поехал ее человек, парень по имени Алан Перман (он уже умер, и нет, это не мы его убили – хотя я бы не отказался). Алан испортил наши отношения с Шэрон. Он заявил, что мы устроили погром в отеле, и еще много чего наговорил, но мы этого не делали! *Вообще* ничего такого не было. Просто он отдал все наличные деньги Филу Кэмпбеллу – идиотский поступок. Сразу видно, какой он тур-менеджер. А потом он попытался прикрыть свою задницу, утверждая, что ему пришлось платить за ущерб, который мы причинили отелю. Мы не делали ничего из того, что он про нас рассказал. Мы не ангелы, но это как раз был один из тех случаев, когда нас действительно было не в чем упрекнуть! (И я хотел бы, чтобы остальные 3426 таких случаев тоже не были забыты!) Черт-те что, ложь от начала до конца. А потом, вернувшись в Америку, он бросил всю команду в отеле Hyatt в Лос-Анджелесе, раздобыл номер нашего обычного тур-менеджера Гоббса, всучил ему 300 долларов и был таков. Что делать Гоббсу с 300 долларов и шестью чуваками в «Хаятте»? И группе тоже еще не успели заплатить.

Это была настоящая проблема, но, к несчастью, Шэрон поверила россказням Алана и решила, что проблема в *нас*! Когда мы вернулись в Штаты, это было дело решенное. Нас уже заочно осудили и вынесли нам приговор. Шэрон отказалась от нас за три дня до начала нашего американского тура, и все из-за Алана – он же был ее человек, и она не могла не занять его сторону. Эта зараза перекинулась на Sony, и они бегали в панике: «Ох, мы вас больше никогда не сможем отправить в Японию!» Они верили кому угодно, даже мудаку-менеджеру, но не нам. Господи Иисусе. Мы даже попросили одного сотрудника Sony в Японии позвонить им и рассказать, как все было на самом деле, но они все равно не верили. Позже кто-то из Японии приехал на наш концерт в зале Irvin Meadows и рассказал чувакам с лейбла, какие мы крутые, но

и это не прокатило! Вот какое к нам было доверие. Про нас принято думать – в основном незаслуженно, – что мы говно и ведем себя непрофессионально. Зачем мне вообще громить гостиничный номер на этом этапе моей карьеры? Мне разумнее было бы разгромить свою собственную квартиру – это дешевле!

Ну ладно, между фиаско в Японии и американским туром – который прошел получше, хотя у нас и не было менеджера, – мы во второй и, вероятно, последний раз съездили в тур по Австралии. Это была полная катастрофа. Однажды я ушел со сцены и прервал концерт, потому что, опять же, какие-то ребята плевались в меня. Я не люблю, когда в меня плюют (да и кто такое любит? Даже панк-группам в 70-е это не нравилось!). Можете назвать меня старомодным, но я с этим мириться не намерен. Я сказал им, как всегда говорю в таких случаях: «Если вы будете и дальше это делать, я уйду со сцены и не вернусь. Так что если вы увидите, что кто-то делает это, дайте ему по мозгам, потому что из-за него концерта не будет». Обычно это работает, но на Золотом побережье не сработало. Очень жаль – я не люблю уходить со сцены, но я не потерплю, чтобы в меня плевали! Кстати, вот вам пример того, почему я не собираюсь с этим мириться: один такой гондон плюнул в Джо Страммера из The Clash и попал ему прямо в рот! Меня не только тошнит от одной этой мысли, мальчики и девочки, нет – вы только послушайте – Страммер заразился *гепатитом*! Мило, да? Нет уж, спасибо!

Теперь перейдем к блистательному туру «Операция “Рок-н-ролл”», организованному Sony. В нем участвовали пять тяжелых групп с разных лейблов, принадлежавших Sony. Там были Элис Купер, Judas Priest, мы, Metal Church и Dangerous Toys. Парни из Metal Church и Dangerous Toys были отличной компанией – мы практически не видели ни Элиса (он обычно сидел в своем гастрольном автобусе и смотрел японские сплэттеры[66]), ни кого-либо из Judas Priest, но я все время где-нибудь встречал музыкантов из остальных групп. Обычно в стрип-клубах. В каждом городе, куда мы приезжали, мы шли в стрип-клуб, а там они. Теперь я единственный член группы, который ходит развлекаться: остальные стали ответственными гражданами (хотя про Фила Кэмпбелла этого не скажешь).

В общем, лейбл отправил нас всех блистать в лучах тщательно спланированной славы. Поначалу нам приходилось нелегко, потому что мы были без менеджера, но Гоббс пришел нам на выручку. И еще Лесли Холли с WTG – я буду по гроб жизни благодарен им обоим. Еще нам помогали роуди других групп – они побыстрее доедали свой обед и выходили работать на наших сетах, причем бесплатно! Это было ужасно мило с их

стороны. Почти на каждом шоу в этом туре мы затмевали всех остальных, и вам не обязательно верить мне на слово. Найдите любую рецензию, и вот вам доказательство. Например, в LA Times написали, что мы «острая горчица в пресном сэндвиче шума» – сказано странновато, по-моему, но приятно! В газетах и журналах были наши фотографии, а Элиса и Judas Priest не было. Зато в некоторые вечера, когда надо было сократить программу, угадайте – кому не везло? Если вы дочитали до этого места, догадаться будет несложно. Справедливости ради, мы стоили дороже, чем две группы в конце списка, и Metal Church тоже иногда снимали с концертов. Dangerous Toys играли всегда, потому что в то время Sony с ними носились как с писаной торбой. У их вокалиста были красные волосы, и он пел фальцетом, прямо как Эксл Роуз, так что их мотивы можно понять. В результате мы пропустили шесть-семь концертов. Когда нас вычеркнули из списка в Северной Каролине, мы вместе с Metal Church прямиком отправились в Южную Каролину и сыграли свой собственный концерт. Проблема была в том, что за наши интересы некому было бороться, у нас же не было менеджера. Если бы у нас тогда был менеджер, с которым мы работаем сейчас, поверьте, мы в этом туре играли бы каждый вечер!

К сожалению, мы пропустили последние четыре шоу тура, причем, как ни удивительно, Sony тут были ни при чем! В Бостоне за сценой у меня произошел несчастный случай, и я переломал себе ребра. Я буквально лез на одну девицу, стоя на краю сцены: она очень интересовалась мной, а я очень интересовался ей. «Хочешь еще выпить?» – спросил я, она сказала: «Ага». Я потянулся за стаканом и упал прямо на свой стафф, сломал два ребра. Через неделю я уже был в порядке, но этого как раз хватило, чтобы пропустить финальные даты тура.

В туре «Операция “Рок-н-ролл”» мы в конце концов нашли себе нового менеджера, Дуга Бэнкера. Он раньше работал с Тедом Ньюджентом, а еще разработал какую-то систему игры в казино, из-за которой его перестали пускать в Лас-Вегас. В общем, на одном из концертов он подошел к нам пообщаться, и мы решили работать с ним. Поначалу он произвел хорошее впечатление, но потом наши отношения стали разваливаться. Думаю, отчасти это связано с тем, что он жил в Детройте, а нам был нужен кто-нибудь, кто всегда был бы под рукой, а не на расстоянии полконтинента. К тому же он продолжал время от времени работать с Тедом Ньюджентом. Я толком не понимаю, что случилось. Но в итоге получалось, что он просто недостаточно вкладывался в нас, а с Motörhead надо либо целиком и

полностью, либо никак. Если ты не готов посвятить всего себя этой группе, лучше даже и не начинать: для нас это серьезная борьба, и нам нужен человек, который сражается все время. Думаю, Дуг Бэнкер этого не понимал, а еще он не ожидал, что придется иметь дело с таким количеством дерьма – с нашим лейблом, с обвинениями во всякой херне, к которой мы не имели никакого отношения, и так далее. Признаю, что работать с нами чертовски трудно! Но нам с Дугом потребовалось несколько месяцев, чтобы понять: нашим рабочим отношениям не суждено продлиться долго.

После тура «Операция “Рок-н-ролл”» наши перспективы были весьма неплохи – это было что-то новенькое, у Motörhead уже десять лет не было хороших перспектив! У нас были отличные рецензии, новый менеджер, отношения с которым еще не успели зайти в тупик, а 1916 номинировали на «Грэмми». Честно говоря, я очень удивился, услышав об этом. (Если бы я знал, каким разочарованием окажется церемония, я, наверное, послал бы все нахер, и на том бы дело и кончилось!) Наконец, после того как я проработал больше четверти века в музыкальном бизнесе, мое финансовое положение заметно улучшилось. В немалой части я обязан этим альбому Оззи Осборна No More Tears. Эта пластинка разошлась тиражом в несколько миллионов экземпляров, а я написал тексты к четырем песням на ней (с тех пор я написал еще несколько текстов для Оззи, и два из них пригодились для альбома Ozzmosis). Это была чуть ли не самая легкая работа в моей жизни – Шэрон позвонила мне и сказала:

– Я дам тебе X долларов, если ты напишешь несколько песен для Оззи.

А я ответил:

– Хорошо – есть ручка?

Я написал шесть или семь текстов, и он взял четыре из них – Desire, I Don’t Want to Change the World, Hellraiser и Mama I’m Coming Home. Написав эти четыре песни для Оззи, я заработал больше, чем за пятнадцать лет с Motörhead, – полный бред! Хочу упомянуть, что я и сейчас принимаю заказы на сочинение песен, если кто-то заинтересуется. Расценки разумные – хватит закладной на вашего первенца!

В начале 1992 года мы уже работали над песнями для следующего альбома Motörhead, который позже вышел под названием March ör Die. Тогда же было вручение «Грэмми». Со мной на церемонию пошли Дуг Бэнкер и его жена. Жена сидела между нами, но когда начали объявлять кандидатов в категории «Лучшее исполнение в стиле метал», он живо поменялся с ней местами, чтобы в случае чего попасть в объектив вместе со мной.

Это было очень смешно! Победила тогда, конечно, Metallica – они продали что-то около четырех миллионов экземпляров своего альбома, а у нас набралось всего тридцать тысяч, так что мы им были не конкуренты. Но получить признание было приятно. Нам от музыкального бизнеса полагается гребаная медаль – хотя бы за долгую службу. А мы от Sony получили одну только головную боль (я еще не все вам рассказал, так что держитесь крепче за свои корсеты!). Из наших альбомов 1916 был лучше всего принят мейнстримной критикой – отличную рецензию на него напечатал Rolling Stone, а в Entertainment Weekly ему поставили оценку A+ (кстати говоря, женщина, которая помогла мне написать эту книгу, была автором рецензии в Entertainment Weekly – но это было задолго до нашего знакомства!). В этом смысле альбом стал успешным. И гастроли, продолжавшиеся многие месяцы, тоже оказались успешными – наша публика оторвала задницу от дивана, наша команда оторвала задницу от дивана, промоутеры оторвали задницу от дивана, наши менеджеры оторвали задницу от дивана (а может, оторвались от *наших* задниц!). Единственное, чего мы не смогли, это заставить оторвать свою задницу от дивана сотрудников нашего лейбла! Мы думали, что, может быть, это получится с March ör Die… Ха! Опять не угадали!

Были и другие проблемы, ставшие болезненно очевидными, пока мы готовились записывать March ör Die. Самой большой проблемой был Фил Тейлор – когда он вернулся в группу в 1987 году, поначалу все шло хорошо, но постепенно испортилось. Мы долго пытались убедить сами себя, что Фил в порядке, но он был не в порядке. В 84-м он ушел, потому что боготворил Thin Lizzy и думал, что играть с Роббо будет для него в музыкальном смысле полезнее всего. Он начал свысока смотреть на то, что делали Motörhead. И конечно, когда он вернулся, Motörhead были, в общем, такими же, как когда он уходил – разве что лучше. И вот, когда он вернулся, его игре чего-то не хватало. Eat the Rich сыграна так себе – в том, что касается барабанов. Барабаны на Rock ‘n’ Roll, особенно по сравнению с Orgasmatron, звучат слабо. Он начинал играть песню в одном темпе, а заканчивал в другом. Это было тяжело, потому что на сцене мы не знали, чего ждать. А обсудить с ним ничего было нельзя, потому что он выходил из себя. Однажды Фил Кэмпбелл сказал ему: «Ты сегодня играл как мудак», а тот взорвался, словно гребаная атомная бомба – хотя, конечно, когда Фил Тейлор взрывается как атомная бомба, навредить он может только самому себе. Вне сцены он тоже становился все менее адекватным. Однажды он пытался вылезти из отеля Park Sunset через зеркало в ванной, приняв его за окно. Он позвонил мне в номер и сказал: «Пора идти на саундчек, а я не

могу выйти у себя из номера!» – а на часах при этом пять утра! Он позвонил очень вовремя – я как раз собирался забраться на одну женщину. Как легко себе представить, я был очень зол. Но я сказал своей девице: «Подожди меня и не забудь, на чем мы остановились», и спустился на его этаж. Дверь действительно заклинило, а пока мы оба пытались открыть ее силой – я снаружи, он изнутри, – у меня за спиной появились ребята из полиции Лос-Анджелеса, вооруженные огромными пушками. На мне были только трусы и кимоно, но коп поставил меня лицом к стенке и обыскал как полагается – с инструкцией не поспоришь! Потом он начал задавать мне вопросы типа:

– Этот человек в номере опасен?

– О да, да, – ответил я. – Он представляет страшную опасность, прежде всего – для самого себя. На вашем месте я бы не беспокоился.

Затем коп поинтересовался:

– У него есть какое-нибудь оружие?

– В его руках все может быть оружием – мебель, стены. Все что угодно.

Копы тоже не смогли открыть дверь, так что они влезли к Филу в номер через окно и выломали замок долотом. А Фил сидит там весь в порезах и синяках, потому что он пытался выбраться через зеркало в ванной. И как он только не заметил, что с той стороны навстречу ему лезет кто-то чрезвычайно на него похожий? Мог бы и посторониться, да?

Подобная херня происходила очень часто. Может быть, мы бы и закрыли глаза на такие инциденты, но то, что он уже не мог держать ритм, было чересчур. Под конец он стал совсем плох – на записи 1916 ему пришлось играть Goin' to Brazil под метроном! Потом мы договорились, что они с Вюрзелем и Филом Кэмпбеллом соберутся в Лондоне, чтобы отрепетировать материал для March ör Die (я в это время был в Лос-Анджелесе и, напрягая все силы, дописывал недостающие тексты песен), и это была полная катастрофа. Они играли полчаса, после чего Фил Кэмпбелл смотрит на Фила Тейлора и говорит:

– Ты не знаешь ни одной гребаной песни, да?

– Не знаю, – подтвердил тот.

– Как так получилось? Мы с Вюрзелем разучивали их дома – почему ты их не знаешь?

– У меня на Рождество Walkman[67] сломался.

Классное оправдание, да? А ведь праздники давно прошли, уже несколько недель назад! Ситуация была хреновая, а к марту, когда мы играли на концерте памяти Рэнди Роудса в Irvine Meadows, все стало еще хуже. Тогда мы уже знали, что придется

его уволить; мы начали записывать новый альбом, и ничего не получалось. Но, хотя уволить его было необходимо, я всегда буду жалеть о том, как я это сделал: я уволил его по телефону, и это было неправильно. Мне не следовало так поступать, но я просто был не готов наблюдать еще один его припадок. За последние два года мы три раза предупреждали его, что ему нужно собраться, и Фил уже давно играл в группе и должен был понимать, что косячит. Но его это, похоже, не волновало, и в конце концов ему пришлось уйти. Почти во всех песнях на March ör Die на барабанах играет Томми Олдридж[68], только на Ain't No Nice Guy играет Фил, а на Hellraiser – наш новый барабанщик Микки Ди.

С Микки я был знаком уже много лет. Во времена Брайана Робертсона Motörhead ездили в тур с Mercyful Fate, а Микки (он швед) был их барабанщиком. Собственно, однажды я уже звал его в группу – тогда к нам присоединился Пит Гилл, – но он как раз начинал играть с Dokken и был занят. На этот раз я поймал его в баре Rainbow – он тогда жил в Лос-Анджелесе, – и он был свободен. Так что мы пригласили его на репетицию и поиграли вместе. Первая песня, которую сделал с нами Микки, была Hellraiser, и он сразу сыграл прекрасно. Было сразу ясно, что такой состав сработает. Мы записали с ним два трека – Hellraiser и Hell on Earth (это одна из невозможно прекрасных «потерянных» песен Motörhead), а затем сразу отправились в тур с Оззи. Для Микки это было что-то вроде испытания огнем, он чуть не обосрался от страха, но играл великолепно. Было смешно: остальные члены группы сомневались насчет него. У Микки огромная копна светлых волос, он красавец и знает об этом. Так что в его адрес было отпущено много колкостей и острот про «глэм-роковых сопляков». Но Микки потребовался всего один концерт, чтобы заткнуть им рот. Вот так – после этого все шутки прекратились. Все говорили: «Господи Боже», а я смеялся и отвечал: «Да? А не вы ли, ребята, еще час назад шутили про сопляков и глэм-рок?» Должен сказать, что Микки лучший барабанщик, с которым мне когда-либо приходилось играть (с другой стороны, хочу добавить, что Фил Тейлор в свое время тоже был великолепен).

Кроме того, что Микки прекрасный барабанщик и обладатель роскошной блондинистой шевелюры, он еще и яркая личность, просто чудо что такое. Самомнение у него еще больше моего, а это кое-что да значит! Но он способен посмотреть на себя с юмором, поэтому все в порядке: если бы он не был способен смотреть на себя с юмором, он был бы попросту невыносим. Он такой искрометный персонаж, что я хохочу до колик. Он всегда знает, что делает: например, стебется над стайкой девушек, а

потом ловит мой взгляд, и мы просто ржем. Но иногда у него появляется ложное чувство безопасности. Однажды во Франции мы каким-то образом оказались в борделе на кораблике – там было много таких плавучих борделей. Мы с Микки, Филом Кэмпбеллом и несколькими роуди пошли туда, потому что больше пойти было, в общем, некуда – мы думали, это стрип-клуб, но оказалось, что это публичный дом: во Франции это одно и то же. Там подавали только шампанское, и я ничего не пил, но остальные пили. И в конце нашего визита нам принесли счет на какую-то астрономическую сумму – типа 200 000 этих гребаных франков! Микки натурально метал громы и молнии, он орал: «Я, блядь, не буду им платить!» – с сильным шведским акцентом, который проявляется у него, когда он выходит из себя. Они сразу позвали копов, а французские копы ненавидят англичан еще больше, чем своих соотечественников. Появляется полицейский спецназ CRS, чуваки вооружены до зубов, а Микки орет на них: «Почему вы здесь? Это же гребаный бардак! Вы, блядь, участвуете в этой подставе! Сраные лягушатники!» – и так далее. Один из копов держит его на мушке, а Микки рвет рубашку на груди и вопит: «Давай! Пристрели меня!» А мы его уговариваем: «Остановись, приятель, он тебя правда пристрелит. Он *хочет* тебя пристрелить». В конце концов нам удалось вытащить его наружу. Он вломил ногой по полицейской машине, а копы стоят прямо у него за спиной, но ему все это в конце концов сошло с рук – наверное, они не захотели связываться с таким психом. И шампанское, наверное, было не очень хорошее – обычно после четырех стаканов Микки уже не стоит на ногах.

Вообще у нас нет никаких проблем с Микки. Он действительно часть группы – не как Брайан Робертсон, который строил из себя приглашенную звезду, – и он хочет во всем принимать участие, что очень хорошо. Правда, иногда в гастрольном автобусе он врубает музыку на полную мощность прямо среди ночи, когда все спят. Мы с Филом обычно выбираем себе места подальше от передней площадки! Но это очень маленькая цена за то, что мы получаем, имея в группе Микки.

Ну ладно, нужно вернуться назад и рассказать о записи March ör Die, потому что помимо смены барабанщика в то время еще много чего происходило. Скажем, в Лос-Анджелесе произошли беспорядки после вынесения вердикта по делу Родни Кинга[69]. Мы были в студии Music Grinder в восточной части Голливуда – прямо на Голливудском бульваре – и записывали Hellraiser, что было очень уместно[70]. Я как раз записал партию вокала, а в комнате отдыха стоял телевизор, по которому показывали горящий дом. Я выглянул в окно и увидел этот самый дом с

другой стороны! Это было на той же улице! Повсюду что-то горит, люди носятся туда-сюда – полный хаос. Микки тоже был в студии, и он кричал: «Моя машина! Тут стоит моя машина!», а сотрудник студии вошел к нам и сказал: «Сегодня, парни, нам придется закончить пораньше». Как видите, мы были не очень озабочены историческим значением этих событий. Мы отправились домой – оказалось, что на четыре дня ввели комендантский час – и ехали словно по зоне боевых действий. Как я услышал позже, протестующие дошли до «Беверли-центра», но не до самого Беверли-Хиллз, куда, если хотите узнать мое мнение, было бы логично идти, если тебя угнетают. Ну, вы понимаете, «смерть аристократам» и так далее. Но нет – они дрались друг с другом, что, по-моему, очень глупо. Негры нападали на корейцев; что это за херня вообще? Плевать, что корейцы всем хамят у себя в лавочках, – вас же никто не заставляет ходить в эти лавочки, правда? Делай свои дела где-нибудь в другом месте! А потом они начали сжигать собственные магазины; умно придумали, да? В довершение всего, это все снимали репортеры и полицейские со своих вертолетов, а эти бунтари приветливо махали в объективы и говорили что-то типа: «Привет! Я вот тут ищу какие-нибудь вещички!» Я хочу сказать, ведь первое правило мародера – *чтобы тебя за этим не застукали*, так? Эти люди больше хотели попасть в телевизор, чем быть свободными. Долбаные идиоты – им всем место за решеткой, вот что я думаю!

Еще у нас появился новый менеджер, Тодд Сингермен. Вот *это* имело историческое значение для Motörhead. Не помню, как нас с ним познакомили, но однажды Тодд просто появился у меня дома. Он отказывался уходить, пока я не позволю ему стать нашим менеджером. Я даже не знаю, почему он прицепился именно к Motörhead – раньше он о нас никогда не слышал.

– Я хочу быть вашим менеджером, – сказал он мне, а я ответил:

– Но у тебя нет никакого опыта.

– Не беспокойтесь, – говорит он, – я раньше работал у одного конгрессмена.

Парень был реально одержимым! Я не шучу – он приходил каждый долбаный день, звонил в дверь:

– Привет, это Тодд!

– Ох, блядь!

Но он всюду возил меня на машине, водил на вечеринки и так далее – показывал, значит, какая от него большая польза. В конце концов он меня взял измором. Сотрудничество с Дугом Бэнкером у нас не заладилось, и я знал, что нам нужен кто-то другой, так что сказал своим парням: «Послушайте, нам нужен

новый менеджер», и они сразу навострили уши, потому что вот уже некоторое время доставали меня просьбами избавиться от Дуга Бэнкера. Я и говорю: «У меня есть на примете один парень, Тодд Сингермен. Думаю, он бы нам подошел». Вюрзель отнесся к нему подозрительно – после Дуга Смита он уже никому не доверял. Жизнь может сделать такое с человеком, сами знаете. Но Тодд пришел, уболтал нас, и мы его взяли. Он в поте лица добывал эту работу, а теперь, когда он ее получил, ему приходится потеть еще больше! Каждый раз, когда он жалуется на завал в работе, я просто говорю ему: «Слушай, старик, ты сам вызвался делать эту работу. Ничего не попишешь!» И он все делает наилучшим образом. Тодд настоящий боец, а как раз такой человек нам и нужен. И он упрям как бык – это я о нем узнал первым делом!

На фоне всех этих событий (а дальше – больше!) мы и записали March ör Die. Мы снова позвали Пита Солли, но, как часто случается с нашими продюсерами, во второй раз он не так хорошо справился, как в первый. Кажется, камнем преткновения стал заглавный трек: он сделал свою версию March ör Die и настаивал на ней. Я хотел кое-что в ней поменять, а он совсем мне не помогал. Он просто сидел, положив ноги на стул, и оставил всю работу звукорежиссеру. Я решил, что это какое-то дерьмецо. Вот почему March ör Die не получилась. А она должна была получиться: это был шикарный трек, и у меня на пленке хранится пара дублей, которые гораздо лучше, чем версия на альбоме. Остальные песни вполне хороши, например, Stand и You Better Run. Лейбл просил нас записать кавер на какую-нибудь классическую рок-песню, и, кажется, Фил Кэмпбелл предложил сыграть Cat Scratch Fever Теда Ньюджента. Откровенно говоря, наша версия нравится мне больше, чем версия Ньюджента – у него она звучит тоненько, на мой вкус. Наша запись уделывает его собственную версию одной левой – но нашу, конечно, никто не помнит. В целом, по-моему, March ör Die – недооцененный альбом. Вы, наверное, подумаете, что я собираюсь обвинить в этом наш лейбл, и не ошибетесь.

Пока мы делали этот альбом, лейбл WTG умирал. Каждый раз, когда мы заходили к ним в офис, там было все меньше и меньше людей, а к моменту выпуска альбома там остались только Джерри Гринберг и Лесли Холли. Но про то, как к нам относились в материнской компании, Sony, все стало понятно по истории сингла с March ör Die, I Ain't No Nice Guy. Он был обречен на успех: во-первых, это была отличная песня, и так как это баллада, у нее был серьезный потенциал на радио. Во-вторых, я пригласил Оззи спеть ее вместе со мной. Он вообще хотел забрать эту песню

себе, но я ее не отдавал (наверное, надо было разрешить – так ее услышало бы больше людей), так что я привел его в студию, и он дописал свой вокал. Наконец, Слэш из Guns N' Roses записал в ней гитарное соло; он однажды зашел к нам на студию, опрокинул несколько стаканчиков и записал пару дорожек гитары. Кстати, Слэша я очень люблю. У Guns N' Roses плохая репутация, но он очень милый, очень настоящий парень. Так вот, у нас была отличная песня, записанная при участии двух популярнейших музыкантов в тяжелом роке. Джерри с лейбла WTG знал, что это отличная песня. Она никак не могла провалиться – разве что если бы наш лейбл принялся нарочно ее саботировать. Но именно это и произошло. Это был худший кошмар любой рок-группы.

Вообще-то I Ain't No Nice Guy стала хитом на радио, но мы это сделали сами, без какой-либо помощи со стороны Sony или их отдела маркетинга в Epic. Мы попросили их отправить эту песню на радиостанции формата AOR (альбомный рок), но они этого не сделали. Они заявили: «Мы обращались на радиостанции, но они не хотят ее ставить». Мы знали, что это наглая ложь, потому что наши менеджеры сумели поставить песню в эфир; один парень из нашей команды, Роб Джонс, и еще один чувак, которого мы наняли, обзвонили все нужные радиостанции. С двух телефонов за два месяца мы связались с 82 станциями формата AOR. И на всех этих радиостанциях нам ответили, что Sony не присылали им эту песню: эти люди понятия не имели, что она вообще существует, пока мы им не рассказали! I Ain't No Nice Guy заняла 10-е место в радио-чартах, а Sony не сделали ни одного телефонного звонка – только представьте себе, что могло бы получиться, если бы они приложили хоть малейшее усилие для ее продвижения! Но нет: в действительности они попытались *запретить* ставить ее в эфире. Кто-то из сотрудников лейбла, отвечавших за связи с радио, позвонил на одну станцию в Канзас-Сити и сказал:

– Я слышал, вы ставите в эфире I Ain't No Nice Guy. Не надо этого делать. Мы вам эту песню не давали.

Вот гондон! У них на руках хит, а они пытаются его потопить! Наш менеджер Тодд позвонил этому придурку и устроил ему форменный разнос:

– Я полтора года лизал твой зад, чтобы заставить тебя выполнять твою же работу, – сказал он этому мудаку. – *Я* свою работу сделал, а единственный человек, который не сделал свою работу, это ты! Если эта песня не вернется в эфир сегодня к 10:30 вечера, у меня есть родственники в Южном Централе – они позаботятся о том, чтобы ты больше никому не присылал отказов!

Конечно, час спустя песня снова была в эфире, но печально, что они вынуждают людей опускаться до такого уровня. Они не оставляют тебе выхода: если ты с ними мил и дружелюбен, они считают тебя слабаком и оттаптываются на тебе; если ты ведешь себя как говнюк, ты, по крайней мере, разговариваешь с ними на понятном им языке, но, скорее всего, тебя выгонят, что с нами затем и случилось. Но, похоже, быть говнюком это единственный способ получить хоть какую-то реакцию от этих чертовых клерков.

Так как лейбл никак не помог нам попасть на радио (это еще мягко говоря!), вы не удивитесь, когда я сообщу вам, что они мешали нам попасть на MTV. У нас была песня, занявшая 10-е место в чартах рок-радиостанций, и нам было нужно всего штук пятнадцать на съемки клипа, но они не пожелали их давать. Мы наскребли 8000 долларов из собственного кармана и сами сделали видео – а Оззи и Слэш поступили настолько великодушно, что согласились появиться в нем. Видео получилось немного скомканное, но вполне неплохое. Только вот MTV не сразу смогли его показать, потому что у Sony ушло три недели на то, чтобы подписать разрешение!

Поговорим еще об одной штуке, которую мы сделали сами и в которой Sony нам никак не помогли: мы выступили в Tonight Show и стали первой в истории тяжелой группой, которая появилась в этой передаче. Опять-таки, мы попали туда благодаря связям нашего менеджера и нанятой нами самостоятельно пиарщицы, Аннетт Минольфо. Конечно, в день съемок лейбл отправил на телестудию пару своих клерков, чтобы они за нами приглядывали, но это не могло скрыть тот факт, что они ничего не сделали, чтобы помочь нам попасть в эту программу. Они-то вообще говорили нам, что это невозможно устроить!

Мне очень понравилось выступать в Tonight Show. Ведущий Джей Лено был настоящим джентльменом, не то что Дэвид Леттермен, с которым мы даже не познакомились, когда снимались у него. Джей пришел к нам в гримерку за два часа до съемки и спросил: «У вас есть все, что вам нужно?» Его никто не заставлял это делать. Во время репетиции телевизионщики носились туда-сюда и, как обычно, паниковали по какому-нибудь дурацкому поводу:

– Нельзя играть так громко! Камеры будут дрожать!

Я сказал:

– Как же снимают крушение поезда?

Полная чушь. Эти гребаные камеры ни от чего не дрожат! То же самое говорили на Би-Би-Си двадцать лет назад, и тогда это тоже была чушь! Но само шоу было отличное. После первой песни я должен был отдать пять баксов Брэнфорду Марсалису[71],

который тогда работал бэндлидером в штатном ансамбле Tonight Show. Однажды, когда он еще только начинал работать у Джея, Тодд познакомил нас в одном клубе в Голливуде. Я сказал Брэнфорду:

– Нужно нам выступить в вашем шоу.

– Хорошо, – сказал он; ха!

– Спорим на пять баксов, что этого не будет.

– Окей, – сказал он. И мы все-таки попали на это шоу!

Среди гостей был этот паренек, Нил Патрик Харрис, который играл в сериале «Доктор Дуги Хаузер», и характерная актриса Эди Макклерг – отличная тетка. Я с удовольствием поболтал с Джеем и перекинулся парой шуток с Эди, мы сыграли две песни, и вообще это получилось хорошее шоу – а Sony тут благодарить не за что!

За пару недель до выступления в Tonight Show мы сыграли три концерта на западном побережье в совместном стадионном туре Metallica и Guns N' Roses. Я сам толком не знаю, как мы там оказались; наверное, это заслуга парней из Metallica. Это единственная группа, которая когда-либо признавала наше влияние. Эти три стадионных концерта прошли удачно, особенно последние два из них. Нам предоставили все порталы, и с нами обращались уважительно, а так и должно быть.

Раз речь зашла об уважении, почему бы не вернуться к нашим неприятным отношениям с Sony, которые нас совершенно не уважали. Собственно, мое предположение, что лейбл WTG использовался для списания налогов Sony, основано исключительно на том, как Sony относились к нам. Кажется, они не делали ничего, чтобы нам помочь, и делали все возможное, чтобы наши альбомы продавались хуже, особенно March ör Die. Когда этот альбом вышел, а на лейбле остались работать только Джерри и его ассистент, мы знали, что дни WTG сочтены, но мы предполагали, что Sony подпишут нас на какой-нибудь другой из своих лейблов, например, на Epic – мы работали с их отделом маркетинга. Обычно происходит именно так, и с учетом нашей номинации на «Грэмми» и отличных рецензий на 1916 – и, кстати, на March ör Die – это было бы вполне естественно. Но нет, они отказались от нас, и, если говорить начистоту, я думаю, что этим они оказали нам услугу. Эти недоразвитые клерки в Sony все как на подбор – тупые, невежественные мудаки и гребаные элитисты. И я говорю так не потому, что зелен виноград: я так думал задолго до того, как они нас вышвырнули! У них нет ни малейшего представления о музыке. Они продают миллионы пластинок, но что тут сложного, если они владеют правами на каталоги Майкла Джексона и Мэрайи Кэри? Поверьте мне,

Мэрайе Кэри было бы только лучше без Томми Моттолы! А это ведь именно Моттола даже не посмотрел в мою сторону на своей собственной гребаной вечеринке в честь вручения «Грэмми». Пошел он на хер, и остальные все тоже. Это сборище самых бессмысленных мудаков, которых я видел в своей жизни. О да.

Мы в качестве хедлайнеров сыграли несколько концертов в Аргентине и Бразилии, а потом – прежде чем перестроиться и заняться поисками нового лейбла – приняли участие в конференции CMJ в Нью-Йорке. CMJ это университетская газета про музыкальный бизнес, и они проводят ежегодные конференции. Такие тусовки устраивают разные организации, и я довольно много на них бывал. Это странная херня: там обычно собираются невысокого ранга представители индустрии, которые хлопают друг друга по спине и тратят в баре деньги, выделенные им на расходы, но там бывает также много молодых людей, практически тех же самых фэнов, которые только начинают свою карьеру в музыкальном бизнесе (бедняги!). И конечно, у представителей музыкальных корпораций имеются артисты, которых они там водят напоказ. Я бывал на таких конференциях, но меня никто не *водил напоказ* – никто попросту не осмеливался это делать! Мы с Вюрзелем однажды были среди спикеров – это такая ерунда! Там никогда не говорят ничего осмысленного и важного. В тот раз какая-то девица-металлистка, называвшая себя Грейт Кэт, впустую тратила время всех присутствующих – она все тараторила и тараторила о том, какая она великолепная! А Вюрзель тем временем под прикрытием скатерти мочился в бутылку. Но я тепло вспоминаю конференцию того года, потому что мы с Вюрзелем столкнулись на ней с человеком, которым я восхищаюсь, – гитаристом Лесли Уэстом[72].

Лесли Уэст чудесный человек, совершеннейший маньяк с дикими, безумными глазами. Я представил ему Вюрзеля, и Лесли многозначительно посмотрел на него и говорит:

– Скажите мне, это имя известно вашей маме или вы получили его позже?

Вюрзель, которому от безумного взгляда Лесли было не по себе, ответил:

– П-позже, в школе.

– Скажите мне, Вюрзель, скажите мне правду: вы употребляете наркотики?

– Д-да, употребляю.

– Пожалуйте вот сюда.

Они скрылись в туалете и вместе закрылись в одной кабинке, что было нелегко сделать, учитывая габариты Лесли. Уэст сыпанул кокаина себе на ботинок и говорит:

– Я не хочу, чтобы у вас, Вюрзель, сложилось неверное мнение обо мне, но вам сейчас придется опуститься на колени!

И Вюрзелю пришлось опуститься на колени и вынюхать этот кокаин с его ботинка!

К конференции Лесли Уэст отнесся без снисхождения.

– Я не могу здесь дольше находиться, Лемми, – сказал он мне. – Тут одни неотесанные болваны.

– Я знаю! – сказал я. – Я и сам пытаюсь отсюда свалить.

– В общем, я ухожу, – сказал он. – Мне ужасно неприятно оставлять тебя здесь одного, Лемми, но я пошел.

И он сел в свою машину и уехал. Я не могу его винить. Ни один из лейблов, на которых он издавался, так ничего для него и не сделал. Вот вам человек, который должен был быть суперзвездой, но уже много лет «фабрика хитов» не обращает на него внимания.

Как бы то ни было, к концу года мы снова остались без лейбла, но это, на мой взгляд, даже к лучшему. Я слышал слишком много вранья от боссов Sony и в конце концов не выдержал и спросил одного из их сотрудников:

– Почему вы нам не сказали все как есть?

Вот его ответ, дословно:

– Этот бизнес так не работает.

Вы только представьте себе человека, который говорит такое! Как можно быть таким гнусным подлецом? Таких людей нужно подвешивать за яйца к горящей жерди. Но, проведя почти тридцать лет в музыкальном бизнесе, я должен был это понять. Я всегда говорил, что хороший бизнес это воровство, – в бизнесе, если у тебя удачно прошел день, ты украл чьи-то деньги. Для этих людей музыка товар, и только: что музыка, что консервы. Большинство людей, продвигающих рок-группы, даже не слышали группы, которые они продвигают. Они знают только название, которое подвернулось им случайно. В музыку больше никто, похоже, не верит. Индустрия все время растет, но они убивают музыку. Во всяком случае, они пытаются, но я им не дам, покуда жив. Пошли они в жопу, вот что. Это подлые, тупые, самодовольные, никому не нужные ублюдки – именно так, никому не нужные, потому что меня люди будут помнить, а всех этих клерков забудут. Пошли они в жопу. Что это за люди, кто такие? Работали в Sony? Ха! *Это* уж точно не повод для гордости!

Глава 12. Мы – Motörhead

Как вы заметили, я не очень-то расстроился, потеряв контракт с Sony. Бывало и хуже. Такое меня вообще не беспокоит – надо просто продолжать работать, и все само собой устроится. Все всегда устраивается само собой. Нельзя метаться в панике и опускать руки; надо полагаться на свои убеждения; надо знать, что кто-то обязательно признает твою ценность и что ты не пропадешь. Если ты выглядишь проигравшим, кто выступит на твоей стороне?

Так что пока разворачивались последние события нашей бесславной истории с Sony, мы занимались тем же, чем всегда: играли концерты. Незадолго до расторжения контракта мы сыграли пять концертов с Оззи Осборном и Alice in Chains. Оззи был в одном из своих так называемых «прощальных» туров – как будто однажды он и в самом деле уйдет на покой! Да если он это сделает, у него крыша поедет! Оззи один из самых харизматичных певцов в мире; это дело его жизни. Отнимите у него это, и он бесповоротно спятит. Если бы он мог увидеть себя таким, каким его видят все остальные, он бы уже никогда не заикнулся об отставке. Наверное, однажды он будет *вынужден* уйти на покой, но это когда он уже и ходить не сможет. Вот, но мы сыграли только на нескольких его «прощальных» датах, а потом нас убрали, потому что в свободные дни мы играли совместные концерты с Guns N' Roses и Metallica. Это было не очень-то по-рок-н-ролльному, на мой взгляд, но так как мы все равно стояли на афише третьими, после Alice in Chains, я особо не переживал.

Еще мы записывались. Несколько наших песен попали в фильм «Восставший из ада 3: ад на земле» Клайва Баркера[73] – Hellraiser (неудивительно) и Hell on Earth, которые были записаны на одной сессии. Кроме того мы записали песню Born to Raise Hell, где я пою вместе с Ice-T и Уитфилдом Крейном, вокалистом Ugly Kid Joe (приятный парень… то есть *теперь* он приятный парень! Привет, Уит!). Эту третью песню мы сделали в последнюю минуту – ее поставили на финальные титры, и она не вошла в альбом-саундтрек. Мы даже сняли клип на Hellraiser, но Sony его, конечно, не финансировали – кажется, деньги дала кинокомпания, сделавшая фильм. Так что, как видите, наша карьера не всецело зависела от капризов Sony (и слава Богу!).

Позже мы сыграли несколько концертов в Аргентине и Бразилии, а на разогреве у нас были Alice in Chains. В некоторых южноамериканских странах закон ни черта не значит, и там нужно не расслабляться и беречь свою задницу. Однажды в

Бразилии нас пригласил к себе в гости сын президента, а по дороге к нему копы попытались засадить нас за решетку. Это для них хлебное занятие – арестовывать людей вроде нас и затем требовать огромный выкуп. Разумеется, ведь все рокеры ужасно богатые – ха-ха! В тот раз мы делили афишу с Iron Maiden и Skid Row, и после концерта мы пошли на парковку и вокруг автобуса, который должен был везти нас обратно в отель, увидели охранников, а один из них зашел внутрь и ковырялся в одном из пассажирских сидений. Когда он вышел из автобуса, его вид мне очень не понравился. «Вот же херня!» – подумал я, пошел к нашим и скомандовал:

– В автобус не залезать! – и потребовал, чтобы нам дали другой транспорт. Парень, который всем этим заведовал, пытался мне возражать:

– Больше автобусов нет.

Я говорю:

– Тогда мы заночуем здесь, делов-то. Я лично буду спать в гримерке. Окей?

Каким-то образом нам нашли другой автобус, мы завезли часть нашей команды в отель и отправились в дом президентского сына. Мы успели проехать метров десять, как вдруг откуда ни возьмись к нам привязался коп. Он заставил нас выйти из автобуса, а сам направился прямиком к тому сиденью. В сиденье, конечно, ничего не было, и он не знал, что делать! Он задал нам несколько беспомощных вопросов («сколько лет этим девушкам?» и тому подобное), но он и сам понимал, что его поимели. Потом он сказал, что наш автобус «переполнен» и нам придется подождать *другой* автобус, и я решил, что они хотят снова устроить подставу. Я пошел пешком обратно к отелю, за мной Тодд: совершенно незачем самому класть голову на плаху! Но вскоре нас догнал наш автобус, полицейские его уже не преследовали, и нам сказали: «Забирайтесь». Мы так и сделали и наконец прибыли в дом президентского сына. Это было вообще что-то! Подъезжаешь к воротам, и тут же из-за деревьев появляются солдаты со стволами на изготовку, спрашивают пароль и все такое. Мы приехали по приглашению, так что нас без лишней мороки проводили внутрь. Мы неплохо провели время, хотя, на мой взгляд, было маловато девушек. Фил Кэмпбелл нажрался и носился туда-сюда в компании с президентским сыном и его бугаями-охранниками, они были словно лучшие приятели – хотя, конечно, о дружбе на всю жизнь речь не шла.

Мы снова съездили в тур по Штатам, на этот раз с Black Sabbath. У них была забавная привычка: каждый день они устраивали обязательный перерыв на сон. Все дела прекращались,

в гримерке гасили свет, и они все трое садились рядышком на диван и дремали, словно маленькие крольчата. Бобби Рондинелли на самом деле не хотел спать, но послушно дремал вместе с Гизером и Тони! В Милуоки нам пришлось поскучать, потому что там у нас с ними была общая гримерка – большая комната, разделенная пополам занавеской. В определенный момент весь свет выключили, и нам пришлось час сидеть в темноте. Это было вообще очень странно. Даже если Motörhead просуществуют до 2035 года, не думаю, что нам когда-нибудь понадобится тихий час. С другой стороны, необходимо отметить, что Black Sabbath каждый вечер выкладывались по полной. Они были неизменно хороши на протяжении всего тура.

Год закончился на довольно неприятной ноте. Мы собирались в тур по Англии, но, как я уже упоминал, тур отменили, потому что промоутеры не хотели гарантировать нам гонорар, а мы вовсе не собирались вкладывать собственные деньги – ну, вы знаете эту историю. Зато мы съездили по Европе и, как всегда, имели большой успех. Видите, во всей этой сложной схеме только на нас можно спокойно положиться: мы всегда приходим куда надо и играем, мы всегда приезжаем вовремя, и мы всегда (ну хорошо – как правило) ведем себя разумно. Если бы промоутеры делали свою работу хоть вполовину так же хорошо, как мы делаем свою, мы все были бы довольны.

В начале 93-го года мы провели неделю в Анахайме, где без особой помпы сыграли несколько концертов в заведении под названием California Dreams (с тех пор оно закрылось), а также думали, что нам дальше делать с лейблами. Конечно, нам нужен был контракт, и в конце концов мы подписались на немецкий лейбл ZYX, что обернулось катастрофой. Но они предложили нам больше денег, чем все остальные – сразу выдали на руки безумную сумму, – и мы приняли эти деньги. Мы тогда сидели без гроша, а если у тебя пусто в карманах, ты не отказываешься от денег. Должен признать, поначалу все выглядело многообещающе. Например, уже много лет Германия была нашим главным рынком сбыта, так что заключить контракт с немецким лейблом было совершенно логично. И они нам наобещали всякого и постоянно летали через океан, чтобы встречаться с нами. Так как ZYX в первую очередь занимались танцевальной музыкой (вот это должно было нас сразу насторожить), они предлагали нам самим заниматься дистрибуцией, открыть дочерний лейбл и так далее. Но в конце концов они настояли на том, что будут все делать сами, из чего получился натуральный кошмар. Они ничего не знали об американском рынке. К тому же мужик, возглавлявший лейбл, сам его основал в 1926, что ли,

году[74]. Он был такой старый, что Ноев ковчег, вероятно, строили по его образу и подобию, и он единолично принимал все решения. Не помню уже, сколько раз Тодд летал через Атлантику на встречи с ними, но он точно ездил к ним еще чаще, чем они ездили к нам! Когда велись все эти переговоры, Тодд был нашим менеджером всего год с небольшим, и эти месяцы стали для него настоящим боевым крещением. Впрочем, он оказался на высоте.

Как бы то ни было, мы понятия не имели, во что ввязались, и просто принялись работать над новым альбомом, что мы всегда и делаем. Микки впервые работал над альбомом Motörhead с самого начала и проявил себя еще лучше, чем мы ожидали. Он принимал деятельнейшее участие в подготовке материала для этой пластинки (она в результате получила название Bastards) – не то что Фил Тейлор, который уже задолго до своего увольнения перестал интересоваться сочинением песен. И с самой записью Микки тоже прекрасно справился. Он настучал свои партии в рекордно короткий срок. Удивительный чувак, что тогда, что сейчас… и уморительный тоже!

Мы нашли нового продюсера. До сих пор мы меняли продюсеров через альбом: Джимми Миллер, Вик Мейл, Питер Солли – каждый из них сделал с нами по две пластинки. Больше чем на два альбома их не хватает. Видимо, мы выжимаем из них все соки! На этот раз мы выбирали между двумя чуваками – не помню, как звали первого, а вторым был Говард Бенсон, и мы выбрали Говарда. Говард заслужил эту работу: у него был живой интерес к проекту, и он ходил на все репетиции (хотя, должен сказать, *этот* подвиг он уж больше не повторял!). Говард все время был рядом с нами, Говард был полон решимости во что бы то ни стало работать над нашим альбомом. Он просто мозолил нам глаза, пока мы не дали свое согласие. Именно так все и было, однажды мы просто решили: хер с ним, пусть продюсирует! Он очень хотел делать этот альбом, и мы дали ему эту возможность, и, что совершенно поразительно, он в результате сделал с нами целых четыре пластинки. Не знаю, как ему удалось преодолеть правило двух альбомов, но он это сделал, и мы были в общем и целом вполне им довольны, несмотря на некоторые его странности (я скоро расскажу о них, но ничего особенно шокирующего не ждите). Он замечательно выполнил свою работу на Bastards – думаю, это один из лучших альбомов Motörhead на сегодняшний день. Там все песни сильные. Мои любимые, наверное, Death or Glory и I Am the Sword, а еще Lost in the Ozone. К тому же там есть Don’t Let Daddy Kiss Me, песня о сексуальном насилии над ребенком. Я написал ее сам, и она ждала своего часа три года. Я предлагал ее разным певицам – Лите Форд, Джоан

Джетт: я считал, что эту песню должна петь девушка, – но ее так никто и не взял. Я показывал им песню, они говорили: «Мне очень нравится! Я должна ее спеть, ты должен дать мне спеть эту песню!», но всякий раз недели через три мне звонили их менеджеры и говорили «нет». Так что я спел ее сам.

Делать Bastards было для нас сплошным кайфом. Хотя Вюрзель играет и на следующем альбоме, Sacrifice, я считаю, что именно Bastards стал его настоящей последней работой с Motörhead, потому что тогда он в последний раз был с нами всей душой. И еще мы очень веселились, приучая Говарда к работе с нами. Говард в студии становится как девчонка, и тогда вывести его из равновесия – раз плюнуть. Он заводит свою канитель – «Не оскорбляй меня, чувак!» и все такое – а я говорю: «Говард, тебя невозможно оскорбить. Мне и стараться не нужно. Ты все делаешь сам». Однажды он пришел в футболке, на которой было написано что-то типа – не знаю, ну, скажем, «36», и Фил интересуется:

– Это заграничная футболка, Говард?

– Нет, а что?

– Никогда не видел, чтобы так писали слово «мудак», – говорит Фил.

Мы ловили его на этом *два раза*, и в конце концов он не выдержал:

– Почему вы меня наняли, вы же меня ненавидите!

– Других мы не могли себе позволить, – ответил Фил.

Несмотря на это, Говарду очень нравилось работать с нами. Во всяком случае, он не терпит, чтобы о нас болтали всякое дерьмо, это уж точно (ему, кажется, пару раз приходилось отстаивать нашу репутацию). Но в студии мы с ним часто ругались. В начале нашего знакомства был случай, когда я собирался записывать вокал, но мне пришлось ждать целую вечность, пока он возился с каким-то гитарным треком. В конце концов я достал гамбургер и только принялся за него, как Говард объявляет:

– Так! Пишем голос!

– Ах ты паршивец, – говорю я, – может, ты хоть дашь мне съесть этот гребаный гамбургер?

Но он был неумолим:

– Давай, давай, сроки поджимают!

В студии Говард бывал сварливой сучкой. Ну я и сделал, что подсказывала логика: размазал содержимое гамбургера по пульту. Я решил, что это будет адекватный ответ. Кстати, пищевые привычки Говарда оставляют желать лучшего: он ест всю эту жуткую вегетарианскую херню – фрукты, орехи. Это же вредно для здоровья! Люди – хищники: это видно уже по нашим зубам!

Наша пищеварительная система не создана для вегетарианской диеты. Из-за нее люди постоянно пердят, а в кишечнике у них заводится всякая жизнь. На вегетарианской еде не проживешь – не зря у коров четыре желудка, а у нас-то только один. Подумайте об этом (привет, Говард!). И помните – Гитлер был вегетарианцем!

За все время нашего сотрудничества с лейблом ZYX только запись альбома прошла гладко. Впрочем, когда мы в студии, так почти всегда и бывает. Микки, когда начинал записываться с нами, удивлялся нашей спонтанности. Он привык работать с людьми вроде Дона Доккена, которые один альбом делают три года и все продумывают заранее. Я этого не выношу. Мы приходим налегке и все придумываем на ходу. Так выходит дешевле, и у нас, очевидно, неплохо получается. Если бы этот способ не работал, мы бы делали иначе. В общем, альбом получился отличный, но была одна проблема: его нигде нельзя было купить. В Германии его было легко найти, потому что лейбл немецкий, и это единственный рынок, который они знают. Во всех остальных странах ситуация была ужасная. В конце концов, с большим опозданием, эта пластинка появилась в Японии. В Америке никто даже не знал, что мы выпустили новый альбом. Но мы все равно много гастролировали в поддержку Bastards – мы решили, что раз самой пластинки вам не видать, то нам тем более стоит явиться к вам лично и сыграть ее живьем! Но вообще ситуация была печальная.

Bastards – один из лучших альбомов, которые мы когда-либо делали, но он прошел совершенно незамеченным, как будто его и не было. Это ужасное разочарование: ты выложился по полной, ты в восторге от результата своей работы, а всем плевать, и твоему собственному лейблу в первую очередь. ZYX даже отказались дать денег на промо-копии. Наша пиарщица, Аннетт Минольфо, просила 200 компакт-дисков для радиоведущих и журналистов, а они сказали: нет, слишком дорого. Слишком дорого?! Еще недавно они дали нам полмиллиона долларов авансом, чтобы мы сделали этот гребаный альбом, а теперь наштамповать 200 гребаных дисков для рекламы, оказывается, слишком дорого! Кто-то здесь явно ведет себя как мудак. Но вот что я скажу насчет Bastards: он хотя бы прозвучал на радио, а этого нельзя сказать ни о 1916, ни о March ör Die. Просто мы сами послали им пластиночку. Проще простого.

Ну ладно; закончив работу над Bastards, мы дважды скатались по Северной Америке и Европе, все как всегда. В Монреале мы от души поржали над Микки. К нам за кулисы пришли два чувака – трансвеститы. Они были разодеты в пух и прах и хотели с нами

сфотографироваться. Как вы знаете, мне все равно, какие у кого сексуальные предпочтения, тем более – кто как одевается, и Филу тоже плевать (Фил вообще и сам частенько так одевается – а отчего, по-вашему, в списке музыкантов на альбоме Bastards он указан как «Шпильки»?). Но Микки совсем другое дело – при всей собственной смазливости он все это терпеть не может. В общем, мы согласились сфотографироваться с этими парнями, но Микки ничего не говорили. Мы позвали его в последний момент: «Эй, Микки! Пошли сфотографируемся с этими девчонками!» Он тут же примчался: «Привет, девочки», и все такое. И застыл на месте. Особенно смешно было то, что юбка у одного из этих парней сзади практически отсутствовала, и его мягкое место было ничем не прикрыто. Но мы все равно с ними сфотографировались, а Микки бормотал себе под нос: «Гребаные педики». Как будто этого было мало, после концерта мы отправились на нашем автобусе тусоваться, а Микки отправился куда-то по своим делам и потом вернулся в клуб, где мы играли. Он не знал, что после рок-концертов там начиналась дискотека для геев! Он выходит из такси – мороз градусов двадцать, снег метет, нашего автобуса не видать. Единственным теплым местом поблизости была та самая дискотека, и ему пришлось пойти туда. Он торчал там два часа в окружении трансвеститов, которые наперебой интересовались, где он делает себе прическу. Я бы отдал сто баксов, чтобы на это посмотреть – это, наверное, было просто шикарно! Хо-хо-хо!

Потом мы опять гастролировали по Америке вместе с Black Sabbath – они снова нас позвали, и все шло отлично, пока по пути в Лос-Анджелес я не подхватил какой-то ужасный грипп. Микки и Вюрзель переболели этим в Денвере. Вирус настиг меня утром, как раз когда наш автобус приехал в город. Я почувствовал, что хочу прилечь, и вскоре понял, что сильно заболел. Это был самый мерзкий вирус в моей жизни. Тем вечером мы должны были играть в Universal Amphitheatre, но Тодд сказал мне тоном, не терпящим возражений, что играть мы не будем: «Ложись обратно в постель. Ты никуда не пойдешь». Black Sabbath поступили благородно, позволив нам потом продолжить с ними этот тур, потому что с их точки зрения я был просто симулянт. Каждый раз, когда я чем-нибудь заболею, все считают, что я опять переборщил с веществами, но я ведь правда был болен! Все равно я уже через пару дней снова встал на ноги – с гриппом всегда так. Но из всех городов в туре мне повезло пропустить именно Лос-Анджелес.

Еще мы сыграли в Аргентине перед аудиторией из пятидесяти тысяч человек (мы стараемся по возможности каждый год играть в Южной Америке – все зависит от того, ездят ли там по улицам танки!). Это было на футбольном поле, мы играли

вместе с Ramones, и, должен сказать, мы их переплюнули, хотя они там ужасно популярны. Но почти вся публика пришла в майках Motörhead, и, казалось, все 50 000 своим топотом поддерживают нас. В тот вечер никто бы не смог играть после нас. Неважно кто – наверное, даже сами The Beatles не могли бы играть после нас в тот вечер. По сравнению с такими моментами все остальное дерьмо просто не имеет никакого значения!

Между японскими и европейскими гастролями у нас выдалось несколько свободных дней, и я поехал в Таиланд с нашим менеджером Тоддом и барабанным техником Пэпом. Это было очень интересное путешествие, потому что, насколько я могу судить, человеческая жизнь там ничего не стоит: можно заплатить 600 долларов и в компании других туристов посмотреть на то, как на ваших глазах девочку по-настоящему трахнут, изобьют и пристрелят. Таких девочек покупают у нищих семей в глубинке, которым нужны деньги, чтобы прокормить остальных десятерых детей. Эта забава (?!) – любимое тамошнее развлечение у бизнесменов. Мы, разумеется, ничего подобного не стали смотреть, а пошли в клуб, где на сцене было, наверное, одиннадцать танцовщиц сразу. Всем им на вид было лет по шестнадцать, и все они были красавицы, каких свет не видывал – охренительные большие груди, длинные ноги и эти чудесные восточные лица. Любая из них – воплощение самых смелых мужских фантазий как минимум по шести параметрам. Но они вытворяли там странные вещи! Нельзя сказать, что они показывали стриптиз, потому что они с самого начала были практически голые, только живот у каждой был обтянут поясом вроде камербанда. Одна из них садилась на корточки, а между ног у нее была духовая трубка – она стреляла из нее чем-то, протыкая воздушные шарики. Другая устроилась в петле из ткани типа качелей, ее раскачивали и насаживали на дилдо в руках у другой девушки, – эту дважды сшибли со стола. Третья засунула в себя бритвенные лезвия и вытащила их на веревочке. Это все производило очень странное впечатление. Ничего эротичного в этом не было!

В конце концов мы все вернулись домой и снова обнаружили себя без контракта с рекорд-лейблом в Америке. Не помню, как именно мы расстались с ZYX. По-моему, мы просто ушли от них и подписались на лейбл CBH, глава которого, Райнер Хензель, уже долгие годы был нашим немецким промоутером. В общем, в Германии у нас все было схвачено, но в Штатах у нас ничего не было. Микки запаниковал, но это он всегда так. Он словно воочию видит, как его деньги улетают за горизонт. Его можно понять – ему надо содержать семью, и Филу тоже. Мне не нужно,

но в любом случае я не понимаю, почему люди так любят предаваться панике. Им кажется, что если они все время паникуют, то этим они показывают свое неравнодушие, но это полная чушь. В панике ты упускаешь множество важных деталей. В конце концов мы нашли себе контракт в Штатах, но к этому времени мы уже успели записать следующий альбом, Sacrifice. У нас были контракты с лейблами в Германии и Японии, а для нас это важные рынки, и они уже хотели новый альбом, так что нам надо было работать дальше.

Sacrifice – один из моих любимых альбомов Motörhead, особенно с учетом всех тех проблем, которые у нас были во время записи. Продюсером снова стал Говард, но одновременно с этим он получил работу агента по поиску новых артистов на лейбле Giant. Поэтому его голова была занята по меньшей мере двумя-тремя разными вещами одновременно, и половину времени, следуя направлению, заданному Говардом, процессом управлял наш звукорежиссер Райан Дорн. И еще с каждым днем становилось все очевиднее, что Вюрзель скоро покинет группу. Он избегал совершать любые усилия, и пока мы сочиняли песни, он обычно просто сидел, положив гитару на колени. Мы прекращали играть – и он прекращал играть, мы начинали играть снова – и он тоже начинал. Могло показаться, что эта перемена случилась с ним вдруг, но его проблемы, конечно, накапливались долгое время. Для меня это было очень тяжело, потому что он много лет был моим лучшим другом в группе, а теперь стал человеком, которого я не знал и который меня ненавидел, и знаете что? Такие вещи разбивают тебе сердце.

Все же мы пошли в студию, имея несколько отличных песен – Sex and Death мы сочинили за десять минут в последний день репетиций. Когда мы приступили к записи, я поменял текст, но так всегда бывает. Another Time я изменил до полной неузнаваемости, а для Make ‘Em Blind я написал три совершенно разных текста от начала до конца. Вот в чем кайф, когда записываешь альбом: начинаешь работать с чем-то одним, а в результате получается что-то совсем другое. Я добавил непредусмотренную партию в Out of the Sun – мне пришлось это сделать, потому что текста хватало только на два с половиной куплета, а кто может спеть полкуплета? Но когда Микки, Фил и Вюрзель репетировали эту вещь, они об этом не подумали, потому что они не вокалисты. Гребаные музыканты! И вот однажды, когда в студии не было никого кроме меня и моего гитарного техника Джейми, я вставил в песню свой собственный кусочек. Я играл на басу, а Джейми на гитаре, и мы тайком приделали к песне этот кусочек – мы это ловко провернули.

Потом я дал остальным послушать пленку. Вюрзель включил ее в машине, которую взял напрокат, и когда он это услышал, то чуть не съехал в кювет! Иногда в студии что-то появляется буквально из воздуха – так получилось с Make 'Em Blind. Многое в ней мы сымпровизировали в студии, а Фил записал свое блистательное соло с одного дубля. Оно звучит так, как будто пленку проигрывают задом наперед, но он сыграл так вживую и, сыграв больше половины, повалился на диван, не выпуская гитару из рук и хохоча от всей души. Мы и не думали делать второй дубль – получилось круто.

Еще на Sacrifice больше откровенной бессмыслицы, чем на предыдущих альбомах; тексты песен не значат ничего, за что можно было бы ухватиться. Но они отлично передают настроение, особенно заглавная песня и Out of the Sun. Dog Face Boy написана про Фила Кэмпбелла – но я решил, что песня про него, когда текст уже был готов. «Бедный парень, снова не находишь себе места, / Самолет, а как сойдешь с него – ищешь себе нового друга»: как только Фил выходит из самолета – бум! – и его след простыл. Все, добравшись до отеля, еще только принимают душ, а он уже взял напрокат машину и побывал в двух барах. Однажды он прилетел в Лос-Анджелес и взял машину с нулевым пробегом. Он вернул ее на следующий день с пробегом больше 200 миль – ехал на перекресток бульвара Сансет и Вайн-стрит в Голливуде, а очутился в Помоне! Чудо что такое. После этого случая он обзавелся картой Лос-Анджелеса и теперь знает этот город как свои пять пальцев – он, наверное, мог бы работать здесь гидом.

Вскоре после того, как альбом был закончен, группа потеряла Вюрзеля. Я уже три раза уговаривал его не уходить. Я говорил ему: «Потерпи, не дергайся, может быть, станет лучше», и так далее. Мы все время пытались выяснить, чем именно он недоволен, чтобы попытаться решить эту проблему, но он никогда не мог сказать ничего определенного. Его что-то бесило, но он молчал, пока не доводил себя до кипения, так что было невозможно заметить это в зародыше. Например, он начинал мне жаловаться:

– Все внимание достается тебе!

Я отвечал:

– Но Вюрзель, ты же перестал появляться перед журналистами. Много лет мы с тобой были главными звездами в группе, а потом ты вдруг перестал давать интервью, и твое имя больше не упоминается. К тому же я играю в этой группе на девять лет дольше тебя, и еще люди помнят меня со времен Hawkwind. Ты не общался с журналистами пять лет, сидишь дома с женой и собакой – как можно ожидать, что кто-то о тебе

услышит?

Никто, конечно, не хочет такое выслушивать! Но причина была именно в этом. Моей вины здесь нет. Просто он пал духом, а все время быть пораженцем нельзя. Это его и сгубило.

Последней соломинкой для Вюрзеля, по-видимому, стало одно английское телешоу. Оно называлось Don't Forget Your Toothbrush, и хотя само шоу было ужасное – по сути, это была викторина, которую вел какой-то отталкивающе прыгучий бывший ди-джей в идиотском костюме и с еще более идиотской прической, а победителям вручались туристические путевки – с музыкой там все было в порядке. Бэндлидером в их ансамбле был Джулс Холланд, который раньше играл в группе Squeeze; он шикарно играет на фортепиано, а поет как Рэй Чарльз. В общем, у них было заведено, что приглашенный музыкант поет две песни, а ансамбль шоу ему аккомпанирует. Меня пригласили, и мы сделали Ace of Spades – с духовыми! – и Good Golly Miss Molly[75]. Я впервые пел Ace of Spades без остальных парней из Motörhead, и из-за того, что я это сделал, Вюрзель натурально взорвался. Его жена Джем звонила на телестудию, пока я находился там, и говорила, что позвать на шоу надо Вюрзеля, а не меня! Боже. Потом я получил от Вюрзеля факс, в котором он наговорил мне много ужасных вещей. Он обвинял меня и Тодда в том, что мы присваиваем его деньги, – как будто мне нужны его деньги (как я уже говорил, я получаю больше денег в виде роялти, потому что мне платят за весь каталог моих записей). И он был убежден, что кто-то строит козни у него за спиной, – глупее ничего нельзя было придумать? Вюрзель сказал всем кроме меня, что ушел из группы. Мне он не сказал, что было особенно неприятно, потому что, как я и говорил, мы долгое время были в группе лучшими друзьями. Но конец у этой истории был печальный. Я очень переживал и был рад, когда все это закончилось. Мне рассказывали, что Вюрзель приходил на наш концерт в Брикстоне уже после того, как ушел из группы, – стоял, смотрел на нас и плакал весь концерт. Люди любят приносить дурные вести, да? Мне было ужасно грустно это слышать.

Оставшись без Вюрзеля, мы с Микки думали, что нам надо найти ему замену. Но Фил сказал: «Я хотел бы попробовать играть один». Мы решили поиграть в трио и посмотреть, как это будет получаться, и получилось просто офигенно. Раньше именно Вюрзель был самым энергичным на концертах. Именно он больше всех прыгал по сцене. И вот наш первый концерт без него, я пою, никого не трогаю, и тут мимо меня проносится *нечто*… и это Фил! Я глазам своим не поверил, потому что раньше на сцене он вообще не двигался. Он очень старался и играл как в последний

раз. Он по-настоящему засиял, но, наверное, на самом деле тут нечему удивляться. Он, конечно, странный человек, но еще он гитарист от Бога. Фил способен в любом состоянии сыграть хорошее соло. Это у него на уровне инстинктов – Брайан Робертсон такой же. Фил берет гитару, и она становится практически частью его тела. А то, что он неисправимый маленький извращенец, просто делает жизнь на гастролях еще интереснее!

Честно говоря, я рад, что Motörhead теперь снова трио. Во-первых, нам не пришлось возиться с поисками нового гитариста! Но кроме того, как я уже говорил, с двумя гитарами никогда не получается довести аранжировки до стопроцентной готовности, потому что у кого-нибудь обязательно будет свое мнение. Если в группе один гитарист, бас может делать все что угодно. Когда-то, с одним Эдди на гитаре, я играл всякую странную херню, и это работало. А теперь, с нынешним составом, все опять стало гораздо свободнее, и каждый, вроде бы, знает свою роль в музыке, а это большой плюс. Ну и денег мы теперь получаем больше!

В общем, мы доделали Sacrifice и всего через несколько месяцев нашли новый американский лейбл – CMC, – который был готов его издать. CMC договорились с нашим немецким лейблом, CBH, что будут издавать нас в Америке. Это было первое за несколько лет предложение, которое мы получили в Штатах, и они сразу показали, что верят в нас, начав развозить экземпляры альбома еще до подписания контракта! Мы до сих пор работаем с ними, и пять альбомов спустя я все еще могу сказать, что они с нами хорошо обращаются. Хозяин лейбла, Том Липски, верит в то, что делает. У его людей слово не расходится с делом – они честные (сюрприз! шок!), а мне это нравится. Первый год под эгидой CBH и CMC прошел удачно. Мы сыграли девятнадцать концертов в Германии и объездили всю Европу, и фэны приходили получать автографы с *новой* пластинкой в руках! Это было что-то новое – обычно они приносят альбомы трехлетней давности. Но CBH действительно распространяли альбом как следует, и CMC тоже поработали на славу.

Как всегда, мы поехали в тур по Америке. Уверен, вы уже поняли, что гастроли – моя естественная среда обитания, но и в туре бывают вещи, которые меня просто бесят. Одна из них – то покровительственное отношение к музыкантам, которое бывает у пиарщиков рекорд-лейблов. Они буквально берут тебя под ручку и пытаются тебя всюду таскать за собой – я это ненавижу! Я не кукла и не какой-нибудь гребаный ценный груз. Некоторые люди просто-напросто оскорбляют твои умственные способности, а когда ты им отвечаешь, называют тебя занозой в заднице. Ты

портишь себе репутацию, отстаивая свои умственные способности и свою независимость. Вот вам пример. Мы были в Канаде, и эта девица-пиарщица запланировала для нас всякой херни: Much Music (канадская версия MTV) и все такое прочее. Но мы в тот день были просто в ужасном настроении. Никто не хотел идти на сцену, потому что у нас была просто ужасная система мониторов[76]. Уже восемь концертов подряд нам было не слышно друг друга, и я уже высказывал мысль, что надо отменить весь тур и просто поехать домой: «Ну его на хер. Эта музыка – моя жизнь, а я не могу ее нормально играть, потому что на сцене все звучит как говно. Как может публика получить удовольствие, если я сам не получаю удовольствия?» (Знаю, звучит глупо, но это так и есть, уверяю вас!) И вот, пока мы переживали этот кризис, эта девица вилась вокруг и говорила:

– Ребята с Much Music уже ждут нас.

Я сказал ей, что не могу идти на съемки, потому что я слишком расстроен. И это была правда! Я не мог встать перед камерами и всем своим видом показывать, что все восхитительно, потому что это было не так. Я спросил:

– Разве нельзя устроить съемку после концерта?

– Нет-нет! – говорит она, – это нужно сделать сейчас, потому что после шести им придется больше платить за камеру.

Какое на хер это имеет значение? *Надо заплатить за камеру сколько попросят, и все!* Господи Иисусе. В общем, остальные двое побежали на съемки, а она потом написала письмо, в котором назвала нас недисциплинированными и заносчивыми ублюдками. А добило меня вот что: она обвинила меня в том, что я нанес ей оскорбление сексуального характера! Знаете, что я ей сказал? Я сказал: «Вы самый красивый представитель лейбла, которого я встречал за много лет». *И всё!* Если говорить людям, что они хорошо выглядят, это харассмент, то мир поистине выжил из ума.

Как видите, в 1995-м у нас много чего произошло. К тому же в конце года мне исполнилось пятьдесят. Тодд хотел устроить что-нибудь грандиозное и организовал для меня вечеринку в клубе Whisky a Go Go – это был полусюрприз, потому что он проболтался мне накануне, подлец этакий. В этот знаменательный вечер очередь в клуб опоясывала весь квартал несколько раз, а внутри было не протолкнуться. Кто не мог прийти лично, записал для меня свои поздравления на видеокассету (половину пленки занял Ди Шнайдер!). Если начистоту, я, конечно, ценю усилия, вложенные в эту вечеринку, но такие сборища не кажутся мне лучшим способом поразвлечься. Я просто не люблю быть *настолько* в центре внимания. Некоторые из моих собственных гостей не смогли попасть в клуб из-за

гребаной пожарной охраны, а с теми, кто все-таки пробрался внутрь, я совершенно не успел спокойно пообщаться. Посмотрим правде в глаза: на таких тусовках спокойное общение вообще не входит в программу! Меня все время тянули в разные стороны: влево, вправо, туда, сюда, вперед, назад. И все же было здорово, что люди устроили такую тусовку, и от этого вечера осталось несколько ярких воспоминаний. Metallica прилетели полным составом и сыграли несколько относительно малоизвестных песен Motörhead – это был прекрасный подарок. Metallica – одна из немногих групп, которые неизменно отдают нам должное, и я их за это очень уважаю.

Между всеми нашими многочисленными гастролями нам удалось поработать над следующим альбомом, который мы назвали (довольно некстати) Overnight Sensation. Мы потратили четыре недели, сочиняя материал, и еще четыре недели провели в студии, потом сыграли на нескольких европейских фестивалях, а вернувшись, снова пошли в студию и работали еще где-то месяц. Обычно у нас на альбом уходит около трех месяцев, и этот диск не стал исключением – просто эти три месяца немного растянулись! Продюсером снова стал Говард, но еще нам помогал Дуэйн Бэррон, который сделал много работы, следуя указаниям Говарда. Потом Говард вернулся к нам на этапе сведения и все привел в порядок. Дуэйн был парень что надо – слышно, что он любит гитары!

Это был первый официальный альбом после Another Perfect Day с Роббо, который мы записали в трио. Если вы интересуетесь, каково это было – записываться в трио, то все происходило точно так же, как с квартетом, минус один человек! Или точно как у The Everly Brothers, но плюс один человек. Работать было чуть-чуть сложнее, но только потому что Фил, оставшись единственным гитаристом, чувствовал большую ответственность (и был в этом прав). Он испытывал дополнительное давление, но достойно справился с этим. Overnight Sensation оказался для него удачным альбомом. Микки был, как всегда, безупречен – он всегда записывает свои барабаны задолго до дедлайна. На этот раз он уложился в один день. В самом деле, зачем тратить больше времени, чем нужно? Люди думают, что чем дольше ты работаешь над альбомом, тем лучше он получится, но это заблуждение. Вспомните Джеффа Бека, Клэптона и Пейджа – свои ранние, классические вещи они часто записывали с одного дубля. У них просто не было выбора! В те дни ты должен был сыграть свое лучшее соло за пятнадцать-двадцать секунд. Ты должен был сразу высказаться по существу! Не то что вся эта байда, которую навалял Джерри Гарсия. Джефф Бек сделал себе имя за

восемнадцать секунд соло в песне Shapes of Things! В шестидесятые были идеальные условия для становления великолепных музыкантов, не то что сейчас. И, к слову о том, что альбомы лучше записывать быстро: вся наша дискография говорит об этом недвусмысленно и во весь голос.

Overnight Sensation также стал нашим первым альбомом, официально выпущенным на CMC: Sacrifice успел появиться в Штатах на импортных дисках до того, как они его переиздали. Но с Overnight Sensation они действительно показали, на что способны: у нас долгие годы не было такой хорошей дистрибуции. Для дистрибуции они заключили договор с BMG[77], и это сослужило нам хорошую службу. Но должен сказать, что иногда я сомневаюсь в деловой хватке ребят с CMC. Я уже говорил, что хороший бизнес это воровство, а так как CMC всегда безукоризненно честны с нами, то они по определению плохие бизнесмены! Но я думаю, что могу с этим смириться.

На гастролях в поддержку этого альбома мы получили массу новых впечатлений. Мы снова побывали в Венгрии, которая сильно изменилась с нашего предыдущего визита. Раньше она была как Россия – там была довольно тяжелая атмосфера, – а теперь она больше похожа на Германию. И, кстати, о России: мы впервые побывали там и сыграли четыре концерта. Россия очень странное место, она не похожа ни на одну страну, которую я когда-либо видел. Я бывал в Восточной Европе и до, и после падения Берлинской стены: я играл в Восточной Германии, в Венгрии, конечно, и в Чехословакии, и все они совершенно не похожи на Россию. Американцы, которые сами не бывали там, не имеют о ней ни малейшего представления. Это безумное место. Там повсюду охранники – везде человек по девять. Все похожи на бывших военных. Думаю, дело вот в чем: когда Советский Союз рухнул, с ним полетела в тартарары и половина всей полиции – столько полицейских было уже не нужно, и большинство из них пошли работать в службы охраны, а это, по сути дела, частные армии! А остальные бывшие полицейские стали таксистами в Лос-Анджелесе! Такое количество охраны вокруг производило удушающий эффект. Свободный рынок представлен главным образом многочисленными казино, потому что играть в казино это единственный способ раздобыть иностранную валюту. Они там повсюду, а страна при этом все так же подыхает с голоду. Но концерты прошли обалденно. Все билеты на них были распроданы, а публика просто бесновалась! В этом смысле мне там понравилось (ну и вообще это лучшее, что есть в любом туре, – концерты и секс после концертов).

Конечно, дело не обошлось без некоторого пиздеца, потому

что у тамошних промоутеров было еще мало опыта. Например, мы ехали из Москвы в Ростов, а это реально далеко. Нам сказали прийти по такому-то адресу в таком-то часу, и вот мы выехали из Москвы. Мы ехали, за окном становилось все темнее, от одного фонаря до следующего было уже полмили, и в конце концов мы съехали с шоссе и остановились у высокой изгороди. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели вооруженных охранников в будках по обе стороны ворот. Какой-то мужик велел нам поставить машину у обочины, мы так и сделали, и они с нашим промоутером начали препираться на русском. Было жутковато. Потом вдруг откуда-то к воротам примчались два огроменных грузовика. Это были армейские грузовики – но за рулем у них сидели гражданские, – короче, их сразу же пропустили. Вскоре мы сообразили, что это какая-то база ВВС, на которой заодно занимаются всяким импортом-экспортом! Промоутер вернулся к нам и сообщил: «Нам пока нельзя туда заезжать. У них ожидается приезд генерала». Нам пришлось сидеть и ждать, и наконец подъехал огромный, сука, служебный автомобиль с флажком. Из него вылез мужик в коротком кителе и фуражке, он зашел на территорию базы и скоро вышел обратно – наверное, забирал свою долю. В конце концов нам махнули: можно заезжать. Там повсюду были солдаты, которые болтали без умолку: русские в этом смысле похожи на итальянцев, они могут полчаса говорить без остановки. И вот нас подвезли к самолету – Фил увидел его первым. Он тут же вернулся к машине и сказал:

– Я на этой херовине не полечу.

– Не будь бабой, – говорю я и выхожу из машины посмотреть, в чем там дело. Затем уже *я* возвращаюсь к машине и говорю:

– Я на этой херовине не полечу.

Это был какой-то «Ил» середины 50-х, не то бомбардировщик, не то грузовой самолет, совершенно выпотрошенный изнутри. Пассажиры помещались там в задней части грузового отсека, а из мебели там стояли только какие-то садовые стульчики! К тому же эта махина была не герметизирована – она была открыта всем стихиям. Мы отказались лететь на ней, но посадили в нее дорожную команду. Зато им потом было что рассказать. Им только в радость описывать свои злоключения.

Когда мы добрались до Ростова, нашего осветителя Тони чуть не ограбили милиционеры. Мы сыграли отличный концерт, а потом все вместе пошли в кафе. Весь техперсонал щеголял в ушанках с советским гербом спереди – это такие большие меховые шапки, которые теперь делают для туристов. Как будто нас окружали гребаные манчкины. Тони разговорился с местными, и два чувака, по всей видимости, копы, вызвались

пойти с ним и другим роуди по имени Дейв Дорожный Воин «искать девочек». Но их посадили в разные машины, что было несколько подозрительно, а минут через десять Дейв заметил, что вторая машина больше за ними не едет. Он сказал: «Да ну нахер», и просто вылез из машины и пошел обратно. А Тони начал просто орать на людей, которые ехали с ним, и орал, пока они не развернули машину и не повезли его назад – он изверг целый поток угроз, в котором, помимо всего прочего, упоминалось британское посольство. А Дейв вернулся пешком. Я уверен: если бы они доехали до места, то оказались бы в двадцати пяти милях от города в компании одной-единственной девушки и шестерых чуваков с дубинками, готовых избить их до потери чувств и забрать у них все деньги.

Было бы круто побывать в России еще в советское время, тогда я мог бы сравнить то, как было тогда, с тем, что происходит сейчас. У большинства людей жизнь там не сахар. Мы съездили в Санкт-Петербург, это просто фантастика – «Доктор Живаго», Зимний дворец – одним словом, живая история. И я, будучи прожженным романтиком, решил: «Отлично, вернемся в Москву поездом! Увидим Россию как она есть». Что ж, увидели. Нам сказали: «Все в порядке, мы забронировали для вас билеты». Приезжаем на вокзал, там стоит длинный-предлинный поезд. Заходим в вагон, я нахожу купе с номером, указанным в билете, открываю дверь – а там сидит женщина с двумя детьми! Я говорю кондуктору:

– Это, наверное, ошибка.

– Нет-нет, – он показывает мне ее билет, и у нее указано то же самое купе. Так у них заведено: они бронируют для вас билет, а простым людям в случае чего велят убираться подобру-поздорову – этой женщине с детьми пришлось сойти с поезда. Я говорю:

– Эй, чуваки, вы не можете так с ними поступить!

А они отвечают:

– Хотите ехать с ними до самой Москвы в одном купе?

Я был вынужден признать, что нет, не хочу. Судя по всему, со времен царя ничего не изменилось – сильные делают что хотят, а все остальные за это расплачиваются. В России так всегда было. И никакой долбаный Ленин, несмотря на всю свою болтовню, ничего не изменил для простого человека.

Туры удавались нам особенно хорошо, к тому же в некоторых странах – в Аргентине, в Японии – нам теперь давали залы побольше. И в это же время английские промоутеры обнаружили, что, представьте себе, концерты Motörhead приносят неплохую прибыль. Наше трио звучало прекрасно, и мы подумали, что

теперь самое время выпустить еще один концертный альбом. Позже мы так и сделали, но сначала записали новый студийный альбом, Snake Bite Love. Он получился весьма неплохим, несмотря на то что мы записывали его во множестве разных студий, а не в одной-двух. Еще я сильно продвинулся в игре «Риск» – у Говарда Бенсона, который снова стал нашим продюсером, на компьютере была эта игра, и я рубился в нее все то время, когда не записывал свои партии. По моим ощущениям, на Snake Bite Love и на We Are Motörhead, который мы сделали уже совсем недавно, наш нынешний состав раскрылся в полную силу как студийная группа. Мы любим записываться – сейчас мне это нравится даже больше, чем раньше. С Микки и с таким прирожденным гитаристом, как Фил, это совсем не сложно. Сейчас гораздо реже бывает, чтобы кто-то из нас закатил скандал что твоя оперная примадонна. С каждым бывает, но это редкость. Мы все ведем себя очень профессионально (за столько лет было бы странно не научиться!), так что процесс идет легко.

Над Snake Bite Love мы работали так же, как обычно работаем над всеми своими пластинками: когда мы начинали запись, у нас не было еще ни одной песни, а шесть недель спустя альбом был готов. Когда пришло время, мы все сочинили очень быстро. К сожалению, я проболел часть репетиций, а когда два непоющих музыканта остаются без присмотра, они делают очень странные аранжировки. Так что у пары песен, Desperate for You и Night Side, очень непривычные структуры. Непросто сделать так, чтобы это в итоге звучало убедительно. И, конечно, многое изменяется прямо в студии. Заглавный трек начинался как совершенно другая песня. Микки записал барабаны под абсолютно другие аккорды. Потом он поехал домой в Швецию, и в один прекрасный день Фил говорит: «Эта песня меня достала. Она мне *уже* не нравится». Я ответил: «Ты прав». Он принялся за дело, сочинил полностью новый рифф, и получилась другая песня! Еще этот альбом – отличный пример того, как я пишу тексты в последнюю минуту: я опять выступил как ленивый сукин сын, да? Но мы справились, и по-моему, это очень хороший альбом. Единственная претензия к нему это то, что Микки не нравится название. Этот старый гомофоб считает, что оно какое-то гейское. Он позвонил мне прямо из Швеции:

– Мне не нравится в названии слово love. Не хочу эту чертову love. Пусть лучше будет Bite the Snake или еще как-нибудь в этом роде.

– Ох, иди в жопу, Микки, – говорю я, – что на тебя нашло?

Потом он позвонил мне опять:

– Слушай, Лемми, я насчет названия…

Пришлось дать ему выговориться.

Отправившись в тур в поддержку Snake Bite Love, мы наконец собрались записать концертный альбом – он получился двойным, потому что для разнообразия мы решили издать концерт целиком. На предыдущих целый концерт не поместился бы – это же было время винила. Мы немного поспорили о материале: например, стоит ли нам в очередной раз играть Overkill – она ведь уже была на других наших концертных пластинках. С другой стороны, теперь у нас был новый состав, и мы решили, что это имеет смысл. К тому же многие из наших фэнов – сумасшедшие архивисты, и они это любят. Я знаю некоторых таких: они собирают по пять экземпляров каждого нашего альбома – японское издание, аргентинское, немецкое и так далее. Они и не собираются их слушать – даже пластиковую упаковку не снимают. На мой взгляд, это странно: зачем собирать пластинки, если их не слушать? С другой стороны, я коллекционирую ножи и никого не собираюсь ими резать, так что кто бы говорил!

Кстати о японских изданиях: то, как они воспроизводят мои тексты, это нечто. В одной песне на нашем первом альбоме есть такие строчки: «Мы оказались в месте, где в воздухе было что-то нехорошее, / Голый, изнуряющий страх». В их версии получилось так: «Мы наткнулись на трубопровод, а они все пытались вмешаться»[78] – фантастика! Так лучше, чем в оригинале! Это просто прекрасно, это как гребаный Шекспир. Почти что.

Ну да ладно, мы уже приближаемся к концу этой повести, а я опять отвлекся. Итак, концертный альбом: мы записали его в мае 1998 года в Германии, в Гамбурге, в «Доках» (это такой клуб, а не то что мы расположились на верфи!), и я с гордостью заявляю, что мы абсолютно ничего не дописывали в студии (собственно, я это уже отметил в сопроводительном тексте к альбому). Мы выбрали Германию, потому что там у нас очень преданная публика. Они всегда спасали наши задницы, когда мы в очередной раз шли на дно. Они оставались с нами, и мы знали, что в Гамбурге нас всегда ждет прекрасный прием. Это место похоже на Ливерпуль – портовый город, а с моряками все всегда просто и понятно! Этот диск называется Everything Louder Than Everyone Else, и он вышел весной 1999 года.

Наш последний альбом двадцатого века, We Are Motörhead, распахнул перед нами двери нового тысячелетия. Как обычно, мы отправились на год в тур, который не был богат событиями – точнее, событий было не больше обычного, за исключением того, что мы объездили Ирландию, чего не делали уже много лет, – вплоть до самого конца. Мы снова отправились в Россию, и расписание у нас там было убийственное: два

восемнадцатичасовых переезда подряд и ни одного выходного дня в течение недели. Затем нам потребовалась целая вечность, чтобы из России попасть в Польшу. Мы оказались в Варшаве только в 11 вечера – техники расставляли наш аппарат в час ночи! Но публика не расходилась, потому что это был наш первый приезд туда. После чего нам надо было ехать в Австрию… в конце концов я просто свалился с ног. Гастроли моя стихия, но возможности человеческого организма имеют свой предел. Все равно тур уже подошел к концу, так что это было не важно.

Отдохнув месяц, мы начали работу над новым альбомом, Hammered. Фил и Микки прилетели в Лос-Анджелес 10 сентября 2001 года – лучшего времени для перелета нельзя было и придумать, учитывая то, что случилось на следующий день! Конечно, парни были в безопасности – они летели из Англии в Лос-Анджелес без пересадок, – но кто знает, когда бы они добрались до города?

Полагаю, мне следует высказаться насчет этих терактов. Не думаю, что это популярная точка зрения, но на них надо смотреть в определенном контексте. Это действительно была ужасная трагедия, но то, что случилось в Нью-Йорке и Вашингтоне, англичане и американцы устраивали в Берлине во время Второй мировой войны каждый день в течение трех лет – а немцы устраивали то же самое в Англии. Это пережили все города в Германии и многие города во Франции и Польше. Но американцы обычно об этом не думают. Для них Америкой все начинается и заканчивается. В Америке такое произошло впервые, так что в их несколько чрезмерной реакции нет ничего удивительного. Давайте не будем поддаваться панике – такое можно пережить. *Все* можно пережить.

Но вернемся к Hammered. Мы записали его в Голливуд-Хиллс, в доме у Чака Рида (раньше он занимался рэпом – думаю, эту травму он еще не пережил!), а продюсером был Том Паннунцио. Альбом вышел в апреле 2002 года. За месяц он разошелся большим тиражом, чем два предыдущих диска вместе взятые, и тур начался прекрасно. Мы сейчас зарабатываем больше денег, мы играем в более вместительных залах, так что дела у нас обстоят замечательно.

Последние несколько лет были удачными и для меня, и для Motörhead. Вы, наверное, ждете, что я сейчас скажу что-нибудь вроде «в общем, мне не на что жаловаться», но вы теперь уже должны бы знать меня получше! Всегда найдется что-нибудь, что меня гложет. Если вы дочитали книгу до этого места, вы могли заметить, что за последние лет двадцать пять Motörhead записали довольно много альбомов. И вот меня всегда ставят в тупик люди,

которые по какой-то одному Богу ведомой причине считают, что наша карьера закончилась на Ace of Spades. С тех пор как я поселился в Америке, мы записали свои лучшие альбомы. Они далеко превосходят те альбомы, которые все помнят. Я включал наши последние записи самым разным людям, и все они были просто потрясены. Но большинство людей, видимо, стали глухи – к нам – в 79-м или 80-м году. «Йоу, чувак, Ace of Spades» – это обращение меня просто преследует. Иногда я могу по-настоящему разозлиться. Было бы мило для разнообразия услышать: «У вас выходило что-нибудь в последнее время? Я хотел бы это послушать». Это было бы гораздо лучше. Но нет, люди подходят ко мне и говорят: «Вы были такие классные!» Я говорю: «Да? Если мы были такие классные, почему ты перестал слушать нас после 1980 года?» И вот чего я совсем не понимаю – их обычный ответ: «А, ну я женился». Люди странные существа.

Если ты думаешь, что стал стар для рок-н-ролла, то так оно и есть. Это случается даже с музыкантами – ты видишь их на сцене, они отлично звучат и все такое, но ты не можешь отделаться от впечатления, что они все время посматривают на часы. «Долго еще играть? Я уже хочу домой, к жене и пуделю». Рок-н-ролл дело молодых, потому что… потому что, очевидно, молодые люди его придумали. А потом они состарились и стали иначе относиться к жизни – захотели, чтобы обыватели их приняли. Сам я лишен таких проблем, потому что я точно знаю: обыватели меня не примут, даже обыватели в рок-н-ролльной среде! Я с самого начала был аутсайдером. Но меня это не беспокоит – кто-то же должен быть аутсайдером.

Как я уже говорил, мы делали лучшие альбомы в своей карьере, но их, кажется, никто не слышал. Я все жду, когда нас откроют заново, но этого еще не случилось. Но пока я способен записывать пластинки и ездить в туры, я могу продолжать стоять на своем. Меня не огорчает, что мы не суперуспешны: в конце концов, я уже это испытал. Иногда меня спрашивают: «Что вы думаете о группах, которые вдохновлялись вами, а теперь имеют больше успеха, чем вы?» Дело не в том, что они добиваются большего успеха, чем мы: дело в том, что они просто добиваются успеха, – а вдохновение ты черпаешь из всего, что слышишь. Это все не важно. Просто ребята собирают группы и добиваются успеха, и так было всегда. У меня с этим нет никаких проблем. И очень хорошо, что они вдохновляются нами: значит, мы не зря работали!

Что меня очень радует, я жил в шестидесятые. Кто тогда не жил, не знает, что именно он пропустил. Мы создали некое новое сознание, некий новый способ жизни, и это было круто – СПИДа

тогда не было, люди гораздо реже умирали из-за наркотиков, и это действительно было время свободы и перемен. Какой-то бунт я видел только в пятидесятые, шестидесятые и в начале семидесятых. А потом – там не о чем говорить. Сегодня молодые люди относятся к жизни скорее как наши родители, с которыми мы пытались бороться! Их собственные дети, наверное, будут какими-то гребаными фриками. Наше поколение вырастило риэлторов и гребаных бухгалтеров. Бог его знает, как нам это удалось. Думаю, все дело в том, что чаще всего люди сдаются. Как я упоминал выше, очень многие говорят: «Раньше я слушал Motörhead», как бы подразумевая, что, повзрослев, ты больше не можешь этого делать. Что ж, чуваки, я рад, что они мне это говорят: я не хочу, чтобы *меня* слушали взрослые. Взрослые это те самые люди, которые все портят. С тех пор, как мне исполнилось двадцать пять, я никак не изменился, разве что стал умнее и мудрее, и, конечно же, то, что происходит с тобой в жизни, тоже меняет тебя. Но я никогда, в общем, и не думал, что стал старше. Просто мои двадцать пять лет все никак не кончатся! Не могу представить себе, что мне пятьдесят. Если бы я облысел или еще что-нибудь в этом роде, тогда бы я, наверное, поверил, но я не облысел.

Пару лет назад я потерял отца – проклятая рассеянность! Я, собственно, потерял их обоих – и биологического отца, и отчима. Сперва умер один, а через семь месяцев другой. Это было внезапно. Как будто они сговорились, просто чтобы позлить нас! Мой отчим, спасший нашу семью от всего того бардака, который оставил за собой мой родной отец, не оставил мне ничего кроме долгов, зато мой родной отец оставил мне денег – вот и думай. Но вообще они мне оба не нравились, а мой родной отец всегда останется для меня мудаком: он бросил молодую девушку с ребенком на руках, и ведь ее мать тоже жила с нами! Нахер это дерьмо – что, дескать, нельзя плохо отзываться о мертвых! Люди не становятся лучше, когда умирают; о мертвых просто говорят так, как будто они стали лучше. Но это не правда! Мудаки остаются мудаками – просто теперь они *мертвые* мудаки!

Ну а я очень даже жив, и это совершенно точно не последнее, что вы от меня услышите!

Глава 13. Дивный новый мир

Ну, что я вам говорил?

Приветствую вас – добро пожаловать на последние страницы этой книги. Я нарушил уже все сроки, так что буду краток (метр с кепкой).

Жизнь научила меня, что есть только два типа людей: те, которые за тебя, и те, которые против тебя. Научитесь их различать, потому что одних часто легко принять за других.

Еще мне кажется, что наш дивный новый мир становится все менее толерантным, одухотворенным и просвещенным, чем мир моей молодости; конечно, мы все подвержены синдрому «старого доброго времени», но это не тот случай… Унаследованная ненависть (т. е. ненависть, которую привили вам родители) это не только глупо, но и разрушительно – зачем делать ненависть своей единственной движущей силой?

По-моему, это просто *пиздец* как тупо.

Напоследок дам вам совет (и это хороший совет): покупайте наши альбомы. Вы не пожалеете!

С любовью, Лем. Март 2003

Он просто оставался верен своим корням, и в одном пальце у него было больше достоинства и честности, чем у большинства рок-н-роллщиков.

Слэш, Guns N' Roses

Лемми был не просто рок-звездой, хлещущей виски, – у него было великодушное сердце, он может служить примером для всех, потому что он был так добр со всеми…

Дейв Грол

Эпилог

Это нелегко. Да и как это может быть легко? Лемми был как трехметровый стальной прут, армированный кевларом, а содержание «пошли вы нахер» у него в крови превышало норму в четыре раза. Фигура всемирного масштаба. Вождь своего племени. Да он должен был пережить всех нас – меня, вас, большие и маленькие города, целые цивилизации. Мы шутили, что когда все исчезнет, когда то, что обнулит время, сровняет весь мир с пылью, то на свете останутся одни лишь гигантские тараканы и Лемми (который наверняка объездил бы такого таракана и помчался бы на нем к какому-нибудь чудом сохранившемуся подземному оазису, изобилующему выпивкой и сигаретами). Его смерть 28 декабря 2015 года не входила в наши планы – независимо от его здоровья, независимо вообще ни от чего. Это было просто нечестно.

Но вот мне выпала честь написать эпилог к его великолепной автобиографии, White Line Fever (созданной вместе с чудесной Дженисс Гарза). Мне поручено рассказать вам, дорогой читатель, последние известия из «Леммиленда» – о том, что случилось после 2002 года, которым заканчивается книга.

Почему именно мне? Давным-давно, в 1982 году, я написал Лемми письмо с просьбой дать мне интервью для моего школьного журнала, Hollyvine (четыре скромных ксерокопированных листочка формата A4, скрепленных степлером: не бог весть какой пиар). Лемми не только согласился дать мне, пятнадцатилетнему, интервью, но встретил меня в дверях студии с пинтой водки с апельсиновым соком, усадил меня на стул прямо перед пультом, показал ручку громкости и врубил альбом Another Perfect Day, работу над которым Motörhead тогда заканчивали. И он позволил мне задержаться там на всю ночь. Наша следующая встреча произошла вскоре, на этот раз на фестивале Dalymount в Дублине. Я всеми правдами и неправдами выклянчил себе стажировку в журнале Sounds (в то время – очень популярном музыкальном еженедельнике) и, более того, сумел выбить себе большую статью. У меня получился беззастенчиво страстный, со всей юношеской пылкостью фаната, текст о том, почему альбом Another Perfect Day заслуживает гораздо больше уважения, чем выказали ему как поклонники, так и музыкальные критики. Лемми оценил эту энергичную, мальчишескую апологию его творчества, и таким образом я очутился у них за сценой, причем Лемми держал меня в дружеском захвате, и мой нос был у него прямо под мышкой – на Лемми была майка без рукавов. По

сей день в моем сознании жив неповторимый, незабываемый запах вольной жизни. К тому же он горячо благодарил меня – это было так, словно мне кивнул сам Господь Бог. Эти два переживания порядком обанкротили мою юношескую веру и дали мне запас уверенности в себе, который помог мне через каких-нибудь четыре года перебраться в США.

Если бы не мистер Иэн «Лемми» Килмистер, я бы не смог более трех десятилетий быть профессиональным журналистом и в ходе своей карьеры марать бумагу для Sounds, Kerrang! San Francisco Chronicle и других изданий, а в дальнейшем получить чудесную должность штатного писаки Metallica для журнала их фан-клуба So What! в конце 90-х. Таково было начало дружбы и рабочих отношений, которые продолжались до самого конца жизни Лемми и ни разу не пошатнулись.

Конечно, в собственной книге Лемми последнее слово должно бы оставаться за ним. Я несколько раз заглянул свой телефон, чтобы удостовериться, что он не напомнил мне об этом СМС-кой. Но, очевидно, раз я взялся за эту (невозможную) задачу, СМС-ок не было.

Но, пожалуйста, *знайте*, что *каждое* слово, написанное мной, будет написано так, словно сам Лемми не только читает мой текст, но и дает комментарии.

Надеюсь, что и вы, и он одобрите эту работу.

Стеффан Киразі, Апрель 2016

Я приношу благодарность Роберту Кивиту за неоценимую помощь его наметанного глаза. *Он* был бы рад, что этот глаз проверял мою работу (возможно даже, второй глаз тоже в этом участвовал!).

Финал: Годы успеха

Когда Лемми писал последнюю главу этой книги в сентябре 2002 года (глава и впрямь получилась короткой, метр с кепкой – это, кстати, его шутка!), он сетовал на то, что мир становится все более тупым и менее просвещенным и все больше полагается на ненависть как на свою движущую силу – все то, что Лемми отказывался терпеть. Ему не было суждено узнать, что в следующие десять с лишним лет откроется целый мир за пределами сложившейся аудитории Motörhead, готовый не просто услышать то, что он говорил почти сорок лет подряд, но и признать его иконой разрушения штампов. Возможно, Лемми также по неосторожности уничтожил некоторое количество штаммов – из тех, что могут заинтересовать медиков: они наверняка водились под завалами предметов в беспримерно захламленной квартире на Хэррет-стрит, но не будем отвлекаться!

В начале 2000-х Лемми испытывал не менее сильное, чем всегда, отвращение к положению дел в мире – в песне Brave New World («Дивный новый мир») с альбома Hammered 2002 года он рычал: «Вот оно – начало, рассвет нового века / Мир стал лучше для тебя и для меня… Живем в состоянии постоянной глухой, подавленной ярости / Каждый день на улице стреляют в невинных людей». Но это совершенно не производило впечатления старческого брюзжания – напротив, всегда оставаясь верным себе, Лемми вскоре предстояло стать круче прежнего (но надо подчеркнуть, что на это ему было глубоко насрать). Motörhead продолжали тур в поддержку Hammered весь 2003 год (в том числе в ходе этого тура они шесть недель ездили по США с Iron Maiden и Dio), а тем временем их начало открывать для себя новое поколение свободомыслящей молодежи – благодаря сотрудничеству с рестлером и актером Triple H[79] и рестлинговой компанией WWE, а также благодаря тому, что Ace of Spades была использована в игре Tony Hawk's Pro Skater 3 для PlayStation. В то же время в сторону Лемми начали поглядывать «продвинутые» и «грамотные» меломаны.

В феврале 2004 Motörhead были приглашены сыграть в лондонском Королевском театре в Ковент-Гардене в рамках рекламной акции «Одна потрясающая неделя в Лондоне», предназначенной для привлечения в британскую столицу туристов: таким образом, впервые стекла в Королевском театре чуть не лопнули вдребезги под натиском группы такого звукового размаха. Сигнал был недвусмысленным: Motörhead было суждено

вскоре обрести новую актуальность, и внезапно широкая публика заинтересовалась этим «Лемми» – человеком, игравшим в первой британской группе, побывавшей за железным занавесом, человеком, работавшим роуди у Хендрикса, человеком, при чьем участии экстремальный психоделический рок прочно занял место в британских мозгах, человеком, создавшим самую громкую рок-н-ролльную группу в истории. Неистощимое богатство словесного творчества Лемми тоже получило внимание широкой публики, пусть и запоздалое. Общенациональная британская газета The Guardian опубликовала большую статью о Лемми в 2004 году, а в 2005 году за ними последовала The Independent и другие издания.

Также Лемми всерьез обратился к собственным музыкальным корням. В 2000 году он вместе с гитаристом Дэнни Б. Харви и барабанщиком по имени Слим Джим Фэнтом, ранее игравшим в The Stray Cats, принял участие в альбоме-трибьюте Элвису (Swing Cats, A Special Tribute to Elvis), и оказалось, что это трио работает настолько легко, что все трое решили: такому сайд-проекту стоит уделить время. Группа The Head Cat оказалась не просто способом отдать дань уважения таким героям, как Бадди Холли, Эдди Кокрэн и Джонни Кэш, но и возможностью выражения, которая приносила Лемми огромное счастье. Эта группа не только не мешала Motörhead – можно сказать, что она помогла им и дальше покорять новые вершины, дав Лемми возможность переключиться и погрузиться в звучание, бывшее элементом его ДНК, но не имевшее перспектив в рамках более тяжелой музыки Motörhead (что слышно на альбоме 2011 года Walk The Walk… Talk The Talk).

В это же время Лемми начал делать собственные записи, намереваясь однажды выпустить сольный альбом. Он сосредоточился на той музыке и тех стилях, которые по-настоящему любил, и сотрудничал с Дейвом Гролом, The Reverend Horton Heat, The Damned, Джоан Джетт и Skew Siskin. Надо сказать, что в результате этот проект развивался в неспешном темпе, но Лемми занимался им с удовольствием и планировал довести его до конца.

Развлекаясь с проектами на стороне, Лемми работал над следующими несколькими альбомами Motörhead так же поглощенно, как и всегда. Выпущенный в 2004 году Inferno был настоящей бомбой и оправдывал все ожидания: продюсер Кэмерон Уэбб придал звучанию группы новую остроту и убедительно доказал, что способен работать с их чисто английским сарказмом, но также на этом альбоме имелся чудесный акустический рок-н-ролльный номер Whorehouse Blues, в котором Лемми сыграл на губной гармонике. Также увидел свет

проект Дейва Грола Probot, включающий немыслимо прекрасную коллаборацию с Лемми, Shake Your Blood. Лемми также нашел время зачерпнуть из кладезя своего остроумия: Motörhead переделали свою песню You'd Better Run в You'd Better Swim для саундтрека к полнометражному мультфильму «Губка Боб Квадратные Штаны».

В 2005 году Motörhead наконец получили давно заслуженную премию «Грэмми», правда, она досталась им за кавер на песню Metallica Whiplash, и возрождение Motörhead шло полным ходом к тому моменту, когда альбом 2006 года Kiss of Death вошел в Топ-5 немецких чартов. Год спустя Motörhead штурмом взяли лондонский зал Royal Festival Hall: суперзвезда альтернативного рока Джарвис Кокер из группы Pulp пригласил их принять участие в фестивале Meltdown. Его из года в год курируют самые уважаемые представители мира искусств (кураторами Meltdown в предыдущие годы были Ник Кейв, Лори Андерсон, Дэвид Берн, Дэвид Боуи), и приглашение Кокера открывать фестиваль служит неоспоримым доказательством того, что Motörhead приняли в узкий круг самых крутых артистов – пользующихся почтением искушенной публики и известностью во всем мире.

В 2006 году первый альбом The Head Cat, Lemmy, Slim Jim & Danny B (2000), был переиздан под названием Fool's Paradise, и это переиздание услышал кинорежиссер и сценарист Уэс Оршоски. Со своим творческим партнером Грегом Олливером Оршоски задумал документальный фильм о Лемми. Было поставлено условие, чтобы фильм показывал личность Лемми во всей ее полноте, а не просто пережевывал «легкие» темы – условие, которое, к счастью, соответствовало замыслу молодых кинематографистов, – и работа над фильмом началась в 2007 году. Она заняла три года, но когда фильм наконец вышел (под названием «Лемми» и с подзаголовком «На 49 % ебанутый, на 51 % сукин сын»), то получил единодушное признание и еще больше утвердил за Лемми его место в платиновых чертогах культурных икон, которое он заслуживал.

Альбомы и туры шли непрекращающейся чередой – Лемми занимался делом, которое любил больше всего на свете, и месяцами жил в гастрольном автобусе. Motörizer (2008) был словно сокрушительный удар в зубы, стремительная Rock Out подтверждала: Лемми не собирается щадить наши уши, и даже более блюзовая и медленная One Short Life была щедро залита густой и тяжелой звуковой подливкой. The Wörld Is Yours (2010) был сделан в том же ключе, и Лемми выдал некоторые из своих сильнейших текстов в таких песнях, как Brotherhood of Man («Кровь на руках у всех нас, нет никакой надежды отмыть их

начисто / История это тайна – знаешь, что это значит? / Косим всех подряд, убиваем, воюем до сих пор, и нас убивают на месте / Наше наследие – безумие, братство людей»). В честь 35-летия Motörhead группа отправилась в тур, причем концерты в Нью-Йорке, Манчестере (Великобритания) и Сантьяго (Чили) были записаны и изданы в 2011 году под названием The Wörld Is Ours – Volume 1: Everywhere Further than Everyplace Else (вторая часть, с подзаголовком Anyplace Crazy as Anywhere Else, была записана на фестивале Wacken Open Air (Германия) и издана в 2012 году).

Жизнь шла в том же темпе, что и всегда, и Лемми без каких-либо усилий поспевал за ней. *Может быть*, за сценой у Motörhead становилось *немножко* тише. В последние годы Лемми начал еще больше ценить покой своей гримерки, где он мог без помех проглатывать книгу за книгой (о самых разных предметах), играть в игры на своем айпэде и иногда музицировать. Но его комната оставалась местом, куда его друзья могли заглянуть перекинуться словечком, опрокинуть стаканчик-другой-третий бурбона и вдумчиво побеседовать. Посетить Лемми было все равно что прийти посмотреть на редкий драгоценный камень; он никому не позволил бы себя дурачить и всегда отвергал саму идею, что *ему* следует меняться ради большей «популярности», непоколебимая цельность его личности и его человеческая теплота (он вел себя как любимый дядюшка) неизменно вдохновляли всех, кто с ним общался.

Черный день настал в 2011 году – 9 июля Майкл «Вюрзель» Берстон умер из-за проблем с сердцем в возрасте 61 года. В последнее время их отношения с Лемми улучшились, и его смерть стала для Лемми сильным ударом. Подобно смерти Ронни Джеймса Дио годом раньше, Келли Джонсон из Girlschool в 2007-м и Мишель Мелдрам[80] в 2008-м, смерть Вюрзеля стала для Лемми напоминанием о том, что живым отсюда еще никто не уходил и что жизнь некоторых людей обрывается резко и преждевременно.

В феврале 2012 года Motörhead были вынуждены отменить последние четыре концерта тура Gigantour с Megadeth из-за проблем Лемми с ОРВИ и ларингитом, но, за исключением этого отдельного случая, гастрольная деятельность продолжалась без помех, и, помимо прочего, Motörhead съездили в тур Mayhem по американским театрам вместе с Slayer и Slipknot. Лемми даже выпала честь познакомиться с одним из своих главнейших кумиров – Чаком Берри – и присоединиться к звездному сборному концерту в честь Берри в Кливленде, Огайо. Подходил к концу очередной успешный год в карьере Motörhead, но скоро все должно было кардинально измениться. Надо сказать, что Лемми

всю жизнь отличался таким же несгибаемым здоровьем, как стадо антилоп, величественно летящих по саванне. У него не было никаких особых проблем и никаких срывов, что, с учетом его ничем не ограниченного потребления алкоголя, делало его одним из людей, представляющих особенный интерес для науки. Поэтому, когда у него наконец возникли проблемы со здоровьем, это было внезапно, возмутительно и страшно.

Битва до последней капли крови

Первым подняло бунт сердце Лемми – внезапно оказалось, что оно работает на износ и у него нарушен ритм, а это, в свою очередь, легло бременем на весь организм. И вот в начале 2013 года Лемми отправился в больницу за дефибриллятором. Это была его первая серьезная проблема со здоровьем, и Лемми испытал новое чувство – чувство уязвимости. Но друзья окружили его поддержкой, и самые близкие из них навещали его, чтобы сказать, что он все еще тот же самый Лемми и никакой вонючий дефибриллятор его не остановит, и он вернулся в форму.

Если эту тему затрагивали в интервью журналисты, Лемми говорил о «проблемах с сердцем», но он ни в коем случае не собирался давать публике полный отчет о своем состоянии здоровья – главным образом потому, что не хотел постоянно выслушивать от окружающих пожеланий «скорейшего выздоровления», не хотел, чтобы они смущали его навязчивым сочувствием. Вероятно, его собственное мнение точнее всего описывалось словами «нечего дергаться», и он не желал демонстрировать поклонникам свою телесную истощенность. Не забывайте, он был человек, гордившийся своим обликом и беззаветно преданный своим ковбойским сапогам ручной работы, узким черным джинсам и черным рубашкам.

Однако и сам Лемми в глубине души знал, что нельзя слишком долго блефовать, играя в покер со смертью. Уте Кромри, европейский агент Motörhead по связям с прессой и маркетингу, стала Лемми «нянькой» в турах по Европе и вместе с его личными ассистентами следила за тем, чтобы все его, все более многочисленные, рутинные процедуры исправно выполнялись.

Жизнь вошла в определенное русло: после периода интенсивной заботы о своем здоровье Лемми опять с головой нырял в работу, но его организм медленно и верно разрушался, хотя это разрушение, откровенно говоря, было не таким уж сильным при той безбашенной жизни, которую пережил этот организм. Вероятно, главным элементом этого разрушения был

сахарный диабет второго типа – настоящее проклятье для человека, который хлестал Jack Daniel's с колой как воду (собственно, H_2O он выпил за свою жизнь гораздо меньше) и чью диету никак нельзя было назвать «низкоуглеводной». Ему советовали пить диетическую колу вместо обычной, но он только посмеялся и наотрез отказался следовать этому совету, и всегда замечал, если его ассистент пытался подсунуть ему диетическую колу. Другая сложность была в том, что если уж Лемми решал встать на путь здорового питания, то это доходило у него до крайности – так, что оказывало уже обратный эффект. Так, однажды ему предложили утолять голод черникой, но в результате Лемми принялся пожирать ее целыми корзинками, сводя таким образом весь эффект на нет! Рим, как пробормотал кто-то однажды, не сразу строился.

Лемми продолжал потихоньку менять свой образ жизни: двадцать-тридцать минут в день проводил на велотренажере, стал выпивать меньше бурбона с колой и выкуривать меньше сигарет. Следующей проблемной зоной стали ноги, онемение и боль в которых стали все чаще одолевать его (но он и слушать не желал о том, чтобы отказаться от своих знаменитых ковбойских сапог в пользу обуви с плоской подошвой). Продолжались проблемы с сердцем, и организм, вынужденный справляться с ними и с диабетом одновременно, уже не имел ресурсов просто выздороветь. Одно злосчастное падение привело к ушибу бедра, вердикт был: «тяжелая гематома» (на обычном языке – большущий синяк), и доктора заставили Лемми прервать тур, чтобы дать бедру прийти в порядок.

Возвращение на европейские фестивали прошло успешно, концерты назначались на конец недели, поэтому остальное время было свободным. С одной стороны, это было хорошо, потому что давало Лемми возможность отдохнуть между концертами. Однако чем дальше, тем больше появлялось ощущение, что длинные перерывы между концертами лишают смысла сами гастрольные разъезды. Для нас выходные дни означают отдых и расслабление, но для музыканта это просто пустые дни, проведенные в отеле, дни, в которые рабочие руки теряют тонус без регулярных концертов.

В июне стало очевидно, что Лемми не успел достаточно отдохнуть в начале года, и теперь доктора прямо велели ему взять паузу, посидеть дома и дать себе поправиться как следует. С большой неохотой он согласился отказаться от оставшихся концертов лета 2013 года и заявил: «Я хотел бы поблагодарить всех, кто пожелал мне выздоровления; это было трудное решение для меня, потому что я не люблю разочаровывать фэнов, особенно

сейчас, когда экономика в упадке, а люди все равно потратили деньги на то, чтобы увидеть нас».

Лемми принялся отдыхать, но вся эта ситуация затягивалась, и он решил попробовать сыграть на фестивале Wacken Open Air 2 августа. Сейчас идет уже тридцать второй год его истории[81], и он признан одним из крупнейших метал-фестивалей мира: каждый год все 80 000 билетов распродаются за пару недель независимо от того, какие именно группы заявлены хедлайнерами. Это великий праздник рок– и метал-культуры, на котором неизменно выступают такие артисты, как Iron Maiden, Оззи Осборн, Judas Priest, Deep Purple, Saxon и другие, но для многих именно Motörhead являлись гвоздем программы в те годы, когда они там играли[82]. Мнения о состоянии здоровья Лемми разделились, но, несмотря на это, была проделана организационная работа, необходимая для участия группы в фестивале. Лемми как будто нужно было самому увидеть и ощутить раз и навсегда, что состояние его здоровья – настоящая проблема, которая отныне требует от него изменить свой образ жизни. И Лемми нужно было узнать это со всей определенностью от самого важного участника событий – от самого себя.

В назначенный день в Вакене стояла страшная жара – около +35°C, без надежд на снижение температуры – с ужасно высокой влажностью. Как всегда, Лемми сидел в своей гримерке/палатке с работавшим на полную мощность кондиционером, читал, общался со старыми приятелями, заглядывавшими к нему время от времени, а его ассистент Иэн Гейнер внимательно следил за его состоянием. Лемми, конечно, выглядел не таким крепким, как, скажем, десятью годами раньше, но все же он производил впечатление человека, готового бросить вызов своему создателю, и не обращал внимания на молчаливое беспокойство дорожной команды и Ульрики Рудольф – босса лейбла UDR, верного друга и члена семьи Motörhead уже больше двадцати лет.

Но, опять-таки, Лемми было *нужно узнать самому*, к тому же его так настойчиво убеждали отменить летние концерты, что он подспудно чувствовал необходимость сыграть в Вакене во что бы то ни стало – ради фэнов и ради самого фестиваля (который он всегда любил).

– Я тут болел, и вот я вышел на сцену, чтобы поиграть рок-н-ролл и еще немного себя угробить! – прорычал он в микрофон, а затем грохнула I Know How to Die, перешедшая в Damage Case. Никому – ни на сцене, ни на поле – не было легко на этой давящей жаре, и она, а также состояние самого Лемми, превратила для него этот концерт в настоящий марафон.

Лемми никогда не делал того, что ему велели; доиграв The

Chase Is Better than the Catch, он сам решил, что нужно остановиться. Главными факторами, повлиявшими на его решение, были сильное утомление и искренний страх того, что он подвергает себя опасности. Он вернулся в свою гримерку, где потом медленно приходил в себя. Разумеется, в этих обстоятельствах немедленно началось горячее обсуждение состояние его смертной оболочки, из которого надрывались телефоны и веб-сайты. Правда состояла в том, что Лемми заставил себя дойти до предела и услышал в ответ то, чему даже он сам до последнего не верил. Чтобы и дальше не только играть концерты, но и вообще жить, ему следовало изменить свои привычки. Однако он не перенес в тот день никакого приступа или срыва: он просто дошел до черты и остановился. Несмотря на свое сердце, несмотря на жару, несмотря на ощущение бессилия, охватившее его после… Catch, Лемми продолжал контролировать ситуацию. И наконец получил ответ.

Вернувшись в США, он согласился решительно изменить свой образ жизни – настолько, насколько можно было это сделать без ощущения, что уже не живешь по-настоящему. Чтобы полноценно прожить день, он все еще нуждался в амфетаминах, но наибольшую опасность для него представляло другое белое вещество – сахар, а также прочие углеводы. Еду для него готовили под надзором докторов и его верной подружки Шерил (она профессиональный повар). Чтобы не засиживаться, он продолжал каждый день заниматься на велотренажере, он перешел с бурбона с колой на водку с апельсиновым соком (несмотря на сахар, содержащийся в апельсиновом соке!) и начал больше спать и в целом больше отдыхать. Всем, в том числе самому Лемми, было очевидно, что он разбирается со своими недомоганиями и уплачивает пени, набежавшие за несколько десятилетий жизни без сна и компромиссов. Но он в что бы то ни стало собирался продолжать работать. Пусть иногда он начинал жаловаться, его главное и неизменное ощущение в то время можно было бы сформулировать так: что еще делать, если не играть? Что еще делать, если не делать музыку? Что делать, если не гастролировать?

Помимо этого у Лемми было глубоко укорененное чувство «командности». Motörhead всегда были его командой и его семьей, и как патриарх этой семьи он не допускал и мысли о том, чтобы всех подвести. Чувство вины терзало его уже из-за отмены концертов в 2013 году, и как бы окружающие ни пытались убедить его, что никакому чувству вины здесь нет места, Лемми (будучи Лемми) всегда в некоторой степени его испытывал. И больше всего Лемми не хотел подводить фэнов. Это была

настоящая дилемма. Было немыслимо показывать свою слабость, но закончить карьеру из-за подорванного здоровья тоже было неприемлемо. И вот, хотя изменения, которые Лемми внес в свою жизнь, были не столь радикальны, как представлялось необходимо в то время, для него они были колоссальны. Ко всему прочему, в жизни произошла еще одна важная перемена: он переехал с Хэррет-стрит в более просторную квартиру в только что построенном и девственно чистом кондоминиуме по соседству. И впрямь – жизнь «с чистого листа».

Шерил заботилась о нем, а Лемми поправлялся и восстанавливал силы как мог. Альбом Aftershock, записанный в начале 2013 года и первоначально запланированный к выпуску на лето, вышел в октябре и получил хорошие рецензии. Первый альбом за три года, Aftershock содержал чистую, неразбавленную и бескомпромиссную музыку Motörhead с беззастенчиво рокерским подходом к элементам блюза, а Лемми написал еще более красноречивые и пропитанные величественным гневом тексты («Молчать, когда говоришь со мной!»). Альбом появился в хит-параде Billboard на 22-м месте, и начались разговоры об обычном для группы зимнем туре по Европе. Однако состояние здоровья Лемми все еще было неудовлетворительным: с помощью докторов он должен был одновременно заниматься своим диабетом, проблемами с сердцем и поддержанием разумного образа жизни. Концерты перенесли на начало 2014 года, но организм Лемми был несговорчив, и тур пришлось отменить вовсе.

Зато группа приняла приглашение сыграть в апреле на Фестивале музыки и искусств в долине Коачелла, проводящемся в городе Индио, Калифорния: два выступления за два уикенда перед самой продвинутой аудиторией американских хипстеров. Все усилия были направлены на то, чтобы Лемми сумел сыграть эти концерты. Для репутации Motörhead в США выступления на Coachella были чрезвычайно важным делом. Этот фестиваль является настоящим рогом изобилия музыки разных жанров и приглашает как самых актуальных артистов, так и классиков, достойных восхищения в веках. Motörhead разделили афишу с такими артистами, как OutKast, Lorde и Бек, что доказывало их непреходящее культурное значение как критикам, так и слушателям за пределами преданной аудитории группы. За неделю до фестиваля для разминки Motörhead сыграли в Сан-Франциско и в лос-анджелесском Nokia Club (последний концерт особенно сильно укрепил их уверенность в своих силах), и Лемми почувствовал, что готов снова сесть в седло. После Coachella группа отправилась в Европу, чтобы выступить на летних

фестивалях, как делала почти каждый год, а вернувшись в США, организовала первый круиз на катере Motörhead (Motörhead Motörboat cruise) – «Самом громком катере в мире».

Кое-где высказывались предположения, что Лемми заставляют работать помимо его воли. Подобные подозрения оскорбляют его. *Каждый*, кто считает, что Лемми делал что-то наперекор своим желаниям, очевидно, совсем не знал его. *Конечно*, он принимал в расчет интересы других людей, и не приходится сомневаться, что он чувствовал свою вину, отменяя концерты. И *конечно*, он теперь быстрее уставал, был не таким сильным, как прежде, и зачастую нуждался в серьезном отдыхе между концертами (Лемми наконец узнал, что такое спать: в его прежней жизни этого слова практически не существовало). И все же вся эта деятельность просто-напросто была его профессией. В этом для Лемми и заключалась жизнь. Лемми сам избрал этот путь, и, следуя то ли инстинкту, то ли своим желаниям, то ли (что наиболее вероятно) сочетанию того и другого, он всегда стремился играть как можно больше. Он не мог не замечать новую волну интереса к Motörhead, благодаря которой группа имела самый громкий успех за десятки лет, играла во все больших залах, и билеты раскупались без остатка, и Лемми по крайней мере желал как можно полнее насладиться всем этим. Возможно, единственное, что расстраивало его, было то, что из фигуры несомненной силы он превратился в человека, чье состояние здоровья стало главной темой в разговорах о нем. Лемми было жалко тратить время на то, чтобы принимать чужое сочувствие, и хотя он ценил добрые слова окружающих, его, несомненно, ранило положение человека, которому столь часто желают «выздороветь».

В ноябре 2014 года Motörhead съездили в более короткий, чем обычно, тур по Европе со своими друзьями из The Damned и Skew Siskin, а затем взяли отпуск на пять недель, прежде чем в 2015 году собраться для записи нового альбома. Сочинение материала и запись дались группе нелегко. Продюсер Кэмерон Уэбб настаивал, чтобы почти вся работа делалась живьем – чтобы музыканты играли и записывались вместе, в одной комнате. Группа очутилась на новой для себя и не очень уютной территории, и поначалу это вызвало чувство дискомфорта. Но Bad Magic оказался лучшим альбомом Motörhead за десять лет, и критики и поклонники соревновались друг с другом в том, кто раньше даст ему восторженный отзыв. Самую громкую работу группы за десять лет открывает боевой клич Лемми («Победа или смерть!»), чья едкая мощь свидетельствует о том, что за прошедшее время его гнев не утих. Лемми формулирует

проблемы человека в обществе и проблемы самого общества с остротой бритвы («Оглянись и посмотри на солдат, посмотри, как они маршируют на войну / Внимательно смотри, как они шагают мимо / Они все герои, но не знают, за что сражаются / Так держать, победа или смерть»), и в целом тексты на этом альбоме насыщены бунтарским духом и презрением к системе, лжецам, жуликам и говнюкам. Процесс записи был тяжелым, но в результате альбом оправдал себя, попав в Топ-5 практически во всех европейских странах (Лемми был особенно доволен первым местом в немецких чартах) и в Топ-40 в США.

Группа обсуждала планы празднования своего сорокалетия, и Лемми рассматривал несколько идей для шоу, в том числе идею воскресить сцену из тура в поддержку Iron Fist 1982 года (которая опускалась из-под потолка на четырех мощных цепях, а прожекторы помещались спереди снизу) и идею вновь запустить знаменитый, безумно популярный и теперь обновленный бомбардировщик. Победил бомбардировщик, хотя, в отличие от его первого появления в конце 70-х, Лемми не собирался залезать на него и летать туда-сюда над сценой.

Лемми исхудал, но в его глазах все еще играли искорки, а с языка все так же была готова в любой момент сорваться остроумная, саркастичная шутка. Как любой человек, приближающийся к своему семидесятому дню рождения, Лемми отзывался о «прогрессе» с высокомерием и некоторой презрительностью. Он пользовался айфоном и айпэдом, но не тратил времени на восхищение интернетом и, казалось, смирился с тем фактом, что неугомонный темп современного мира, в общем и целом, не оставляет места для восхищения мастерством и высоким качеством работы. Гостям, приходившим к нему, иногда приходилось разглядывать, скажем, кинжал времен Второй мировой войны и выслушивать дифирамбы мастерству, с которым этот предмет был изготовлен и гравирован. Эти предметы совершенно точно НЕ БЫЛИ сделаны в Гонконге! И он всегда находил время услышать прекрасный голос и настоящую музыку – при гостях он включал записи Skew Siskin, Skunk Anansie, Evanescence и других артистов и всегда был готов обратить внимание на молодых бойцов. Энтузиазм Лемми в отношении гастрольных радостей действительно шел на убыль, но перестать ездить в туры было бы странно: гастроли были делом его жизни. Лемми делал все от него зависящее, чтобы этот процесс не останавливался. На сцене он появлялся в стильных белых кожаных ботинках на толстой резиновой подошве; в жизни он стал еще меньше курить и пить и гораздо реже тусовался.

2015 год был успешным, и ранним вечером 26 июня

Motörhead отыграли свой сет на сцене «Пирамида» фестиваля «Гластонбери»; хедлайнерами были The Libertines и Florence & the Machine. По многим причинам это был важный момент в истории Motörhead. В начале своей карьеры они делали музыку и олицетворяли стиль жизни и жизненную позицию для многих людей – не только в рамках своего жанра, – и вот на сороковой год своей истории они снова предъявили свои права на место новаторов британского рок-н-ролла. Их выступление транслировалось на Би-Би-Си, они сыграли оглушительно и шумно и как следует встряхнули публику, и легендарная фигура Лемми, возможно, никогда прежде не была так ярко представлена в британском мейнстриме. Газета Daily Telegraph писала, что Motörhead были «идеальной группой для фестиваля – в грязи и под дождем они звучат даже лучше», The Times заявили, что «ранний вечер пятницы на "Гластонбери-2015" принадлежал Motörhead» и что «было приятно для разнообразия увидеть альтернативу священным коровам мира, любви и здорового образа жизни». Но лучше всего высказался рецензент NME (газеты, которая никогда не была замечена в особенной симпатии к Motörhead): «Иэн "Лемми" Килмистер идет по жизни, наплевав на свои чакры, и, как всегда, выглядит крутым патлатым говнюком в своих зеркальных солнечных очках и с бородавками на лице». Признание в США тоже росло как на дрожжах. В августе Городской совет Лос-Анджелеса официально чествовал Motörhead по случаю сорокалетия группы, и Лемми, который уже двадцать пять лет жил в Лос-Анджелесе, очень гордился этим.

Однако его жизнь постепенно становилась все тяжелее.

Усталость и общая потрепанность запустили в него свои когти, и Лемми мог лишь тихо размышлять над этой иронией судьбы: именно тогда, когда Motörhead переживали взлет популярности, его здоровье все чаще оказывалось помехой. Но он храбро шел вперед, летние фестивали прошли успешно, а осенью был запланирован тур по Америке. Этот тур тяжело дался ему, концерты в Солт-Лейк-Сити и Остине были прерваны из-за проблем с дыханием, вызванных высотной болезнью, а шоу в Денвере пришлось отменить. И все же, немного отдохнув, Лемми пришел в себя и довел тур до конца, а также провел неделю в круизе на катере Motörboat, который отплыл из Майами.

Вероятно, из-за его собственной радостной уверенности в своих силах все окружающие – менеджеры, близкие люди, друзья – полагали, что участившиеся проблемы Лемми со здоровьем вызваны несколькими поддающимися лечению заболеваниями и, разумеется, просто возрастом. Лемми регулярно консультировался с докторами, но был настроен решительно и

предвкушал осенний тур по Европе.

Тур начался хорошо, Фил Кэмпбелл и Микки Ди чувствовали, что группа играет не хуже, чем прежде, и что Лемми работает отлично – разве что иногда забудет строчку-другую (что вообще случается с музыкантами, не использующими телесуфлер). С группой ездили Шерил и Уте, так что за Лемми было кому присматривать. Все шло хорошо, но 11 ноября Лемми услышал о смерти Фила Тейлора, «Грязного животного». Это был серьезный удар. Тейлор болел уже несколько месяцев, и всего за несколько дней до того они говорили по телефону. Но хотя Лемми знал о серьезной болезни Тейлора, его смерть стала для него большим горем – уход товарища по группе и старого приятеля вызвал более острое осознание его собственного ухудшавшегося здоровья.

Европейский тур шел при аншлагах, причем Motörhead играли в таких больших залах, в которых не работали давно. Два концерта в Мюнхене, прошедшие при полных залах, были записаны для будущего концертного альбома (также Motörhead собирались записать два своих концерта в лондонском «Аполло», также известном как Hammersmith Odeon, которые должны были состояться в январе 2016 года и все билеты на которые были распроданы). У группы даже было время перенести пару концертов на конец тура – и на этот раз не по причине состояния здоровья Лемми!

Тем временем уже было решено устроить 13 декабря вечеринку в честь семидесятилетия Лемми в лос-анджелесском клубе Whisky a Go Go – собрание друзей, которые будут развлекаться под рок-н-ролл во вкусе Лемми: для них будут играть Мэтт Сорум, Слэш, Роб Трухильо, Слим Джим Фэнтом, Дэнни Б. Харви, Уитфилд Крейн, Скотт Иэн, Себастиан Бах, Стив Вай, Билли Айдол, Крис Джерико, Боб Кулик, Билли Даффи, Стив Джонс, Закк Уайлд и сын Лемми Пол.

Те из собравшихся, кто не видел Лемми пару месяцев, были шокированы его изможденным видом. Он выглядел опустошенным, очень усталым, очень заторможенным, а его речь было труднее разобрать. С другой стороны, ему было почти семьдесят лет, и он только 48 часов назад вернулся из полноценного тура по Европе! Вечеринка получилась удачной, хотя Лемми наблюдал за происходящим с балкона: он не вышел на сцену поиграть, предпочитая сидеть и слушать музыку и иногда почитывать книжку.

Лемми продолжал плохо себя чувствовать и согласился через пару дней после вечеринки сходить к доктору. Ему сделали несколько анализов и КТ мозга. Результаты пришли быстро и

были трагическими. Это было просто непостижимо. У Лемми нашли агрессивный рак в терминальной стадии. Главный злодей спрятался среди других болезней и каким-то образом оставался незамеченным вопреки всем обследованиям, которые проходил Лемми. Рак поразил все – мозг, шею, тело. Прогноз был от двух до шести месяцев. Обратного пути не было. Никто из близких Лемми людей не знал, что делать. Днем 26 декабря его менеджеры (Тодд Сингермен, Шелли Берггрен, Диксон Мэттьюс) отправились к нему домой вместе с доктором, Лемми ждал их с Шерил и Полом.

Будучи человеком смелым и практическим, Лемми воспринял известие лучше, чем ожидалось: немного поворчал, как мало времени ему осталось (что было совершенно понятной реакцией), но в остальном он удивительно спокойно и рассудительно принял новое положение вещей. Его спросили, как он хочет сообщить людям эту новость. Хочет ли он вообще рассказывать об этом? Может быть, следует сообщить только нескольким людям? Хочет ли он кого-либо видеть? Лемми ответил, что не видит ничего плохого в том, чтобы рассказать о своем раке: нет никаких причин это скрывать, а если кто-то из близких друзей захочет его навестить, то конечно, почему бы и нет. Ужасная задача сообщить людям о раке начала постепенно выполняться. Всего лишь месяцем раньше людей, получавших теперь это мрачное известие, приглашали на вечеринку по случаю семидесятилетия Лемми в Whisky a Go Go в Голливуде. Теперь им деликатно намекали, что стоит навестить Лемми и попрощаться с ним в ближайшие несколько недель.

Если новость о раке в терминальной стадии была ударом для людей, то новость, появившаяся всего два дня спустя, 28 декабря, оказалась просто душераздирающей. В гостях у Лемми был его старый друг Майкл Маглиери из клуба Rainbow Bar and Grill. Лемми некоторое время играл в свою любимую видеоигру Megatouch – автомат принесли в его квартиру из Rainbow, – затем лег вздремнуть и… просто ушел. Прошло всего семнадцать дней с тех пор, как Лемми сошел со сцены зала Max-Schmeling-Halle в Берлине.

В считанные часы сообщение об этой трагедии облетело весь мир. Об этом говорили на всех крупных новостных каналах, от американских Fox News, CNN и CBS до британских BBC и ITV, а интернет буквально взорвался. Сотни и сотни людей приходили во второй дом Лемми – Rainbow, а в следующие 72 часа сообщений стало еще больше: прессу всего мира нескончаемым потоком наводнили некрологи, статьи в память об умершем и траурные заголовки. Лучше всего, вероятно, выразилась редакция

французского ежедневного издания Libération, где на первой странице было грубо, но идеально точно напечатано слово «БЛЯДЬ!» – Лемми наверняка посмеялся бы, если бы увидел.

Товарищи Лемми по рок-н-роллу немедленно начали отдавать ему дань уважения. Одним из первых выразил свою глубокую скорбь Оззи Осборн. «Сегодня я потерял одного из моих лучших друзей – Лемми. Я буду по нему скучать. Он был воином и легендой». Также высказались участники Metallica: «Лемми, ты одна из главных причин того, что наша группа существует. Мы навсегда благодарны тебе за вдохновение». Элис Купер, Брайан Мэй из Queen, Джин Симмонс из Kiss, Iron Maiden, Никки Сикс из Mötley Crüe, Judas Priest и многие, многие другие принесли свои соболезнования в социальных сетях. В следующие несколько дней было высказано столько мыслей и поведано столько историй, что они все слились в один ком.

Поминальное торжество состоялось 9 января 2016 года – организовать его было нелегко. Мягко говоря, Лемми не был любителем церквей, так что место проведения должно было быть нейтральным. Много лет назад переехав в Лос-Анджелес, Лемми все это время не жалел слов, превознося свой новый дом, именно в этом городе Лемми хотел быть похороненным, и местом упокоения для него выбрали кладбище «Форест-Лаун» в Голливуд-Хиллс (там же похоронен Ронни Джеймс Дио). Кроме того, с учетом миллионов скорбящих поклонников, надо было решить, каким бы Лемми хотел видеть это «событие» – и хотел бы он вообще какое-либо событие? Это нужно было сделать, насколько возможно, торжеством в честь его жизни. Своего рода памятник его жизни. И хотелось, чтобы в этом было что-то от «вечеринки»; всем присутствующим подавали Jack Daniel's (его хватило даже на добавку), а пока люди приходили отдать покойному дань уважения и славить его жизнь, из колонок весело играли записи Bonzo Dog Band. У входа в часовню, усыпанные цветами, стояли усилители Лемми, урна (прекрасная урна в форме одной из знаменитых шляп Лемми), сапоги, выпивка, фотографии Motörhead и бас-гитара. Было решено вести с поминального вечера бесплатную трансляцию через YouTube, чтобы сотни тысяч людей по всему миру могли тоже принять участие в торжестве и послушать трогательные речи и истории, которые рассказывали гости.

Лемми наверняка тихо гордился бы тем, сколько его друзей и товарищей пришли высказаться. Оззи Осборн, Ларс Ульрих, Дейв Грол, Слэш, Роб Трухильо, Роб Хэлфорд, Triple H, Ди Снайдер, Гизер Батлер, Джин Симмонс, Джерри Кантрелл, Майк Инез, Уит Крейн, Слим Джим, Скотт Иэн, Дафф Маккаган, Ник Тернер –

список музыкантов и других артистов, которые пришли помянуть Лемми, можно продолжать долго, и многие из тех, кто не пришел сам, выразили свое уважение письменно. Микки Ди высказал свои мысли, а Фил Кэмпбелл болел и не мог приехать, но он прислал букет цветов, выражающий дух Лемми! Было эмоционально тяжело, но вместе с тем очистительно слушать слова членов семьи Motörhead – Роджера де Сузы, Иэна Гейнера, Уте Кромри и Диксона, а сын Лемми, Пол, произнес трогательную речь. Последнее слово осталось за самим Лемми – один из его ассистентов, Стив Луна, ударил по одной из его бас-гитар Rickenbacker 4001 и выкрутил громкость на максимум, чтобы получить «финальный» фидбэк, а затем пришло время заключительной части прощания в Rainbow. Друзья, члены семьи, поклонники разговаривали, смеялись, плакали и пили, но во всем чувствовалось неверие в произошедшее. Лемми был не просто артистом, не просто музыкантом, он был образом жизни и его имя могло служить эпитетом, он был зачинателем и пионером громкой, быстрой, свободной и поистине раскрепощенной жизни, он был человеком, чья привлекательность не знала границ жанров, гендеров, культур, профессий и континентов. Прореха, оставшаяся после его смерти, была слишком велика, чтобы его семья, друзья и поклонники могли осознать ее.

В последовавшие дни, недели и месяцы все, кто любил Лемми, говорил одно и то же: «Его смерть не кажется настоящей. Это просто абстракция».

Но хотя Лемми…

Человек до неприличия порядочный

Человек огромного ума и мудрости

Человек слов и прекрасного языка

Человек цельный

Человек чести

Человек самостоятельный и человек альтруистичный

Человек большого сердца и большой доброты

Человек, который один раз после 1969 года попробовал целый год брить лицо и понял, что получается так себе

Человек, чьи ноги не видели солнечного света до 1992 года

Человек, который однажды положил тарелку с жареными гребешками с сыром в пластиковый контейнер и через 12 часов вытащил их, чтобы позавтракать

Человек, который мог рассказать тебе всё о «Титанике» – всё!

Человек, который несколько десятков лет смотрел телевизор с пулевыми отверстиями в динамике (по крайней мере, эти дырки были *похожи* на пулевые отверстия, но он не любит огнестрельное оружие, так что кто знает?)

Человек, который любил собирать эти маленькие игрушки из «Киндер-сюрпризов»

Человек, который мог бы посрамить большинство учителей своим знанием мировой истории

Человек, который любил Спайка Миллигана, Гарри Сикомба, Питера Селлерса и «Монти Пайтон»[83]

Человек, у которого, несмотря на все его недовольство людьми в целом, ВСЕГДА находилось время для каждого

Человек, который не терпел ублюдков и подлецов

Человек, который любил и ценил женщин

Человек, который умел писать прекрасные песенные тексты

Человек, который прекрасно играл на бас-гитаре

Человек, который изменил правила игры наилучшим образом

Человек, который олицетворял собой целый стиль жизни и рядом с которым *каждый* мог жить *по-своему* без осуждения

Человек, который для столь многих был тотемом, героем…

… покинул здание, Иэн Фрейзер «Лемми» Килмистер остается легендой. Рожденный проигрывать, он прожил жизнь победителем, и его наследие помогает многим, многим людям делать то же самое, каким бы ни был их путь в жизни. Так что прошу вас… поднимите стакан и включите громкость НА ПОЛНУЮ! Он бы не требовал от вас ничего другого.

notes

Примечания

1

На самом деле эта фотография пригодилась позже: речь идет об альбоме Orgasmatron 1986 года, см. ниже (*здесь и далее примечания переводчика*).

2

Girl Guides – движение девочек, основанное лордом Баден-Пауэллом по образцу созданного им же ранее движения бойскаутов.

3

Песня Боба Меррилла, более всего известная в оригинальном исполнении американки Патти Пейдж (1953). Однако в Великобритании было более популярно исполнение английской певицы по имени Лита Роза – именно ее версия заняла 1 место в британских чартах в том же 1953 году.

Би-сайд – песня на оборотной стороне сингла.

5

На лэп-стил-гитаре (lap steel guitar) играют слайдом, положив ее на колени.

6

Крупнейший город на Англси.

7

Кавычки, надо думать, отсылают к одноименному роману Джека Керуака (изд. 1957) – классике литературы битников.

8

Исполнители оригинальных версий этих песен: Ричи Бэррет (Richie Barrett), Бенни Спеллмен (Benny Spellman), Эдди Фонтейн (Eddie Fontaine), The Contours (две последние).

9

Песня Стивена Фостера (опубл. 1864), которую часто использовали в фильмах (например, в «Унесенных ветром», 1939) и пели поп-певцы, например, Бинг Кросби и Джерри Ли Льюис.

10

Номер из диснеевского музыкального фильма «Песня Юга» (1946) (музыка: Элли Врубель, слова: Рэй Гилберт).

11

По-видимому, ошибка автора: в Rainbow Лорд не играл, в отличие от своих коллег по Deep Purple – Ричи Блэкмора, Роджера Гловера и Джо Линн Тёрнера.

Густафсон потом добился даже большего успеха – как участник Ian Gillan Band и как приглашенный басист на нескольких альбомах Roxy Music.

13

Джонни Джентл – британский поп-певец, которого теперь помнят главным образом потому, что в недельном туре по Шотландии в 1960 году ему аккомпанировали будущие The Beatles, которые тогда назывались The Silver Beetles.

14

Пара серийных убийц, ответственных за так называемые «убийства на болотах» в 1963–1965 гг. Именно к ним отсылает название группы The Moors Murderers, в которой недолго играла Крисси Хайнд в начале своей карьеры (см. ниже).

15

Роуди, от слова road – дорога, также «дорожная команда» – ассистенты музыкантов, занимающиеся техническими и мелкими организационными вопросами.

16

Возможная аллюзия на песню The Velvet Underground Waiting For The Man, герой которой ждет в условленном месте встречи с продавцом героина.

17

Официально группа в описанном составе прекратила свое существование в 1967 году.

18

Лемми описывает знаменитую фотографию Джона Леннона и Йоко Оно, сделанную во время их ареста за хранение марихуаны 18 октября 1968 года. Если не считать вторым арестованным «битлом» Йоко Оно, то речь, вероятно, идет об аресте Джорджа Харрисона и его жены Патти Бойд за хранение гашиша 12 марта 1969 года. Обратите внимание на нестрогую хронологию в этом абзаце: альбом Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band The Beatles выпустили раньше, в 1967 году; Джек Брюс и Джинджер Бейкер играли с Грэмом Бондом еще раньше и основали Cream уже в 1966 году.

19

Улица в центре Лондона, вокруг которой с XIX века образовался престижный медицинский квартал.

20

Панк-группа The Damned образовалась в 1976 году.

21

В астрологии считается, что свойства знака зодиака в человеке проявляются сильнее, если в этом знаке у него не одно, а, например, два или три небесных тела.

22

Агентство Release было основано в 1967 году художницей, феминисткой и политической активисткой Кэролайн Кун и бывшим студентом художественного колледжа Руфусом Харрисом для оказания юридической поддержки людям, обвиненным в хранении наркотиков. В 1972 оно получило статус благотворительной организации, а позже – грант от британского правительства. Среди клиентов агентства были Джон Леннон и Джордж Харрисон.

23

Фестиваль на острове Уайт проводился с 1968 по 1970 год и был ключевым событием того времени – в первый год его посетило 10 000 человек, а в третий уже 600 000 (по более скромным оценкам – 300 000). На нем выступали такие музыканты, как Jefferson Airplane, Боб Дилан, The Band, The Who, Джо Кокер, Джими Хендрикс, Майлс Дэвис, The Doors, Джоан Баэз и Леонард Коэн. С 2002 года фестиваль проводится ежегодно.

24

Фамилия вокалиста Twisted Sister – Снайдер (Snider), но в книге Лемми она неизменно написана на немецкий манер – Schneider (Шнайдер). Вероятно, можно это списать на увлечение Лемми темой Германии вообще и Второй мировой войны в частности. Отметим также, что интерес Лемми к истории Второй мировой войны разделяет, например, Кит Ричардс.

25

По обвинению в причастности к взрывам, организованным леворадикальной группой «Сердитая бригада» (при которых, правда, никто не погиб).

Полицейских.

27

Точное название – The Sean Head Showband.

28

Концертный альбом Hawkwind 1973 года (записан в декабре 1972).

«Поверх» существующей звуковой дорожки.

30

Это прозвище он получил за то, что продавал наркотики в туалете клуба Middle Earth.

31

На самом деле Power Cut это название не целой стороны, а одного трека на второй стороне двойного альбома.

32

Уоллис играл в UFO несколько месяцев в 1972 году, когда группа переживала переходный период, но еще раньше они успели выпустить два альбома, которые, впрочем, не пользовались большим успехом ни в Великобритании, ни в США.

33

Motorcycle Irene.

34

«Чьего-то» – Криса Фарлоу. Дейв Гринслейд и Крис Фарлоу работали вместе в Colosseum и в собственной группе Фарлоу Thunderbirds.

EB 84 (1984). Эдмундс также был продюсером на их следующем альбоме, Born Yesterday (1985).

36

Возможно, имеется в виду писатель-фантаст.

37

Собственно, Лютер Гроувенор – его настоящее имя, а Ариэль Бендер – псевдоним, который он иногда использовал.

38

Слово filthy (грязный) созвучно имени Phil. К тому же прозвище Тейлора пишется как Philthy Animal, что подчеркивает это сходство.

39

Авторы песни – ее первый исполнитель (1951) Тайни Брэдшоу (Tiny Bradshaw) и музыкальный менеджер Сид Нейтан. Версия Джонни Бёрнетта (1956) примечательна тем, что из джамп-блюзового оригинала он сделал гитарный рок-н-ролл. К тому же это один из первых случаев использования искаженного гитарного звука.

40

Одна из самых знаменитых песен в истории рока. Оригинальная версия (1957) принадлежит ее автору Ричарду Берри (Richard Berry), а с тех пор ее записывали такие разные артисты, как The Kingsmen, Отис Реддинг, The Sonics, Black Flag, Игги Поп и многие другие; ее играли на концертах Джон Леннон, Led Zeppelin, MC5, Toots & The Maytals, The Clash, Лу Рид и т. д.

41

«Мертвецы нюхают ногти пальцев ног». Шутка в созвучии.

42

Строго говоря, на том фестивале играли не Eurythmics, а The Tourists – предыдущая группа Дейва Стюарта и Энни Леннокс. Распад The Tourists и образование Eurythmics произойдет только год спустя, в 1980-м.

43

Дикий Билл Хикок (1837–1876) – герой американского Дикого Запада, известный стрелок, игрок, разведчик и представитель закона.

44

Как видно из названия, песня как раз и посвящена дорожной команде – техникам, звукорежиссерам и т. д.

45

Несколько человек передают по кругу пирог, пока играет музыка; когда музыка смолкает, человек с пирогом в руке должен залепить им в морду соседу, и сосед выбывает из игры.

Hit and Run (1981).

47

Вероятно, ошибка Лемми – Iron Fist занял в чартах 6-е место. Ошибка кажется ненамеренной, что подтверждается словами «хуже, чем пара предыдущих альбомов»: если бы Iron Fist действительно занял 4-е место, то он бы сравнялся в чартах с Ace of Spades и уступал бы только No Sleep 'Til Hammersmith.

48

Весьма остроумная комедия This Is Spinal Tap (1984), снятая как документальный фильм о гастролях вымышленной рок-группы, чья слава сходит на нет.

49

Сексуальная игрушка для женщин, имеющая азиатское происхождение.

50

Район Лондона.

51

Песня The Rolling Stones.

52

Outlaws – американская группа, играющая кантри-рок/южный рок.

53

Пол Резерфорд.

54

Песня Фелис и Буделоу Брайантов, впервые записанная The Everly Brothers (1961). Ее также записывали Рой Орбисон (1961) и Джим Капалди (1975), а самая известная версия принадлежит Nazareth (1975).

55

Песня Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна II из мюзикла «Карусель» (1945), ставшая в самых разных странах мира песней футбольных фанатов; эта традиция началась в футбольном клубе «Ливерпуль» в начале 60-х.

56

В студийной версии Motörhead действительно записана в тональности ми, но на концертах Motörhead часто играли в пониженном строе, и эта песня звучала в ми бемоле (в ми бемоле, кстати, Motörhead звучит и в студийной версии Hawkwind).

«Спящий» (1973).

58

Английский актер, сценарист и телеведущий, один из участников комической труппы «Монти Пайтон».

59

Документальный фильм Пенелопы Сфирис о тяжелой сцене Лос-Анджелеса во второй половине 80-х, часть трилогии, где первый фильм был посвящен панкам рубежа 70-х – 80-х, а третий – бездомным подросткам-неформалам второй половины 90-х.

60

Джоан Коллинз (род. 1933) – английская актриса. Ее дебют в кино состоялся в 1951 году; в 70-е гг. ее карьера пошла на спад, она снималась в хоррорах, а также в эротических фильмах «Жеребец» (1978) и «Сука» (1979), снятых по романам ее младшей сестры Джеки Коллинз (см. ниже). В 80-е она была звездой американской мыльной оперы «Династия», которая принесла ей номинации на «Золотой глобус» и «Эмми».

61

Пэт Бун (Pat Boone) – американский поп-певец, бывший особенно знаменитым в 50-е годы. Здесь речь идет об альбоме In a Metal Mood: No More Mr. Nice Guy (1997).

62

Toot на сленге означает дорожку кокаина.

The Last Temptation of Elvis (1990).

64

Джесси Оуэнс (1913–1980) – афроамериканский легкоатлет. В эпоху расовой сегрегации в США его обслужили бы не во всяком ресторане из-за цвета его кожи. С другой стороны, на Олимпиаде 1936 года в Берлине он стал самым успешным атлетом, получив четыре золотые медали: особенно важное достижение с учетом того, что нацистское правительство хотело сделать из Олимпийских игр демонстрацию превосходства «арийской расы» над всеми прочими.

65

Эту фразу обычно приписывают генералу Эриху Людендорфу.

66

Поджанр фильмов ужасов с акцентом на реалистичное и детальное изображение насилия.

67

Кассетный плеер.

Играл с Оззи Осборном, Гэри Муром, Whitesnake, Тедом Ньюджентом, Thin Lizzy.

69

Афроамериканский таксист, ставший жертвой избиения сотрудниками полиции Лос-Анджелеса в 1991 году. Четыре офицера полиции предстали перед судом по обвинению в физическом насилии с применением смертоносного оружия и чрезмерном применении силы. Трое из них были оправданы по обоим пунктам обвинения, четвертый был признан невиновным в применении смертоносного оружия; жюри присяжных не смогло вынести вердикт по второму пункту обвинения. Де-факто полное оправдание полицейских вызвало массовые беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992 году, в которых пострадало больше 2000 человек и погибли 55 человек. Министерство юстиции США предъявило полицейским обвинение в нарушении гражданских прав Кинга; в результате двое офицеров были признаны виновными и приговорены к 32 месяцам тюрьмы, а другие двое были полностью оправданы.

70

Hellraiser можно примерно перевести как «опасный буян, хулиган, дебошир».

71

Джазовый саксофонист, сын пианиста Эллиса Марсалиса-младшего. Трое из его пятерых братьев (в том числе трубач Уинтон Марсалис) тоже являются профессиональными джазменами. Помимо известности в джазовой среде Брэнфорд также знаменит своим многолетним сотрудничеством со Стингом.

72

Основатель хард-рок-группы Mountain.

73

Третий фильм из франшизы, начало которой было положено фильмом Hellraiser – экранизацией новеллы Клайва Баркера. Над первым фильмом Баркер сам работал как сценарист и режиссер, остальные фильмы снимались без его участия.

Это не следует понимать буквально: Бернхард Микульски (1929–1997) основал ZYX в 1971 году.

75

Рок-н-ролльная песня, впервые записанная Литл Ричардом в 1956 году.

76

Колонки, обращенные на музыкантов, чтобы они хорошо слышали сами себя и друг друга.

77

Один из так называемых мейджоров, то есть крупнейших лейблов.

78

Песня Keep Us On The Road. На английском языке текст Лемми и его интерпретация на японском издании созвучны: Лемми – We came across a bad **vibe** / **Naked**, **grinding fear**, интерпретация – We came across a pipe**line** and **they kept trying** to inter**fere**.

Он принял участие в записи песни Serial Killer на Hammered.

80

Американская гитаристка, больше всего известная своим участием в группах Phantom Blue и Meldrum.

81

На самом деле двадцать седьмой: Wacken Open Air проводится с 1990 года.

82

Motörhead играли на Wacken Open Air в 1997, 2001, 2004, 2006, 2009, 2011, 2013 и 2014 гг.

83

Спайк Миллиган (1918–2002) – английский комик, писатель, музыкант и актер. Гарри Сикомб (1921–2001) – валлийский комик и певец. Питер Селлерс (1925–1980) – английский киноактер, комик и певец. «Монти Пайтон» – труппа английских комиков.